

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики и литературоведения
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой Жил
_____ К.В. Анисимов
«_____» _____ 2021 г.

**БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА: ПОЭТИКА
СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ**

Выпускник

К.В. Тюнина

Научный руководитель

д-р филол. наук, доц. Е.Е. Анисимова

Нормоконтролер

Я.В. Баженова

Красноярск 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ.....	9
1.1. Понятие социального воображения в научном дискурсе	9
1.2. Специфика социального воображения в контексте советской эпохи	17
1.3. Советская научная фантастика как форма социальной и политической мысли	24
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	29
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ.....	31
2.1. Доминанты советской научной фантастики	31
2.2. Динамика советской научной фантастики	44
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	56
ГЛАВА 3. ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ В СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ.....	58
3.1. Трансформация жанра путевого очерка в научно-фантастической литературе.....	58
3.1.1. Приключенческая версия путевого очерка: жюльверновская традиция в творчестве А. Беляева, И. Ефремова, А. и Б. Стругацких.....	58
3.1.2. «Космическая робинзонада»: «Обитаемый остров» А. и Б. Стругацких	70
3.2. Реконструкция мотивов и сюжетных элементов романтического путешествия в советской фантастике	79
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	88

ГЛАВА 4. ТРАДИЦИИ ИДЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ЖАНРОВ В СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ.....	90
4.1. Аллегорические версии социально-утопического и сатирико-фантастического романа в творчестве В. Итина, И. Ефремова, А. и Б. Стругацких	90
4.2. Соцреалистический канон и советская научная фантастика	100
4.2.1. Черты соцреалистического романа как модификации романа воспитания в повести «Мы – из Солнечной системы» Г. Гуревича.....	100
4.2.2. Элементы производственного романа в произведениях И. Ефремова и братьев Стругацких.....	109
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	126
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Доминанты советской научной фантастики: сравнительная таблица	140

ВВЕДЕНИЕ

Советская научная фантастика – это феномен историко-культурного значения. Данная литература, популярная в советскую эпоху, связана с массовым сознанием, выступает от его имени и к нему апеллирует. В этом отношении представляет интерес исследование идеологически-значимого образа будущего, ставшего важным фактором формирования не только картины мира советского человека, но и поэтики научно-фантастических произведений. Коллективный образ будущего – это область социального воображения. В своем исследовании «Воображаемые установления общества» К. Касториадис доказывает, любое общество существует лишь при наличии общих воображаемых значений [Касториадис, 2003]. Понятие социального воображения еще не имеет целостного концептуально-теоретического оформления, однако исследователи активно обращаются к изучению различных идеологических факторов, формирующих общие коллективные представления внутри той или иной общественной группы [Андерсон, 2016; Джеймисон, 2006; 2010; Сайд, 2016]. Это же касается работ, посвященных истории и семиотике советской повседневности [Бойм, 2019; Каспэ, 2011; 2015; 2018; Кукулин, 2007; 2017; Юрчак, 2014]. Несмотря на наличие немалого количества работ по данной теме, закономерности и функции социального воображения еще не до конца осмыслены. В нашей работе предпринята попытка анализа советского социального воображения через призму научно-фантастической литературы, ставшей инструментом художественного освоения главного социокультурного образа данной эпохи – образа «светлого будущего». Избранный нами подход позволяет, во-первых, выйти на специфику советской культурной парадигмы, во-вторых, затронуть вопросы художественно-жанрового своеобразия советской научной фантастики.

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена, во-первых, вниманием отечественной и зарубежной науки к теме социального

воображения [Андерсон, 2016; Касториадис, 2003; Михайлова, 2000; Петровский, 2014; Сайд, 2016; Тейлор, 2010 и др.]; во-вторых, интересом гуманитарных наук к изучению культуры и словесности советского периода [Богданов, 2009; Кукулин; 2007; Острова утопии, 2015; Там, внутри, 2012; Фокин, 2015; Юрчак, 2014], в том числе к осмыслинию специфики советских социокультурных образов [Джеймисон, 2006; 2010; 2015; Каспэ, 2011; 2015; 2018; Кукулин, 2017; Иванов, 2018]; в-третьих, вниманием современного литературоведения к анализу жанровой специфики советской литературы [Кларк, 2002; Токарева, 2011; 2012; Земскова, 2016], исследованию особенностей произведений научной фантастики [Комиссаров, 2015; Козьмина, 2016; 2017; Лем, 2008; Фрумкин, 2004; Цветков, 2009; Черняховская, 2016] и изучению творчества ведущих писателей-фантастов [Ковалев, 2020; Манченко, 2012; Неронова, 2016; Саморукова, 2012; Харламов, 2019].

Научная новизна данного исследования состоит в комплексном анализе поэтики советской научной фантастики. В работе сопоставляются и изучаются научно-фантастические произведения разных периодов советской истории, в то время как в современных научных исследованиях преобладает исследование научной фантастики какого-то одного периода. Кроме того, впервые выявляются и анализируются основные жанровые традиции, которые концентрирует в себе советская фантастика.

Объектом исследования является образ будущего как нарративное воплощение общих социальных ожиданий; **предмет** исследования – художественный образ «светлого будущего» и способы его сюжетно-жанровой презентации в советской научной фантастике.

Материалом исследования послужили наиболее репрезентативные тексты советской научной фантастики: «Страна Гонгури» (1922) В. Итина; «Звезда КЭЦ» (1936), «Лаборатория Дубльвэ» (1938), «Под небом Арктики» (1938) А. Беляева; «Туманность Андromеды» (1957), «Час Быка» (1970) И. Ефремова; «Страна багровых туч» (1959), «Путь на Амальтею» (1960),

«Полдень, XXII век» (1961), «Обитаемый остров» (1968) А. и Б.Стругацких; «Мы – из Солнечной системы» (1965) Г. Гуревича; «Сто лет тому вперед» (1978) К. Булычева; «Сила сильных» (1985) Д. Биленкина.

Цель работы – определить особенности нарративного конструирования социокультурного образа «светлого будущего» в советской научной фантастике.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) систематизировать научные представления о категории социального воображения;
- 2) определить специфику социального воображения в контексте советской эпохи;
- 3) проанализировать советскую научную фантастику как опыт социальной и политической рефлексии;
- 4) выделить основные доминанты советской научной фантастики;
- 5) проследить динамику советской научной фантастики;
- 6) выявить особенности трансформации жанра путевого очерка в советских научно-фантастических произведениях;
- 7) сформулировать функции романтических мотивов и сюжетных элементов в советской фантастике;
- 8) исследовать научно-фантастические произведения как аллегорические версии социально-утопического и сатирико-фантастического романа;
- 9) проанализировать ориентацию научной фантастики на соцреалистический канон.

Методологической базой исследования стали труды Б. Андерсона, Ф. Джеймисона, К. Кастроидиса, Э. Саида и др., посвященные категориям воображения и воображаемого в общественном коллективном сознании [Андерсон, 2016; Джеймисон, 2006; 2010; Кастроидис, 2003; Сайд, 2016]; монографии и статьи по истории и семиотике советской повседневности С. Бойм, И. Каспэ, И. Кукулина, А. Юрчака [Бойм, 2019; Каспэ, 2011; 2015;

2018; Кукулин, 2007; 2017; Юрчак, 2014]; работы В.А. Ковалева, Е.Ю. Козьминой, Т.Н. Токаревой, И.В. Нероновой по жанровым традициям в советской литературе и научной фантастике [Ковалев, 2020; Козьмина, 2016; 2017; Токарева, 2011; 2012; Неронова, 2016].

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации знаний о категории социального воображения, а также в исследовании идеологической специфики как советского социального воображения, так и советской научной фантастики. Полученные результаты и сделанные выводы могут послужить методологической основой для изучения картины мира советского человека, а также для дальнейшего исследования поэтики советской научно-фантастической литературы.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения ее результатов в спецкурсах и спецсеминарах по советской культуре, истории советской литературы, научной фантастике и непосредственно творчеству авторов, чьи произведения рассматриваются в данном исследовании.

Апробация. Основные результаты исследования были представлены на международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2019); Международной студенческой конференции (Новосибирск, 2020); Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021» (Москва, 2021); Открытой конференции студентов-филологов в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 2021); II Международном «Форуме языков и культур» (Красноярск, 2021; Диплом I степени). Исследование прошло апробацию в научной периодике. По теме выпускной квалификационной работы опубликовано 1 статья, 2 тезисов:

1. Тюнина К.В. Образ будущего в творчестве И.А. Ефремова (на материале романов «Туманность Андромеды» и «Час Быка») // Siberia Lingua: электронный научный журнал. 2019. Вып. № 1. С. 255–261.

2. Тюнина К.В. Феномен социального воображения в советской научной фантастике // Литературоведение: Материалы 58-й междунар. науч. студ. конф. 10–13 апреля 2020 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 68–69.

3. Тюнина К.В. Советская научная фантастика: поэтика социального воображения [Электронный ресурс] // Филология: Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. М.: МАКС Пресс, 2021. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_35_21975.htm

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, в конце дается заключение, приводятся список литературы (145 наименований) и Приложение. В первой главе «Социального воображение и его роль в формировании советской культурной парадигмы» рассматривается феномен социального воображения и определяется его специфика в контексте советской эпохи. Вторая глава «Особенности советского социального воображения в научной фантастике» посвящена выявлению доминант и анализу динамики советской научной фантастики. Третья глава «Традиции литературы путешествий в советской научной фантастике» включает исследование научно-фантастической литературы через призму географического романа приключений, восходящего к жанру путевого очерка, и романтической поэмы, преимущественно описывающей скитания главного героя. В четвертой главе «Традиции идеологических жанров в советской научной фантастике» научно-фантастические произведения выявляются и анализируются черты социально-утопического, сатирико-фантастического и соцреалистического романов. В заключении обобщаются результаты проведённого исследования, делаются выводы. Приложение представляет собой таблицу по доминантам советской научной фантастики с цитатами из анализируемых произведений.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

1.1. Понятие социального воображения в научном дискурсе

Воображение как таковое считается «непременным условием социального существования, и в качестве такого формирует основу всего того, что является важным для сообщества» [Бараш, 2011: 88], то есть его ценностные представления, в связи с чем социальное воображение можно рассматривать как элемент общественного сознания, определяющий картину мира как отдельного человека, так и общества в целом.

Понятие социального воображения стало предметом исследования не так давно – в конце XX в. и еще недостаточно проработано в общественных и гуманитарных науках. Однако общее представление о социальном воображении можно считать сложившимся. Принято считать, что первыми исследованиями, связанными с понятиями воображения и воображаемого в общественном коллективном сознании, стали следующие работы: «Воображаемое установление общества» К. Кастроидиса, «Ориентализм» Э. Саида, «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона [Кастроидис, 2003; Сайд, 2016; Андерсон, 2016]. Данные работы послужили основой для дальнейших исследований области воображаемого. О социальном воображении как таковом писали М. В. Михайлова, Ч. Тейлор, П. С. Петровский и др. [Михайлова, 2000; Тейлор, 2010; Петровский, 2014]. Воображаемое в групповом сознании в контексте исследования утопического восприятия и ностальгических переживаний рассматривали И. Каспэ и С. Бойм соответственно [Каспэ, 2011; 2015; 2018; Бойм, 2019]. Тема воображаемого будущего была раскрыта в работах Ф. Джеймисона, А. Е. Воронцова, Ю. Такера [Джеймисон, 2006; 2010; 2015; Воронцов, 2013; Такер]. Анализ указанных работ позволяет нам определить сущность

феномена социального воображения и выделить его основные особенности и функции.

В ряде исследований понятие социального воображения сближается с понятием идеологии. Так, К. Кастроадис, обращаясь к области воображаемых значений в процессе анализа идей марксизма, оперирует понятием «социального воображаемого», под которым понимается система целенаправленно создаваемых образов [Кастроадис, 2003]. Данное понятие, согласно мнению А. Коневой, в контексте рассуждений ученого выступает синонимом «идеологии» [Конева, 2016: 54]. С идеологией и политикой связывается понятие ориентализма в работе Э. Саида. Учёный, рассматривая Восток как «почти всецело европейское изобретение» [Сайд, 2016: 7], отмечал важную культурную роль Востока на Западе, акцентировал внимание на политических целях Запада на Востоке. Э. Сайд писал: «ориентализм можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком – общение при помощи высказываемых о нем суждениях, определенных санкционируемых взглядах, его описания, освоения и управления им, – короче говоря, ориентализм – это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» [Там же: 10]. Следовательно, происходило намеренное искажение Западом представлений о реальном Востоке, способствующее осуществлению указанных целей. Более широко вопрос о социальном воображении и идеологии был рассмотрен Ф. Джеймисоном в работе «Политика утопии». Ф. Джеймисон утверждает, что каждый из нас находится внутри идеологии, прикован к определенной идеологической субъективной позиции, детерминирован классовой принадлежностью и классовой историей, следовательно, воображаемое всегда «остается неразрывно связано с той или иной идеологической перспективой» [Джеймисон, 2010].

В контексте темы соотношения социального воображения и идеологии необходимо обратиться к работе Ч. Тейлора «Что такое социальное воображаемое?». Ч. Тейлор определяет социальное воображаемое, в

частности, как «общепринятое понимание, делающее возможными совместные практики, а также формирующее и сплачивающее чувство легитимности» [Тейлор, 2010]. Рассматривая социальное воображаемое в сопоставлении с теорией, Ч. Тейлор раскрывает механизм их взаимодействия: теория, представляющая набор новых практик и поддерживаемая при зарождении лишь «горсткой людей», проникает в социальное воображаемое сначала элиты, а потом и всего общества, и трансформирует его [Там же]. Преображенное социальное воображаемое в свою очередь служит базисом для модификации теории, в связи с чем процесс этого взаимовлияния можно назвать «бесконечным» [Там же]. Под теорией, несомненно, понимаются те или иной идеологические установки, внедряющиеся в социальное воображение. Таким образом, для нашего исследования принципиально важна мысль о том, что социальное воображение нельзя рассматривать в отрыве от установленной в определенном обществе и в определенное время идеологии и не учитывать ее влияние на общественное сознание.

Функция образов социального воображения заключается в формировании как индивидуальной, так и общественной идентичности. Так, К. Кастроидис рассматривает человека как «бессознательно философское существо», которое, существуя в рамках какого-либо общества, определяет себя и определяется другими в соотнесенности с «мы» – символом, которым наделяет себя каждый коллектив [Кастроидис, 2003]. Философ видит роль воображаемых значений в том, что они помогают обществу определить свою идентичность, свою структуру, окружающий мир, свое отношение к нему и содержащимся в нем объектам, свои потребности и свои желания, а без ответов на эти вопросы, согласно К. Кастроидису, невозможно существование человеческого мира, общества и культуры [Там же: 72].

Такая функция образов социального воображаемого была отмечена и Э. Сайдом. Учёный акцентировал внимание на том, что воображаемый Восток способствовал формированию собственной идентичности Запада:

«Восток помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста свой собственный образ, идею, личность, опыт» [Сайд, 2016: 8]. Сходна и позиция Б. Андерсона, который считает, что все сообщества являются воображаемыми по причине того, что «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности», с которой себя люди и отождествляют [Андерсон, 2016: 47].

Как сложную систему координат идентичности социальное воображаемое определяет А. Конева [Конева, 2016: 59], а В. Т. Кудрявцев и М. Коул рассматривают воображение как «третий глаз» культуры, при помощи которого «человек интегрирует в своей повседневной перцепции миллионы, миллиарды человеческих взглядов на вещи в собственный уникальный образ мира, находя в нем место и самому себе» [Кудрявцев, Коул, 2015: 466–467]. В связи с вышеизложенными взглядами, можно говорить о единодушном мнении исследователей о социальном воображаемом как о факторе формирования идентичности.

Одним из важных вопросов в исследовании социального воображения заключается в определении отношений социального и индивидуального воображения. Наиболее полно раскрыла этот вопрос М. В. Михайлова в работе «О возможности социального воображения». Под индивидуальным воображением исследовательница понимает психическую энергию, создающую то, чего нет в действительности, и в этом случае синонимом воображения выступает фантазия [Михайлова, 2000]. Социальное же воображение связано с процессом внедрения продукта чьего-то персонального воображения в общественное сознание (при этом персональное теряет свое первоначальное качество) и развитием стереотипных представлений о чем-либо [Там же]. Раскрывая логику социального воображения, М. В. Михайлова отмечает соотношение его образов со сферой власти, а также необходимость их тавтологического

воспроизведения для закрепления в социальном воображении: «это униформирующее и конформирующее движение рецепции образа, который приходит к нам из пространства власти, причем сообщения здесь не предполагается: санкционированный образ требует лишь тавтологического воспроизведения» [Там же].

Анализ продуктов воображения вообще и в частности воображения социального требует особого методологического подхода. Э. Сайд задает следующий принцип исследования воображаемого Востока: «Следует обращать внимание прежде всего на стиль, фигуры речи, обстановку, приемы повествования, исторические и социальные обстоятельства, а не на правильность презентации или ее верность некоему великому оригиналу» [Сайд, 2016: 37]. Тот же принцип находим и у Б. Андерсона, который считал, что воображаемые сообщества «следует различать не по их ложности / подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются» [Андерсон, 2016: 48]. Тем самым на первый план выходит не соответствие воображаемого образа реальности, или реальности будущего (в плане воображаемого будущего), а те приемы и способы, с помощью которых создается этот образ, а также то, как он связан с исторической, политической, идеологической и культурной ситуацией, порождением которой он отчасти и является.

В процессе исследования воображаемого Э. Сайд и Б. Андерсон обращались к анализу различных нарративов, в связи с чем подтверждается мысль А. Коневой о том, что социальное воображение может быть выражено нарративно [Конева, 2016: 59]. Благодаря этой особенности воображения, по мнению А. Коневой, «происходит освоение (присвоение) социального воображаемого (универсального или конкретного) воображением индивидуальным» [Там же: 59]. О нарративной выраженности образов социального воображения говорил Ч. Тейлор, который считал, что представления человека о своем социальном окружении запечатлевается в историях и легендах [Тейлор, 2010]. Одним из способов фиксации плодов

воображения и своего рода «лабораторией воображаемого», по мнению Б. В. Дубина и А. И. Рейтблата, является литература [Дубин, Рейтблат, 2014], но особенно показательными в этом плане выступают произведения научной фантастики, где отражаются представления о грядущем, соответствующие общественным ожиданиям в тот или иной период времени.

Структура социального воображения рассматривается в работах «Социальное воображение: свойства и особенности трансформации» А. С. Петровского и «Понятие и структура социального воображения» А. Коневой. Социальное воображение указанные исследователи рассматривают в разных аспектах, поэтому его наполнение у них не тождественно.

А. Конева считает, что социальное воображение имеет символически-знаковую структуру, открывающуюся через представления о возможном. Исследовательница выделяет следующие имагинативные координаты создания различных образов социального: пары «пространство / время», «тождество / различие», «верх / низ», «собственное / чуждо», а также «мужское / женское», «возможное / пережитое» и такие репрезентации, как «тело», «маска», «роль», «власть» [Конева, 2016: 59].

Принципиальный интерес для нашего исследования представляет концепция структуры социального воображения А. С. Петровского. Ученый исходит из того, что социальное воображение – это «способность отражения обществом на определенном этапе своего развития образов прошлого и настоящего, а также создание проектов и продуктов их трансформации и конструирования в будущем» [Петровский, 2014: 95]. Основным компонентом социального воображения, по Петровскому, является идеальное воображаемое, или гештальт, под которым понимается «недосягаемый идеал, определяющий смысл жизнеустройства общества и предлагающий его оформление» [Там же: 95]. Гештальт статичен и имеет бессознательный характер [Там же: 95]. Такими гештальтами в исторической ретроспективе, согласно А. С. Петровскому, выступали мифологические системы,

религиозные доктрины, идеологии и мировоззренческие концепции [Там же: 95].

Важная функция идеального воображаемого в структуре социального воображения состоит в том, что оно «формирует отношение как к исторической памяти общества, так и к футуристической перспективе» [Там же: 95]. Стремление к идеализации, по мнению А. Е. Воронцова, является одним из проявлений человеческой природы [Воронцов, 2013: 204], тем самым идеальное воображаемое выступает как утопический элемент в составе социального воображения и оказывается связанным с тем, что Ф. Джеймисон назвал «попыткой вообразить мир без негативности» [Джеймисон, 2006: 43]. И. Каспэ в работе «В союзе с утопией», посвященной исследованию утопической рецепции, отмечала, что утопия «конструируется не как личный фантазм, а как универсальная, коллективная, рациональная мечта и именно в этом качестве назначается объектом желания» [Каспэ, 2018: 107–108]. Частицы утопии можно обнаружить как в представлениях о настоящем, прошлом и будущем, так и при исследовании «ностальгических эмоций и “ностальгических пространств”» [Там же: 20]. С. Бойм в своем исследовании «Будущее ностальгии» рассматривает ностальгию как «симптомом столетия, историческое переживание» [Бойм, 2019: 19], и при таком подходе ностальгия соотносится с групповыми представлениями, а соответственно и с социальным воображением. Ностальгия «путает реальный дом и воображаемый» и создает «phantomную родину» [Там же: 19], которая не соответствует реальной, а предстает идеализированной. В связи с этим С. Бойм определяет ностальгию, в частности, как утопию, направленную в прошлое [Там же: 15].

Вторым компонентом социального воображения, по А. С. Петровскому, является историческая память, связанная с пространством прошлого, третьим – представление о настоящем, а четвертым – представление о грядущем, или «ималогическое будущее» [Там же: 96–97]. Учёный выделяет две формы ималогического будущего – социальные

ожидания и социальное прогнозирование; обе они исходят из «интенции гештальта и вызовов происходящего» [Там же: 97].

Взгляд А. С. Петровского на образ будущего как на составляющий элемент социального воображения особенно значим в перспективе нашего исследования. О том, что природу образов будущего следует искать в феноменах общественного сознания и коллективном бессознательном, писал А. Е. Воронцов [Воронцов, 2013: 201]. Понятие образа будущего он трактует как «относительно целостную картину будущего, которая вырабатывается в определенное время у определенного социума и формируется на базе тех мыслей и чувств, которые вызывает будущее в группах современников» [Там же: 201]. Значение образа будущего, содержащегося в социальном воображении, состоит в том, что этот образ способен влиять как на настоящее, так и на происходящие в дальнейшем события [Джеймисон, 2010; Воронцов, 2013: 2014].

Кроме того, Ф. Джеймисон, рассуждая о возможностях воображаемого будущего, приходит к выводу о том, что люди не способны по-настоящему вообразить будущее таким, какое оно будет, так как видение будущего всегда оказывается «всего лишь будущим одного из моментов нашего собственного прошлого» [Джеймисон, 2006: 38], то есть обусловленным тем историческим моментом, в которое это будущее воображается. Развивая мысль Ф. Джеймисона, Ю. Такер писал так: «каждое воображаемое будущее имеет свое прошлое, точно так же, как каждый исторический момент имеет свое собственное видение будущего» [Такер].

Итак, на основании вышеизложенного понятие социального воображения можно определить как способность общественного сознания создавать общие для всех членов коллектива образы, способствующие формированию идентичности, выраженные нарративно, почти всегда идеологически детерминированные властью и порой основанные на утопическом. Социальное воображение включает в себя, прежде всего, представления о прошлом, настоящем и будущем, при этом видение

будущего всегда исторически обусловлено и не может претендовать на прогноз будущего как такового.

1.2. Специфика социального воображения в контексте советской эпохи

Советская ментальность является весьма актуальной проблемой в изучении психологии, культуры и истории советского общества как в отечественной, так и в зарубежной науке. При этом область воображаемого становится одним из основных направлений в исследованиях советского общественного сознания. Аспекты, рассматривающиеся в научных работах по истории и семиотике советской повседневности, отражают идеологическую ограниченность советского социального воображения.

Однако прежде, чем перейти к идеологической специфике образов воображения, рассмотрим характер отношений государственной власти и народа в советскую эпоху. Эти отношения также можно считать одной из форм воображаемых установок. В коллективной монографии «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России» под редакцией А. Эткинда, Д. Уффельмана и И. Кукулина такие отношения определены понятием внутренней колонизации, под которой понимается «применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства» [Там, внутри, 2012: 12]. А если определять внутреннюю колонизацию конкретнее, то это – форма установления иерархии государственной власти как центра и народа как подчиняющейся центру периферии [Там же: 753]. Такая форма отношений между государством и народом была характерна и для имперской России, однако подчинялась совершенно иным задачам. С приходом же к власти революционной элиты, как отмечается в исследовании, внутренняя колонизация стала «способом строительства нового социалистического общества» [Там же: 600]. Одной из основных задач являлась разработка

механизмов превращения победившего пролетариата в строителя новой культуры, ставился вопрос о формировании нового субъекта, чья идейная позиция соответствовала бы государственным установкам [Там же: 644]. Основной практикой осуществления данных целей стало конструирование культурных мифов, формирующих те представления людей о реальности, которые были выгодны и необходимы власти [Там же: 742].

Несомненно, что культурные мифы являлись элементами концептуально оформленных представлений советского общества, т.е. существовали в рамках установленной государством идеологии. Эта идеология целостно сложилась после революции 1917 года и официально была названа марксизмом-ленинизмом. Она была призвана сформировать картину мира советского человека, в связи с чем государством осуществлялась идеологическая обработка населения и пресекались всякие отклонения от идеологических норм. Следовательно, советский человек мыслил в границах идеологических перспектив, его индивидуальное воображение так или иначе идеологически детерминировалось и направлялось.

Рассмотрим идеологическую специфику базовых стереотипов сознания советского человека. Среди основных культурных мифов в рамках советской системы можно назвать пространство заграницы и пространство коммунистического будущего. Отметим, что эти пространства были, прежде всего, воображаемыми. Они, формируя реальность советского человека, представляли собой продукт реализации стратегии для уклонения ситуации «здесь и сейчас», о которой писала И. Каспэ, акцентируя внимание на такой особенности мировоззрения советского общества как «утрата контакта с реальностью» [Каспэ, 2018: 6].

Воображенное пространство заграницы – это, прежде всего, воображаемый Запад, который, как отмечает А. Юрчак, не был связан с реальным зарубежным миром: он располагался в неопределенном месте и о нем говорили в основном «там», «у них» [Юрчак, 2014: 113]. Более того,

определения воображаемого Запада имели отрицательную коннотацию, что работало на формирование стереотипа об «избранности» СССР. И.В. Кукулин в статье «Советские послевоенные утопии» указывал на то, что в советской прессе страны Запада изображались как «лицемерное и агрессивное общество», в связи с чем цивилизации, находящиеся в состоянии кризиса, описывались в литературе в виде «погибающей Америки» или «обобщенного Запада» [Кукулин, 2017: 19]. Именно так культурный миф заграницы, создаваемый институтами власти, проникал в область социального воображения, а затем выражался в индивидуальном творчестве, наполняясь новыми смыслами и конструируясь в наиболее целостный образ.

Тот же самый механизм был и у культурного мифа о «светлом будущем». Однако пространство коммунистического будущего намного сложнее и в функциональном, и в структурном плане, чем пространство заграницы. Продолжая характеристику будущего, частично осуществленную нами в предыдущем параграфе, отметим значимость образа будущего в целом, а затем перейдем к особенностям и функциям именно коммунистического будущего.

Роль будущего в социальной реальности состоит в следующем: во-первых, оно «демонстрирует работу механизмов целеполагания»; во-вторых, «неизбежно оказывается зеркалом и проекцией настоящего, обыгрывая и тем самым делая явными проблематичные, конфликтные, вытесняемые области актуального опыта»; в-третьих, «позволяет судить о когнитивных ресурсах культуры, о доминирующих формах знания, понимания и оценки, об основных процедурах установления и поддержания смыслового порядка» [Каспэ, 2018: 123–124]. Кроме того, как мы уже отмечали, будущее связано с утопией и воплощает «вечную надежду человека на лучшее» [Александрова, 2012: 199]. Источником для реконструкции образов будущего могут служить господствующие идеологии, социальные проекты, литературные утопии, научная фантастика, политические партийные программы, кинематограф и т.д. [Желтикова, 2008: 67]. Как видим, изучение образов будущего

необходимо для более глубокого осмысления особенностей общественного самосознания той или иной исторической эпохи.

В контексте советской системы образ будущего занимал отдельное место в связи с особой ценностью будущего по сравнению с настоящим и прошлым. Такая футурологическая направленность ожиданий советского человека была основана прежде всего на концепции коммунистического общества. В рамках советской идеологии коммунизм играл роль идеала, к которому нужно стремиться, т. е. выступал по терминологии А. С. Петровского «гештальтом» [Петровский, 2014]. В советской системе, как отмечал А. Юрчак, объективная истина, на которой базировалась легитимность идеологии и власти, была сформулирована в виде постулата о возможности и даже неизбежности построения коммунизма, и средствами советского идеологического дискурса было невозможно поставить под сомнение эту истину [Юрчак, 2014: 50]. Интересная мысль о коммунистическом будущем уже в связи с социальным воображением была высказана И. Каспэ: «теория неминуемого наступления коммунизма предполагает, что будущее лишь отчасти является сферой персонального воображения, в гораздо большей степени оно – сфера априорного “научного” знания, “общее” коллективное пространство, которое может оцениваться по критериям достоверности, узнаваемости» [Каспэ, 2018: 129].

Намерение жить ради «светлого будущего», как пишет И. Каспэ, подчиняло себе «актуальный повседневный опыт» [Каспэ, 2015]. Так подтверждается мысль И. В. Желтиковой и Д. В. Гусева о том, что идея, обретая образную конкретизацию, «стимулирует субъективную готовность к деятельности по его реализации» [Желтикова, Гусев 2011: 172]. Советские люди готовы были самоотверженно работать на строительство и приближение «светлого будущего». Страна жила с сознанием своей великой исторической миссии, что оправдывало все трудности и жертвы в реальной жизни. Таким образом, коммунистическое будущее становилось не только

представлением о грядущем в реальном времени, но и предметом веры и стремлений, а также фактором формирования национальной идентичности.

Неотъемлемым элементом воображаемого будущего в общественном сознании советской эпохи можно считать такую категорию как пространство космического воображения, которая была выделена К. Ивановым [Иванов, 2018: 212]. Актуализация данной воображаемой категории связана со стремительным развитием космонавтики, в частности, советской, и осмыслением космоса как достижимого пространства. Наиболее вероятным считалось покорение Луны. Так, Л. Г. Фишман отмечал, что освоение Луны воспринималось советским обществом как дело завтрашнего дня [Фишман, 2002: 32]. Луна, таким образом, стала одним из символов советской национальной мечты о будущем. Кроме того, важно отметить, что запуск первого спутника в 1957 г. и первый полет человека в космос в 1961 г. сыграли большую роль в развитии космического воображения, укрепили уверенность в скором покорении космоса. Что касается воображаемых космических путешествий, то они являлись основным и повторяющимся сюжетом в советских научно-фантастических произведениях. И если у западных авторов пространство космического воображения, как отмечает К. Иванов, присутствовало внутри писательского сознания, то у советских – вне его: «оно охватывало весь советский социум и поэтому было для советского человека не внутренней, а внешней реальностью», внутри которой «можно было двигаться только в каком-то одном направлении» [Иванов, 2018: 212].

Уверенность в достижении космических далей являлась, безусловно, одним из показателей утопического характера образа коммунистического будущего, которое мыслилось как сверхразвитое общество с научными и технологическими успехами. Однако коммунистическое будущее связывалось также с социальным и духовным прогрессом, а точнее – с формированием «нового человека». В связи с этим активно развивалось социальное проектирование. Основным, но, конечно же, не единственным полем для разработки социальных проектов стала сфера образования.

Педагогическое и социальное проектирование в Советском Союзе 1940–1980-х годов было подробно рассмотрено в коллективной монографии «Острова утопии» под редакцией И. Кукулина, М. Майофис и П. Сафонова. В данной работе анализируется в первую очередь утопический характер проектов и программ по реформированию образования. Авторы монографии отмечают, что политическая система советского государства основывалась на своего рода «принуждении к утопии» [Острова утопии, 2015: 13]. Очень долгое время государство выступало абсолютным монополистом по созданию различных проектов, в том числе, образовательных, однако в 1950–1960-е годы произошла, по словам авторов, «приватизация утопии», которая стала возможной в трех сферах: искусстве, образовании и, в меньшей степени, публицистике на философские и научные темы [Там же: 11]. Особенностью советской образовательной политики 1950–1960-х годов авторы монографии называют сосуществование двух противоположных тенденций: одновременное стремление и к разнообразию, и к унификации [Там же: 12]. Стоит отметить, что указанные тенденции были актуальны и для различных относительно индивидуальных проектов будущего в искусстве, в особенности, в научно-фантастической литературе. Например, И. Каспэ отмечала, что коммунистическое будущее, будучи коллективным пространством, оценивающимся по критериям достоверности и узнаваемости, все же освобождалось от диктата государственного планирования, оставляя место для персональной включенности и персонального целеполагания писателя-фантаста [Каспэ, 2015].

Так возникла особая форма деятельности, которую И. Кукулин назвал альтернативным социальным проектированием [Кукулин, 2008]. Ее представители, как отмечает ученый, стремились, во-первых, «отрефлексировать советские формы социальности», во-вторых, «создать и/или показать новые возможности для социального действия» [Там же]. В научной фантастике альтернативное социальное проектирование появилось еще в конце 1950-х годов и было связано с выходом в свет романа И. А.

Ефремова «Туманность Андромеды», ознаменовавшим переход от фантастики «ближнего прицела» к фантастике, изображающей «далнее будущее» [Там же]. Именно после этого коммунистическое будущее стало объектом различных репрезентаций, которые отражали индивидуальный взгляд автора, но при этом не выходили за рамки общих социальных ожиданий.

В заключение скажем немного о судьбе образов советского социального воображения. Очевидным является то, что эти образы были утрачены вместе с распадом СССР в 1991 году. Одной из причин стало обнаружение несоответствия между надуманным и реальным. Так, А. Юрчак отмечает, что в конце 1980-х годов, когда начала открываться советская граница, стало понятно, что воображаемый Запад значительно отличается от Запада реального [Юрчак, 2014: 400]. Это послужило толчком для быстрой и бесследной утраты пространства воображаемого Запада вместе с исчезновением всей советской системы, внутри которой оно возникло [Там же: 400].

Та же участь постигла и коммунистическое будущее: оно постепенно утратило свою актуальность и перестало быть предметом веры и надежд советского человека. Описывая ощущения советских людей после падения Советского Союза, С. Бойм отмечала: «Жизнь стала более интересной, чем вымысел, причем настоящее было более захватывающим, чем прошлое или будущее» [Бойм, 2019: 293–294]. Таким образом, коммунистическое будущее оказалось «всего лишь будущим одного из моментов нашего собственного прошлого» [Джеймисон, 2006: 38].

Итак, мы увидели, что социальное воображение в советскую эпоху было привязано к установившейся идеологической системе, в рамках которой осуществлялся сам советский проект. Воображаемые образы, которые возникали в сознании советского общества, формировались под влиянием культурных мифов и становились частью мировоззрения советского человека. Они окончательно были утрачены тогда, когда

произошел распад СССР, и советская идеологическая концепция потеряла свою актуальность.

1.3. Советская научная фантастика как форма социальной и политической мысли

Рассматривая произведения научной фантастики как нарративный источник реконструкции образов социального воображения, и прежде всего – коллективного образа будущего, мы будем отталкиваться от концепций исследователей воображаемого образа будущего Ф. Джеймисона и И. В. Желтиковой. Главная функция научной фантастики, по мнению Ф. Джеймисона, заключается не в том, чтобы помочь вообразить лучшее будущее, а в демонстрации абсолютной неспособности человека это сделать в связи с идеологической замкнутостью системы, в которой он заперт и которая, следовательно, определяет его мышление, его индивидуальное воображение [Джеймисон, 2010]. Кроме того, значимость научно-фантастической литературы на тему будущего состоит еще и в том, что представленный в ней авторский образ будущего соединяет в себе фрагменты общих социальных ожиданий, отражает идеалы, мечты и стремления писателя и его современников, а также, по мысли И. В. Желтиковой, «функционирует как ссылка – выводит на коллективный образ будущего» [Желтикова, 2013: 80]. Итак, научно-фантастические тексты станут для нас тем, что можно назвать результатом массового применения социального воображения, позволяющим обнаружить как его границы, так и главные тенденции, ценностные ориентации, присутствующие в сознании общества.

В СССР научная фантастика являлась частью советской литературы, она была весьма популярной и среди писателей, и среди читателей. Причиной популярности научной фантастики, как отмечал В. В. Комиссаров, стало главным образом то обстоятельство, что ее эстетика наиболее полно соответствовала духу индустриального общества и научно-технической

революции [Комиссаров, 2015: 1681]. Второй причиной привлекательности научной фантастики исследователь называет возможность обойти цензурные запреты, поставить такие вопросы, какие невозможно было затронуть в реалистической прозе и публицистике [Там же: 1681].

Авторами научно-фантастических произведений становились представители научно-технической интеллигенции. Если ранее, как отмечал Е. В. Цветков, ученый, желавший высказаться по вопросам, выходящим за пределы его узкой области, писал философские эссе, то в советскую эпоху, наряду с эссе, он пишет научную фантастику [Цветков, 2009: 19]. Так как авторы фантастической литературы являлись членами советского общества и носителями мировоззрения эпохи, то образ коммунистического будущего стал одним из основных объектов художественной разработки.

Отметим, что будущее было провозглашено основной темой советской научно-фантастической литературы в программной статье А. Беляева «Создадим советскую научную фантастику» 1938 года. Важность разработки образа будущего в данной статье определяется так: «Художественный показ картины будущего может еще больше поднять энтузиазм строителей социализма и облегчить перенесение временных трудностей, которых, конечно немало встретится на пути» [Беляев, 1938]. На это, очевидно, и работало соответствующее идеологической концепции «светлого будущего» позитивное изображение картин полного изобилия, правильной общественной организации и высочайшего состояния культуры.

Главным требованием к писателям-фантастам, изображающим будущее, становилось знание основных тенденций современного мира. В связи с этим А. Беляев пишет следующее: «Определяя будущее развитие общества, писатели должны хорошо изучить социально-экономическую и политическую литературу, пятилетние и генеральные планы развития хозяйства, изучить пути развития советской архитектуры, жилищного строительства и т. п. Причем во всех проектах, оригинальных и позаимствованных, писатель должен исходить не от внешности, а от

внутреннего содержания, целесообразности» [Там же]. Итак, мы видим, что воображаемые миры будущего в научной фантастике строились на основе научных знаний, становились формой прогноза и, следовательно, претендовали на некую достоверность в глазах советских читателей.

Рассмотрим научную фантастику в аспекте прогнозирования подробнее. Прежде всего, важно отметить, что литература этого типа позволяла создавать художественную имитацию общественных процессов, то есть служила формой применения социологических знаний. Так, известный писатель и исследователь научно-фантастической литературы С. Лем отмечал, что в рамках научной фантастики можно было «моделировать целые гигантские исторические цивилизационные явления в любой трансформации и при произвольном ускорении, обращать бег времени, удваивать его, реализовать в лоне машины явления типа петли времени, поднимать квантовый уровень явлений, менять и физические, и социальные закономерности и так далее» [Лем, 2008: 48–49]. Таким образом, научную фантастику вполне можно считать полем для экспериментов, касающихся в первую очередь конструирования различных миров. В советской фантастике это были главным образом миры коммунистического будущего.

Основой для произведений советских научно-фантастических повествований на тему «утопического коммунизма» стала классическая утопия. Подобно утопии, пишет Ю. С. Черняховская, научная фантастика «включает в себя описание параметров мира, где утвержден базовый политический идеал, но рисует картину мира, основанного на представлениях современной науки (как точной и естественной, так и общественной) и не противоречащего им, т.е. выступает своеобразной формой политической мысли, соединяющей альтернативно-желаемое с научно обоснованным и гипотетически возможным» [Черняховская, 2016: 166]. Интересно, однако, что нередко в утопические повествования научно-фантастической литературы вводились и дистопические элементы. Такими элементами, например, становились «оазисы прошлого» [Дубин,

Рейтблат, 2014], которые противопоставлялись утопическим картинам будущего и не могли не отталкивать читателей.

Продолжая мысль Ю. С. Черняховской о политической смысловой нагруженности научно-фантастических произведений, отметим, что несмотря на то влияние, которое оказывает на индивидуальное художественное творчество идеология, культура, общество или историческая эпоха, проекты будущего в научной фантастике не всегда соответствуют нормам и общим социальным ожиданиям. Описывая в научно-фантастическом романе ту или иную модель общества, а также какие-то социальные и политические явления, писатель-фантаст, как отмечал Е. В. Цветков, обязательно выражает свое отношение к ним (прямым текстом или косвенно), в связи с чем, делает вывод ученый, «любое научно-фантастическое произведение политически идеализировано» [Цветков, 2009: 16].

Что касается советской научной фантастики, то мы уже отмечали в предыдущем параграфе, что с конца 1950-х гг. в ней развивалось альтернативное социальное проектирование [Кукулин, 2007]. Конечно же, данная форма деятельности могла быть реализована только в социальной фантастике, которая активно стала появляться в печати в 1960-е гг. Она повествовала о «далнем будущем», и это будущее изображалось коммунистическим. Такую советскую фантастику, считает А. Фокин, можно назвать «левым искусством», так как она «не прямо критиковала недостатки советской действительности, а создавала образ более совершенного общества, на фоне которого проявлялись минусы советской системы» [Фокин, 2015: 333]. Итак, на основании вышеизложенного мы можем утверждать, что советская научная фантастика является разновидностью политической и общественной мысли.

Появление литературных утопий в Советском Союзе можно рассматривать как следствие неудовлетворенности современностью. Такой тип художественного творчества, как и антиутопия, становится средством анализа современной общественной и политической ситуации, позволяя

осуществлять этот анализ в скрытой форме. Так, И. Кукулин, изучая советские послевоенные антиутопии, описывающие гротескно-преображенное настоящее, отмечал, что такие авторы как А. П. Платонов и Л. И. Лагин вынуждены были изображать проблему межпоколенческого разрыва с помощью «выработанного советской литературой и прессой языка противостояния государств и идеологий» [Кукулин, 2017: 22], т. е. оппозиций СССР и зарубежного мира, социализма и капитализма. То же самое происходило и в утопической литературе о будущем. Стратегия репрезентации проектов будущего в подцензурной научной фантастике, как отмечал И. Кукулин в другой своей работе, основывалась на «внешне лояльном, но насыщенном намеками “между строк” переосмыслении традиционных советских сюжетов» [Кукулин, 2007].

Таким образом, воплощая образы советского социального воображения с помощью художественных средств в своем творчестве, писатели-фантасты несмотря на цензуру и работу в рамках идеологического языка вносили свое осмысление будущего, настоящего и прошлого, транслировали его в сознание своих читателей и тем самым расширяли рамки советского социального воображения. Очевидно, что прежде всего это касалось представления о «светлом будущем», которое благодаря различным художественным вариациям конкретизировалось, обогащалось и наполнялось новыми (и не всегда позитивными) смыслами в сознании советского человека.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Социальное воображение формирует основу ценностных представлений общества. Данная категория является той областью, которую только недавно начали изучать в гуманитарных и общественных науках. Проанализировав ряд работ, мы выделили основные особенности образов социального воображения. Такие образы характеризуются идеологической ограниченностью, основываются на представлении об идеальном, служат формированию идентичности и имеют нарративное выражение. В социальном воображении соединяются представления о прошлом, настоящем и будущем. Тем самым понятие социального воображения мы определили как способность общественного сознания создавать общие для всех членов коллектива образы.

Изучение социального воображения в контексте советской эпохи становится значимым в аспекте изучения ментальности советского человека. Основной особенностью советского социального воображения мы отметили идеологическую детерминированность. Одной из основных задач советской власти было формирование нового общества с особым типом мировоззрением. Данное мировоззрение было основано на культурных мифах, которые воплощались в воображаемые образы. Среди таких образов мы рассмотрели заграницу и коммунистическое будущее. Эти воображаемые пространства существовали исключительно внутри советской идеологии, что подтверждает факт утраты этих пространств вместе со всей советской системой.

В качестве источника реконструкции советского социального воображения может служить научная фантастика на тему будущего. Научная фантастика является той категорией литературы, в которой возможны прогноз, моделирование и проектирование. Конструирование миров коммунистического будущего, обсуждение общественных проблем, анализ современной ситуации посредством идеологического языка – все это делало

советскую научную фантастику политически нагруженной в смысловом плане, неизбежно выражало индивидуальную позицию автора, которая способствовала обогащению коллективного образа будущего. Значение советской научной фантастики главным образом в том, что она демонстрирует границы мышления и воображения писателя-фантаста, являющегося членом идеологически замкнутого советского общества.

Таким образом, сквозь призму научной фантастики мы в дальнейшем рассмотрим основные доминанты и тенденции советского социального воображения.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

2.1. Доминанты советской научной фантастики

Научная фантастика играла большую роль в культурной жизни Советского Союза и являлась популярной отраслью советской литературы: выходили журналы с научно-фантастическими произведениями, отдельные сборники – все это читалось и обсуждалось. Перед научной фантастикой стоял ряд задач, в частности, она должна была служить средством идеологического воспитания наряду с образованием. На значимость научной фантастики в данном аспекте указывал советский писатель, автор известной повести-сказки «Старик Хоттабыч», Л. Лагин в статье «Без скидок на жанр» (1961): «Общая задача – помочь читателю в утверждении его социалистического самосознания, помочь ему уяснить для самого себя все историческое величие и значимость его повседневного, сплошь и рядом незаметного труда и вдохновить его на новые подвиги» [Лагин, 1961: 1]. Отдельная роль отводилась литературе о будущем. Критик С. Иванов, оценивая состояние научной фантастики, в статье «Фантастика и действительность» (1950) отмечал, что писатели-фантасты, рассказывая о будущем страны, не только учат думать о будущем, но и «воспитывают читателя, зовут его активно участвовать в ускорении процесса приближения этого будущего» [Иванов, 1950: 161].

В связи с таким идеологическим значением литературы о будущем среди произведений научной фантастики нами были отобраны те, в которых воплощаются представления о грядущем. Наиболее репрезентативными на наш взгляд являются тексты как классиков советской фантастики А. Беляева, И. Ефремова, А. и Б. Стругацких, так и менее известных в наше время, но очень популярных у современников авторов научной фантастики – В. Итина, Г. Гуревича и Д. Биленкина.

Общими для всех фантастов оказываются следующие представления о мире будущего: коммунистическое устройство общества, трудолюбивые и нравственные люди, научный прогресс и различные технические достижения, преобразование планеты, тема покорения космоса. Данные элементы художественного образа воображаемого будущего и будут являться доминантами научной фантастики. Далее мы проанализируем их подробнее и определим, как они соотносились с советской действительностью.

Так как общие социальные ожидания советских людей формировались под влиянием культурного мифа о «светлом коммунистическом будущем», то неудивительно, что коммунизм становился неотъемлемой частью представлений о будущем. Глобальные проекты коммунистического будущего представлены в произведениях И. Ефремова «Туманность Андromеды» (1957), А. и Б. Стругацких «Полдень, XXII век» (1961); менее серьезно, но не менее глобально будущее описал Г. Гуревич в романе «Мы – из Солнечной системы» (1958–1965). В данных произведениях акцентируется отсутствие в мире будущего частной собственности, разделения на государства и классовых различий, рисуется всеобщее благополучие, показывается возможность реализации каждого человека, в том числе в творчестве, – каждый волен заниматься тем, чем захочет. Так, у Гуревича значится: «Учись, пожалуйста. Времени хватает, поступай в любой институт, училище – музыкальное, художественное... Не хочешь учиться, иди в любительский кружок, играй на сцене, снимай кино для собственного удовольствия. Пиши стихи, неси их в любой самодеятельный журнал» [Гуревич, 1965: 46].

Такое описание общества будущего, несомненно, наполнено утопическими мотивами. Как известно, функция воображения, состоит в идеальном представлении результата деятельности до того, как он будет достигнут в реальности, и писатели-фантасты попытались смоделировать и художественно воплотить тот коммунизм, к строительству которого активно

призывала власть, провозглашая такие лозунги, как «Под знаменем Ленина, вперед, к победе Коммунизма!» или «Наша цель – коммунизм».

Утопический характер коммунистического будущего имел ряд особенностей. И если в классических произведениях-утопиях, ярчайшим примером которых является «Утопия» Томаса Мора, утопический мир характеризуется статичностью и бесконфликтностью, то в советских утопиях, выбранных нами для анализа, не найти ни того, ни другого.

Во-первых, мир коммунистического будущего показывается в развитии: он не замкнут, не статичен. Так, Гуревич в упомянутом выше романе запечатлевает картину преобразований, происходящих в мире будущего, и поэтапно описывает, как изобретались различные технические средства, как было достигнуто бессмертие с помощью клонирования, как был совершен прорыв к звездам. Более того, основным принципом коммунистического общества будущего оказывается движение вперед. О стремлении к развитию и преобразованиям говорится в «Полдне» у Стругацких: «Судите сами – чудесные молодые ребята... им мало места! Им нужно взрывать, переделывать, строить... И не дом строить, а по крайней мере мир – сегодня Венера, завтра Марс, послезавтра еще что-нибудь...» [Стругацкие, 1963: 64]. Во-вторых, воображаемые миры писателей-фантастов отнюдь не лишены проблем, которые так или иначе возникают в «светлом будущем». Так, например, конфликты романа «Час Быка» (1970) Ефремова и повести «Сила сильных» (1985) Биленкина основываются на столкновении героев, воплощающих представления фантастов о человеке коммунистического будущего, с героями, отказавшимися по каким-то причинам принять условия изображаемого писателями утопического мира.

Чтобы проиллюстрировать отмеченные нами особенности утопического характера образа будущего, приведем рассуждения А. Васинского из статьи «Ноль по поведению», опубликованной в 1965 г. в журнале «Юность»: «А что если жизнь никогда не будет абсолютно совершенной, даже через тысячи лет. А люди? Они, наверное, тоже никогда

не будут как шелковые, абсолютно идеальные. Ведь и у нашего идеала – человека будущего – будет свой, более прекрасный идеал – и так всегда. Потому что абсолютное нравственное совершенство в бесконечности – это нечто, удаляющееся по мере приближения к нему» [Васинский, 1965: 74]. Следовательно, можно предположить, что такой воображаемый образ грядущего, во-первых, отражал динамический характер советской эпохи, во-вторых, учил жить людей не настоящим, а будущим, в-третьих, мотивировал людей на борьбу за это будущее, в-четвертых, показывал, что и при достижении коммунизма у человечества будут существовать проблемы, которые все нужно будет решать для наилучшего, еще более совершенного будущего.

Но помимо создания модели коммунистического общества будущего, некоторые писатели пытались также вообразить, как будет происходить мировой переход к коммунизму. И если Стругацкие заявили, что переход к коммунизму теоретически обосновать невозможно и изобразили лишь мир, в котором им хотелось бы жить [OFF-LINE интервью с Борисом Стругацким], то Ефремов ранее предпринял попытку объяснить этот переход. Однако эти объяснения, как отмечала И. Каспэ, оказались не слишком убедительными [Каспэ, 2015]. Главенствующий мотив объяснений перехода к коммунизму у Ефремова – это историческая неизбежность наступления коммунизма. В «Туманности Андромеды» мы находим следующие слова: «...неизбежно и неуклонно новое устройство жизни распространилось на всю Землю, и самые различные народы и расы стали единой, дружной и мудрой семьей» [Ефремов, 2018: 45]. Такой взгляд, безусловно, не претендует на исключительность, а является общим представлением. Согласно советской идеологии коммунизм – это подлинно научное представление о будущем. Идея неизбежности «светлого коммунистического будущего» активно транслировалась в массы. Появлялись плакаты с утверждениями, истинность которых в условиях того времени не могла ставиться под сомнение: они были

аксиомами. Так, в пример можно привести плакат Я. Завьялова (1935), на котором значилось: «Победа коммунизма неизбежна».

Интересно, что при описании перехода к коммунизму первой страной, вставшей на этот путь развития, называлась Россия. Это мы найдем и у Ефремова, и у Гуревича. Так, Гуревич пишет: «В третьем тысячелетии все человечество на планете Земля и в Солнечной системе объединял Коммунистический Союз Народов. Но возник он постепенно: не все люди одновременно встали на путь коммунизма. Первыми были народы, жившие на территории древней Российской империи, за ними пошли народы Восточной Европы и Азии, потом кубинцы, потом африканцы...» [Гуревич, 1965: 56]. Тем самым иллюстрируется уверенностью советского человека в бессмертии социалистической системы, его взгляд на советский проект как на вечный и неизменный, что отмечал в своем исследовании А. Юрчак [Юрчак, 2014].

Изображая коммунистическое будущее, писатели-фантасты должны были показать, как изменился и каким стал человек, то есть создать образ человека будущего. Основными и общими для всех писателей-фантастов, чьи произведения мы проанализировали, стали такие качествами человека будущего, как честность, нравственность, интеллигентность, смелость, стремление к самосовершенствованию, трудолюбие. Эти качества соответствовали тем, которые были прописаны в «Моральном кодексе строителя коммунизма» – своде принципов коммунистической морали, вошедшем в тексты Третьей Программы КПСС и Устава КПСС, принятых на XXII съезде (1961).

Еще одна черта, характеризующая человека будущего, – это физическое здоровье. Так, Кир Булычев в повести «Сто лет тому вперед» изображает стосемнадцатилетнего старика на одноколесном велосипеде. Несмотря на возраст, тот занимается спортом и развит физически: «Старик согнул руку в локте и дал Коле пощупать мышцы. Мышцы были крепкие. Покрепче, чем у Коли» [Булычев, 2014: 32]. Акцент на физическом здоровье

людей будущего отражает тенденции советской действительности, в которой активно пропагандировался спорт и здоровый образ жизни. Об этом, в частности, свидетельствуют советские социальные плакаты со следующими утверждениями: «Советские физкультурники – гордость нашей страны» (В. Корецкий, 1935), «Молодежь, на лыжи!» (М. Нестерова-Берзина, 1945), «Хочешь быть таким – тренируйся» (В. Корецкий, 1951), «Спортсменом буду» (1953) и др.

Тем самым человек будущего в научной фантастике становился эталоном для советских читателей. Он воплощал собой идеальный образ, вобравший в себя все те качества, которые должны были воспитывать в себе и развивать советские люди.

Следующий доминирующий элемент картины будущего – это научный прогресс. Героями произведений являются в основном ученые: биологи, историки, археологи, геологи, археологи и др., а предметом повествования – различные эксперименты и научные открытия. Кроме того, писателями-фантастами подробно описываются различные технические достижения: по каждому из произведений можно составлять целые каталоги с техническими изобретениями мира будущего, среди которых неизменно будут межпланетные корабли, сверхскоростные поезда, авиационная техника и роботы-помощники.

Пристальное внимание писателей-фантастов к науке, а также сам факт существования научной фантастики в советскую эпоху свидетельствуют о том, что наука в послереволюционное время приобрела большое значение и стала одним из средств сокращения экономического отрыва от зарубежных стран. Руководство страны поддерживало научно-исследовательские отрасли, и благодаря государственному финансированию в СССР повсеместно строились институты, лаборатории, исследовательские центры. Так, за всего лишь несколько лет советской власти появилась целая сеть научных учреждений: Центральный аэрогидродинамический институт (1918), Физический институт (1919) и Всесоюзный электротехнический институт

(1921) в Москве, Физико-технический институт (1918) и Государственный оптический институт в Петрограде (1918) и т. д. Перечисленные названия институтов свидетельствуют о том, что основной упор делался на технические науки.

Достижения в области науки и техники служили доказательством того, что коммунизм приближается. И чем стремительнее развивалась научная и техническая сфера, тем востребованнее становилась научная фантастика. Это отмечал Л. Лагин в уже упоминаемой нами статье «Без скидок на жанр»: «...коммунизм, на наших глазах превращающийся в реальность. Это блестательные, достижения в области физики, кибернетики, электроники, физической, химии и многих других отраслей науки и техники, это наши спутники и космические корабли, вымпел Советского Союза на Луне, фотографии ее испокон веку невидимой стороны, и многое-многое другое, уже совершенное или подготавляемое, привлекли благожелательное, но требовательное внимание большого советского читателя к произведениям научно-фантастического жанра» [Лагин, 1961: 2].

Более того, сосредоточиться на теме науки писателей-фантастов призывал А. Беляев в статье «Создадим советскую научную фантастику» (1939): «Надо включить в круг тем и биологию, и медицину, и генетику, самые разнообразные области науки. Надо обратиться к истокам самой науки. Завязать живую, деловую связь с учеными. Следить за их научной работой, в особенности над разрешением ими новых проблем» [Беляев, 1938]. Цель, которую должны были ставить перед собой писатели-фантасты, по мнению Беляева, состояла в том, чтобы, «заинтересовавшись ярко изображенной научной проблемой, читатель научно-фантастического произведения сам взялся бы изучать относящуюся к данному вопросу литературу, а быть может и сам занялся научной, технической разработкой этой проблемы» [Там же]. Таким образом, научная фантастика способствовала приобщению граждан советского государства к проблемам

науки и техники, продлевала в будущее существующие тенденции научно-технической сферы и иллюстрировала ее возможности.

К теме научного прогресса, безусловно, примыкала тема покорения космоса. В научной фантастике тема космоса активно разрабатывалась: писатели-фантасты пытались вообразить, как будут проходить космические полеты, и как будет исследоваться космос. В произведениях Итина и Беляева космос только начинает осваиваться людьми будущего. Так, у Беляева в романе «Звезда КЭЦ» (1936) художественно воплощена идея К. Циолковского об орбитальной космической станции, описана первая высадка людей на Луну, на которой герои-ученые даже находят признаки жизни – зеленые растения. В произведениях Ефремова, братьев Стругацких, Булычева космос становится уже доступным для заселения пространством, герои устанавливают контакт с внеземными цивилизациями, путешествуя не только в пределах Солнечной системы, но и по другим Галактикам.

В предыдущем параграфе мы уже отмечали, что космос занимал одно из центральных мест в воображении советских людей. Еще до того, как тема космоса начала эксплуатироваться в отечественной научно-фантастической литературе, о других планетах писали поэты-футуристы, отчасти вдохновленные следующим высказыванием основоположника теоретической космонавтики К. Циолковского: «Земля – колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели» [Циолковский; цит. по: Железняков, 2011: 12]. Например, В. Маяковский в ряде своих произведений (поэмы «150 000 000» 1919–1920 гг. и «Пятый интернационал» 1922 г., стихотворение «Два мая» 1925 г. и др.) оказывается не чуждым космической эстетики, он пишет о звездах, других планетах и прежде всего – о Марсе.

Космическая тема активно развивалась и в кинематографе. Наиболее известные кинофильмы – «Аэлита» (1924), экранизация романа А.Н. Толстого, «Космический рейс» (1935), «Мечте навстречу» (1963), «Молчание доктора Ивенса» (1973), «Москва-Кассиопея» / «Отроки во вселенной» (1973–1974), «Петля Ориона» (1980), «Лунная радуга» (1983), «Кин-дза-дза»

(1986) и многие другие. Популярность космической темы в кино возросла во второй половине века, и связано это было не столько с развитием кинематографа, сколько с официальным началом практического освоения космоса в СССР: 4 октября 1957 г. успешно был выведен на околоземную орбиту искусственный спутник Земли. А через три с половиной года в космос полетел первый человек – Ю. Гагарин, ставший впоследствии одной из главных фигур советской мифологии. Отметим также, что важным элементом советской космической программы являлась «лунная программа», включающая ряд проектов по исследованию Луны. В течение тринадцати лет Советский Союз, соперничая с США в области освоения космоса (знаменитая «космическая гонка»), удерживал первенство (1957 – 1969 гг.).

Успехи в покорении космоса активно пропагандировались. Так, теме космоса было посвящено огромное количество советских плакатов: «Мы рождены, чтобы сказку сделать былью» (В. Викторов, 1960), «Слава советскому народу – покорителю космоса» (А. Кручина, 1961), «Дорогу к звездам прокладывают коммунисты» (В. Сметанин, 1961) и др. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что советская пропаганда призывала гордиться и вдохновляться успехами отечественной космонавтики. Кроме того, в плакатах подчеркивалась неразрывность понятий «космос» и «коммунизм».

Таким образом, неудивительно, что писатели-фантасты уделяли большее внимание теме космоса. Грэзы о коммунистическом будущем были неотделимы от уверенности в возможности покорения космического пространства, и благодаря писателям-фантастам, воплотивших в своих произведениях мечты о космических путешествиях, каждый советский читатель (как ребенок, так и взрослый) приобщался к пространству воображаемого космоса, в котором уже возможна была высадка на другие планеты, а также общение с представителями инопланетных цивилизаций. Недаром говорят о том, что в советское время практически каждый ребенок мечтал стать космонавтом.

Следующей доминантой образа будущего в научной фантастике является описание различных преобразований. Основные задачи людей будущего – это борьба с пустынями, освобождение от ледников Арктики и Антарктиды, осушение целых океанов, строительство новых городов с развитой инфраструктурой. Так, у А. Беляева в произведении «Под небом Арктики» (1938) говорится следующее: «День за днем, шаг за шагом люди отвоевывают пустынные пространства, проводят каналы, строят дороги, прорубают просеки в лесах... Какое упорство! Какое напряжение! Впереди – первобытная природа, глушь, леса; позади – дороги, поселки, заводы, города» [Беляев, 1938]. Пустыни люди будущего превращают в сады: «Пустыни в поля, в сады переделываем. Доберемся и до других мировых пустынь» [Там же]. В центре повествования – покорение Арктики: «Арктика – это страна будущего, а не страна “погибели и ужаса”, какой она была и какой еще кажется многим до сих пор» [Там же].

Отраженным в научной фантастике элементам воображаемой картины будущего в рассматриваемом нами аспекте легко найти соответствия в советской действительности. Так, в связи с курсом на индустриализацию в СССР активно строились новые города, среди которых можно назвать Магнитогорск (1929), Комсомольск-на-Амуре (1932), Норильск (1935) и многие другие. Что касается превращения садов в пустыни, то данную тенденцию может проиллюстрировать план по преобразованию природы, принятый по инициативе И.В. Сталина и введенный в действие постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 года. Целью его было создание водоемов и осуществление лесопосадок с целью предотвращения засух и повышения урожайности. Программа была приостановлена после смерти Сталина. Кроме того, одной из стратегически важных задач руководства советского государства было освоение Арктики. Для решения данной задачи был специально учрежден институт, получивший в 1930 г. название Всесоюзного арктического института. В этом институте проводились также комплексные исследования Антарктики. Таким

образом, наблюдая за различными преобразованиями, советские люди, в частности, писатели-фантасты, верили, что в будущем данные отрасли не только продолжат свою работу, но и принесут результаты. Что касается опустошения океанов, переделывания мировых пустынь в сады, то это ожидалось в неопределенном будущем, присутствовало на тот момент только в воображении.

Завершая характеристику основных доминант в советской научной фантастике, отметим, что в воображаемом «светлом будущем» было место и для негативных образов. И прежде всего это были либо образы прошлого, либо образы других планет, на примере которых писателями конструировался антигуманный общественный строй, отражавший продленные в будущее нежелательные тенденции современности. Такие негативные образы становились в оппозицию к положительному образу коммунистического будущего.

Обратимся к произведению Итина «Страна Гонгури». Перевоплощенный в человека будущего в результате погружения в гипнотический сон, герой романа изобретает машину-микроскоп. С помощью нее в одной из молекул он находит Солнечную систему, а внутри нее – Землю. Герой наблюдает за историей планеты: «Вот передо мной человек, одетый в шкуру барана»; «Люди жили вместе с животными, как животные»; «Здесь были осаждённые страны и вооружённые народы»; «Я видел поезда, катящиеся по железным рельсам силой перегретого пара. Из красных ящиков вылезали люди и тащили громадные сундуки и узлы, сгибаясь под их тяжестью. “Частная собственность”, – сообразил я» [Итин, 2015: 62–63]. Такие картины прошлого соотносятся в романе с адом: «Я услышал напряжённую декламацию, отрывок из той же старинной поэмы “Ад”, которая вспоминалась мне, когда я смотрел на Землю» [Там же: 81]. Такому прошлому в романе противопоставлено будущее, которое в контексте соотношения прошлого с адом будет в свою очередь соотносится с раем. Данную оппозицию иллюстрирует представление о Земле будущего как о

цветущем саде: «У нас были бананы, персики, розы... огромные! Вишни величиной с яблоко и персики величиной с арбуз. Я начал с яблок, потому что наша планета была прежде всего сад» [Там же: 24]. Как известно, сад является одним из символов рая. Следовательно, можно утверждать, что в представлениях о будущем актуализируется образ рая, а в представлениях о прошлом – образ ада.

Данная оппозиция реализуется и в произведениях других фантастов. Так, в романах «Час Быка» (1968–1969) Ефремова и «Обитаемый остров» (1968) Стругацких негативными образами будут выступать образы других планет, противопоставленные идеальному образу Земле будущего. Такие планеты – Торманс и Саракш соответственно. Описание этих планет во многом сходно: главенствует мотив навязанного счастья, изображаются тяжелые условия жизни населения, акцентируется внимание на характере власти, которая пресекает любые отклонения от норм и воздействует на сознание людей средствами внушения. У Ефремова такие общественные условия, являющиеся по его собственным словам «порождением капитализма», соотносятся с адом в самом тексте романа: “Оставь надежду всяк сюда входящий” – на вратах ада отражала главное свойство придуманной людьми обители мучений. Это интуитивное предчувствие истинной подоплеки исторического развития человеческого общества...» [Ефремов, 2017: 114].

Итак, негативные образы в научной фантастике создавались в качестве контраста к описанию «светлого будущего», реализовывая традиционную дихотомию ада и рая. У Итина негативное описание прошлого призвано было оттолкнуть читателей, в то время как будущее, наоборот, должно было привлечь. Это было связано с тем, что в контексте послереволюционных лет, когда образ коммунистического будущего только начинал вводиться в общественное сознание, важно было показать, какую ценность имеет будущее. В этом будущем не должны были повторяться картины прошлого. Что касается Ефремова и Стругацких, то в их творчестве были изображены те

общественные условия, которые ни в коем случае не были желательными для будущего человечества. В связи с этим, можно говорить о том, что в негативных образах научной фантастики отразились страхи и опасения советских людей.

В качестве заключения отметим, что писатели-фантасты, будучи членами советского общества и носителями мировоззрения эпохи, в своих произведениях: во-первых, исходили из идеологических представлений о будущем, полностью принимали концепцию «светлого будущего» и призывали читателей к его реализации; во-вторых, действовали в рамках общих социальных ожиданий, проделяли в будущее основные векторы современного развития. Благодаря этому доминанты советской фантастики стали отражением основных тенденций советского социального воображения, а также его идеологической специфики.

2.2. Динамика советской научной фантастики

Анализ динамики советской научной фантастики поможет нам проследить, как менялся образ воображаемого будущего на протяжении советской истории. В центре нашего внимания будут те же произведения, которые мы приводили в качестве примеров в предыдущем параграфе.

Важно отметить, что повествования о возможном будущем появлялись еще в дореволюционное время. Ярким примером может служить социальная утопия «Красная звезда» (1908) А. Богданова, ставшая предтечей советской научной фантастики. В романе идеальное коммунистическое общество будущего моделируется на примере Марса. Рассматривать такой образ будущего как непосредственный прогноз будущего страны не представляется возможным, автор неставил перед собой цель проследить тенденции современности. Тем не менее произведение Богданова можно считать примером начального этапа зарождения образа «светлого будущего», который, присутствуя в воображении последователей марксизма и деятелей революции (а Богданов был таковым), начал проникать в массовое сознание.

Начало 1920-х годов характеризуется появлением ряда произведений утопического характера. Связано это было с тем, что «в условиях резких социальных трансформаций, разрыва с прошлым и усиленной ориентации на будущее у ряда социальных групп появлялось желание спроектировать на последующие временные периоды тенденции современного развития» [Дубин, Рейтблат, 2014]. Первой советской коммунистической утопией считается «Страна Гонгuri» В. Итина, опубликованная в 1922 г., но написанная гораздо раньше – в 1917 г. Мир будущего в романе описан довольно схематично и наполнен утопической экспрессией, которая проявлялась, например, в несколько наивной идее о том, что в будущем страны будут различаться только по плодам растений: «Мир делился на страны по плодам их растений. Их пояса были нанесены на карту» [Итин, 2015: 25]. В романе автор не пытается дать никаких научных объяснений и

описать законы, по которым устроен изображаемый им мир. Даже о машине-микроскопе, которую изобрел герой и которая становится значимым элементом повествования, говориться лишь в двух словах. Образам людей будущего автор не уделяет внимания. Более того, в мире будущего и в обществе населяющих его людей герой скучает: «Мне было скучно от математически правильных коридоров с рядами аудиторий по сторонам, от цилиндров колонн, от параллельных линий, от безжалостно знакомых поступков людей» [Там же: 51]. Образ будущего, который создает Итин, можно считать лишь художественным воплощением мечты, а не проектом, как более поздние советские научно-фантастические произведения о будущем. Значимость данного романа для своего времени состояла в поддержании образа нового будущего, который пришел в сознание граждан с революцией 1917 г., сменой политической власти, образованием СССР в 1922 г., и началом внедрения идеологии марксизма-ленинизма.

В 1930-е годы научная фантастика активно развивается; внимание читателей к ней возрастает. К. Иванов характеризовал эти годы следующим образом: «Выставки, музеи, популярные лекции, любительские общества, обзорные статьи специалистов о последних научных открытиях, высокий престиж профессии ученого, с одной стороны; с другой – возросшее благосостояние граждан, появление досуга и всевозможных индустрий его насыщения, в том числе интеллектуальными мероприятиями, создали благоприятные условия для трансляции научного знания в сферу обыденных представлений» [Иванов, 2018: 212]. Кроме того, знаковым событием становится выход в 1932 г. постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Все представители творческих профессий должны были вступить в союзы. Эти союзы стали проводниками официальной идеологии. Тем самым усилился идеологический контроль за литературой, в частности, за научной фантастикой. В связи с этим происходила переориентация научной фантастики о будущем с социальных тем непосредственно на научные:

какая-либо рефлексия на социальные темы теперь требовала осторожности. Наука же на тот момент стала главной движущей силой, упор на которую делался советской властью, открывающей новые институты, исследовательские центры, лаборатории.

Наибольшее число научно-фантастических произведений указанного периода принадлежит А. Беляеву, писателю, целиком посвятившему себя данному типу литературы. Действие многих его произведений, в том числе романов «Звезда КЭЦ» и «Лаборатория Дубльвэ» происходит в неопределенном будущем, известно только, что произошла мировая революция. Так, в «Звезде КЭЦ» значится: «Вот только теперь я почувствовал, как изменилась жизнь во всём мире со времени мировой революции: какие работы, какие масштабы!» [Беляев, 2017: 46]. Что касается образа человека будущего, то Беляев неставил перед собой цели описания качеств нового человека. Однако при этом люди будущего в романах писателя уже не такие схематичные, как у Итина. Именно Беляевым закладываются те черты человека будущего, которые затем будут отражены в «оттепельных» утопиях. Так, в романе «Лаборатория Дубльвэ» люди описываются многосторонними по своим увлечениям, свободными в своей деятельности: «Разве современный человек не многогранен по своей культуре, запросам, интересам, занятиям? Вот, например, колхозник Зорин — прекрасный астроном: недавно он открыл новую переменную звезду; Габрилович — математик с мировым именем, одновременно отличный скрипач» [Беляев, 2017: 297]. Далее данная черта человека будущего будет фигурировать и у Ефремова, и у Стругацких. Так, у последних в романе «Полдень, XXII век» герой утверждает следующее: «Потому что нет биолога, который не знал бы математики и физики, а такой лингвист, как Шейла, например, сразу пропал бы без психофизики и теории исторических последовательностей» [Стругацкие, 1963: 68]. Беляев не стремился описывать и социальный строй нового общества. Коммунистическое будущее у Беляева — это лишь фон для описания достижений научного

прогресса, он служит объяснением для изображаемых автором глобальных преобразований в области науки и техники, на которых и сосредоточено внимание фантаста.

В романе «Звезда КЭЦ», как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, Беляев художественно воплощает идею К. Циолковского об орбитальной космической станции. Звезда КЭЦ – это искусственный спутник Земли с лабораторным центром для исследования космоса. Автор описывает первую попытку освоения Луны, а также говорит об экспериментах над животными, проводимыми в космической лаборатории: «Но ничего нет проще создать здесь тип высокоразвитой собаки, годной для земных условий. Нужно только выращивать этих собак при искусственной тяжести. Развитие же их мозга при влиянии интенсивнейших космических лучей идёт здесь гораздо быстрее, чем на Земле» [Беляев, 2017: 48]. В романе «Лаборатория Дубльвэ» на первый план выходит тема продления жизни: профессор-хирург Лавров ищет способы борьбы со старостью.

Отдельно нужно сказать о романе Беляева «Над небом Арктики». Роман считается художественно более слабым по сравнению с предыдущими произведениями писателя. Связано это с влиянием фантастики «ближнего прицела»: роман тяготеет к жанру научного очерка и описывает ближайшее будущее. Писатель изображает уже частично освоенный людьми Север, объясняет возможные пути отопления Арктики и Антарктиды, описывает строительство и функционирование подземного курорта. Тем самым вектор развития научной фантастики все больше направляется в сторону научных тем. Главной задачей научно-фантастических произведений становится популяризация науки и техники. Теперь они мыслятся неотъемлемым элементом образа коммунистического будущего.

Обратим также внимание на то, что в этот же 1938 год Беляев пишет статью «Золушка: о научной фантастике в нашей литературе», где отмечает кризис, наступивший в советской научной фантастике и связанный с внешними факторами: «Молодой писатель написал научно-фантастический

рассказ. Куда отнести его? В какой журнал? Когда-то журналов, печатавших научную фантастику, было много. Сейчас издаётся только один журнал – «Вокруг света». Другие же журналы, как общее правила, научной фантастики не печатают. Рынок “сбыта” для научной фантастики крайне ограничен. Быстро уяснив это, молодой автор переходят на другой жанр. Молодые всходы научной фантастики “увядают на корню”» [Беляев, 1938].

В военные годы фантастика не печаталась, но уже во второй половине 1940-х гг. тенденция к сближению с наукой усилилась. В своих позициях укрепилась фантастика «ближнего прицела», которая сосредоточилась прежде всего на инженерно-техническом аспекте и повествовала о ближайшем будущем. Тем самым будущее становилось максимально приближенным к настоящему. Так, критик С. Иванов в статье «Фантастика и действительность» (1950) призывал писателей-фантастов описывать «завтрашний день»: «Советская научно-фантастическая литература должна отображать завтрашний день нашей страны, жизнь нашего народа. Именно завтрашний, то есть промежуток времени, отделенный от наших дней одним-двумя десятками лет, а может быть, даже просто годами» [Иванов, 1950: 159].

Первым порывает с традициями фантастики «ближнего прицела» И. Ефремов. В 1956 г. в журнале «Техника – молодежи» печатается роман «Туманность Андромеды». Ефремов совершает прорыв в изображении будущего. Им описывается очень далекое будущее – третье тысячелетие истории человечества. Интерес писателя сосредоточен не столько на научных достижениях, сколько на социальном, культурном и психическом развитии людей будущего. Ефремов пытается изобразить во многом совершенного, очень развитого и физически, и духовно человека будущего. Подробное и детализированное изображение общественного устройства, попытки объяснить его функционирование и способы его достижения, а также описание конечных результатов программ современности (по покорению космоса, освоению Арктики и Антарктики и др.) позволяют назвать этот мир

проектом будущего. Кроме того, интересно, что сам Ефремов считал свой роман прогностическим. Так, в предисловии к «Туманности Андромеды» Ефремов, заботясь о верности показанной им исторической перспективы будущего, пишет о том, что изначально мир, описанный им в романе, мог быть достигнут только спустя три тысячи лет, однако ускоряющиеся темпы технического развития позволили ему сократить «намеченный срок» на тысячу лет [Ефремов, 2018: 5]. А после запуска космических спутников в конце 1950-х гг. Ефремов решил, что «события романа могли бы свершиться еще раньше», в связи с чем «все определенные даты в “Туманности Андромеды” изменены на такие, в которые сам читатель вложит свое понимание и предчувствие времени» [Там же: 6].

После романа Ефремова появляется целый ряд коммунистических утопий, которые обычно называются «оттепельными». Такой «оттепельной» утопией можно считать повесть А. и Б. Стругацких «Полдень, XXII век». Данное произведение также можно назвать проектом будущего. Как и у Ефремова, здесь присутствуют попытки отразить не только научные достижения, но и устройство власти, систему воспитания, стремление людей к развитию и труду. Однако в отличие от Ефремова Стругацкие не разрабатывают образ человека будущего и не пытаются представить психологию и взаимоотношения людей, достигших вершин социального и духовного развития: писатели признавались, что заселили мир будущего лучшими из своих современников – «людьми, которые существуют реально», но которых «не так много, как хотелось бы». Следует также отметить, что Стругацкие не считали свою повесть прогнозом будущего: «Изображая в ней мир довольно отдаленного будущего, мы вовсе не хотели утверждать, что именно так все и будет. Мы изобразили мир, каким мечтаем его видеть, мир, в котором мы хотели бы жить и работать, мир, для которого мы стараемся жить и работать сейчас» [Стругацкие].

Еще одна «оттепельная утопия» – это роман Г. Гуревича «Мы из Солнечной системы», написанный в традициях Ефремова и Стругацких.

Данное произведения является также довольно масштабным по охвату сфер изображаемого мира будущего, однако написано оно в менее серьезном тоне. Такую оценку может проиллюстрировать следующая цитата: «Сейчас он увлечен новой идеей: хочет спроектировать гениальный мозг. У него куча вариантов, один другого страшнее: быстрорастущие люди, быстросчитывающие люди, новорожденные с интегралами в голове» [Гуревич, 1965: 407]. Таким образом, роман Гуревича тяготеет скорее к детской фантастике, чем к серьезной социальной. Однако отметим, что именно Гуревичем впервые в советской фантастике было подробно описано клонирование: в мире будущего Гуревича клонирование стало средством достижения бессмертия.

Мы рассмотрели три самых репрезентативных утопии конца 1950-х – 1960-х годов. Они свидетельствуют о том, что в общественном сознании советских граждан произошла кардинальная трансформация воображаемого будущего – актуализировался образ дальнего будущего. Стимулом к рефлексии послужил социальный, культурный и научно-технический оптимизм «оттепели». Значимым событием жизни страны стал XXII съезд КПСС (1961), на котором была принята Третья Программа партии: в ней провозглашалось построение коммунизма к 1980 г. Многие, безусловно, поверили, что уже скоро «светлое будущее» будет достигнуто. Вдохновением служило активное развитие научно-технической сферы: СССР вышел на мировой уровень. Основные достижения космонавтики, о которых мы говорили в предыдущих параграфах, также приходятся на это время, поэтому неудивительно, что в «оттепельных» утопиях космическая тема является одной из главенствующих.

Вспоминая атмосферу «оттепели» Б. Стругацкий писал следующее: «Вот это время – конец 50-х, начало 60-х годов в том плане, который нас интересует, было замечательно тем, что громадный слой общества обнаружил Будущее. Раньше Будущее существовало как некая философская категория. Оно, конечно, было, и все понимали, что оно есть, что оно светлое. Это было всем ясно, но никто на самом деле на эту тему не думал,

потому что все это было совершенно абстрактно. Описанные мною вкратце события – они сделали Будущее как бы конкретным. Оказалось, что Будущее вообще, и светлое Будущее – коммунизм, это не есть нечто, раз и навсегда данное классиками. Это то, о чем надо говорить, что достойно самых серьезных дискуссий, и что, по-видимому, зависит от нас. Вот эта мысль тогда была очень-очень новой» [Стругацкий]. Писатель, таким образом, отмечает одну важную вещь: будущее становится темой дискуссий. Это стало возможным благодаря ослаблению идеологического контроля и преодолению сталинского упора на настоящее, а также благодаря тому вниманию, которое будущее к себе притягивало. В этот период развивалась проектная деятельность. Так, в сфере образования, где главной на тот момент задачей стала задача реформирования, появлялись различные альтернативные проекты. Основной причиной расхождения служили противоположные взгляды на политехнизацию школы. Наиболее известные проекты по перестройки сферы образования принадлежали группе членов Академии педагогических наук (это министр просвещения Е. Афанасенко, президент Академии И. Каиров и др.), известному советскому педагогу-новатору В.А. Сухомлинскому, первому секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину, а также самому Н.С. Хрущеву, изложившему свое видение вопросов образования в записке, направленной в Президиум ЦК КПСС в сентябре 1958 г. [Пыжиков, 2014: 98]. Его проект затем был подвергнут критики В.А. Сухомлинского [Там же]. Таким образом, сфера образования периода «оттепели» иллюстрирует не только развитие проектной деятельности, но и возможность дискуссий по поводу этих проектов.

Те же самые тенденции заметны и в научной фантастике, где появляются различные проекты будущего. Разные, но схожие по доминирующему принципам, литературные модели будущего расширяли представления о «светлом коммунистическом будущем» в сознании советского человека. Интересно, что писатели-фантасты, по сути, полемизировали с риторикой власти о будущем. Ведь если «светлое

будущее» было объявлено достижимым через 20 лет, то оно должно было продолжать восприниматься делом ближайшего будущего. Однако научная фантастика, наоборот, активно осваивала дальнее будущее, а к концу 1960-х годов в ней стали появляться антиутопические мотивы. Наглядное свидетельство тому – рассматриваемые нами романы «Час Быка» Ефремова и «Обитаемый остров» Стругацких. В контексте анализа динамики советской фантастики отметим один интересный факт: указанные романы стали непосредственным отражением советской действительности – рефлексия о настоящем стала преобладать над рефлексией о будущем. Оба романа подверглись критики со стороны власти. Так, в романе Ефремова усмотрели антисоветскую пропаганду, и в ЦК КПСС была направлена записка шефа КГБ Ю.В. Андропова, в которой значилось: «В романе “Час Быка” Ефремов под видом критики общественного строя на фантастической планете “Торманс” по существу клевещет на советскую действительность...» [Андропов; цит. по: Константинов]. Роман был запрещен и изъят из библиотек. Но если Ефремов неставил перед собой цели описывать советские реалии, а лишь попытался продлить в будущее те негативные тенденции, которые заметил в развитии США и Китая 60-х годов, то Стругацкие признавали, что их роман имеет подтекст: «И башни-излучатели, и выродки, и Боевая Гвардия – всё вставало на свои места, как патроны в обойму, всё находило своего прототипа в нашей обожаемой реальности» [Стругацкий, 2003]. Затем все параллели с советской действительностью писателям пришлось убрать в угоду советской цензуре.

В 1970-е годы в развитии научной фантастики намечается новый кризис. В статье «Что скрывается за кризисом современной фантастики» 1975 г. критик и исследователь научной фантастики А.Ф. Бритиков, оптимистически смотря на будущее фантастики, пишет: «Но, может быть, нет худа без добра: может быть, размышление широкой общественности над “кризисом жанра” поможет преодолевать вместе с заблуждениями некоторых фантастов и недостаточное внимание к фантастике нашей критики и

литературоведения» [Бритиков, 1975: 243]. В эти годы научная фантастика смещается в область детской литературы. Косвенно эта тенденция была нами отмечена при анализе романа Гуревича «Мы – из Солнечной системы».

В 1970–1980-е годы популярность набирается цикл произведений Кирилла Булычева об Алисе Селезневой; отчасти это происходит благодаря экранизациям («Тайна третьей планеты», 1981; «Гостья из будущего», 1984; «Лиловый шар», 1987 и др.). Кратко проанализируем одну из повестей данного цикла – «Сто лет тому вперед» (1978). В повести отражаются уже обычные для научной фантастики идеи важности духовного развития, труда, научного прогресса, покорения космоса. Особенностью данной повести можно то, что мир будущего в ней локально ограничен – это Москва через сто лет. В повести не дается никакой информации о социальном устройстве общества будущего, но его принципы вполне соответствуют все еще распространенным в те годы представлениям о «светлом будущем». Эта повесть становится вдвойне значимой для выявления динамики советского социального воображения при ее сопоставлении с экранизацией – многосерийным фильмом «Гостья из будущего» (1985) режиссера Павла Арсенова. Специальное исследования на тему отражения эпохи «застоя» и эпохи «перестройки» в повести и фильме соответственно проводила М. Яворская [Яворская, 2019]. Исследовательницей было отмечено, что в отличие от книги, фильм «не вызывает уверенности в том, что “удивительное будущее” непременно наступит» [Там же: 169]. Кроме того, согласно М. Яворской, фильм «оставляет героев в темном, полуразрушенном подвале, возможно, символизирующем разрушающуюся советскую систему» [Там же: 172].

Тем самым в 1980-е годы представление о неизбежности «светлого будущего» начинает утрачиваться. На это повлияли культурно-исторические факторы. Как известно, к середине 1980-х годов научно-технологический потенциал страны, созданный за последние десятилетия, в значительной степени был исчерпан. Страна переживала период стагнации, и все более

явным становился кризис советской социально-экономической системы. О «светлом будущем» в связи с этим говорили уже меньше. Коммунизм не был построен за 20 лет, как обещал Н.С. Хрущев. Это одна из причин, сделавшей повествования о будущем неактуальными. Неудивительно, что в эти годы усиливается кризис в научной фантастике, связанный уже не с ограничением тиражей, как в 1930-е гг., а с ее содержанием. Так, С.В. Плеханов в статье «В пучине оптимизма» 1985 г. отмечал: «Но при всем том нет-нет да и услышишь (в статье или в разговоре) ностальгический вздох: нет, не то нынче, вот прежде, лет двадцать назад, фантастика переживала бум... Возразишь, что книг теперь выходит гораздо больше да и пишут сегодня куда мастеровитее. И если это мнение даже не оспорят, все равно чувствуешь: остались при своем убеждении. На уровне подсознания это сидит: не та фантастика пошла» [Плеханов, 1985: 3].

Представителем научной фантастики 1980-х гг. был Д. Биленкин. Его повесть «Сила сильных» (1985) является одним из последних советских произведений о будущем. Проанализируем данную повесть в аспекте темы будущего. Мир коммунистического будущего у Биленкина уже не является основным предметом изображения. Он существует как блеклый фон, а само действие развивается в космосе. Внимание автора сосредоточено на людях будущего, при этом ничего нового писатель о них не говорит. Сюжет также нельзя назвать новым – он схож с сюжетом романа Ефремова «Час Быка». Как и у Ефремова, человечество в повести разделено на общество коммунистической Земли и тех, кто сбежал на другую планету, установив там власть. Первые отправляются к последним. Однако если у героев Ефремов целью путешествия является возможная помощь – «прогрессорство», то у героев Биленкина – это спасение человечества от некоего оружия, созданного противниками и способного уничтожить Вселенную. Это говорит о том, что приключенческие мотивы становятся ведущими в научной фантастике, вытесняют идеологическую составляющую. Следовательно, актуальность концепции «светлого

будущего» в научной фантастике слабеет, интерес к изображению мира коммунистического будущего окончательно утрачивается.

Более того, утрачивается интерес к будущему как таковому. Свидетельством незаинтересованности в будущем может служить растущая популярность фэнтези, которое характеризовалось вниманием к вымышленным и невозможным в реальности мирам. И. В. Желтикова отмечала, что к 90-м годам фэнтезийная литература в значительной степени вытеснила научную фантастику [Желтикова, 2008: 72].

Таким образом, представления о будущем иллюстрируют специфику того или иного этапа советской истории. Динамика советской научной фантастики отражает, как развивался, детализировался, становился значимым, а затем утрачивался воображаемый мир будущего в общественном сознании советских людей. Кроме того, научно-фантастическая литература разных лет не только отражала, но и привносили много нового в советское социальное воображение.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В Советском Союзе научная фантастика о будущем, как и вся литература в принципе, наделялась большим идеологическим значением и служила средством воспитания. Взяв для анализа наиболее репрезентативные произведения научной фантастики, мы выделили и рассмотрели основные доминанты литературных моделей будущего, а также проследили изменение воображаемого образа будущего на протяжении всего советского периода.

Основными доминантами научной фантастики мы выделили следующее: изображение коммунистического общества как единственного возможного варианта идеального будущего, в связи с этим – утопический пафос; представление о человеке будущего как о духовно и физически развитой личности; вера в научно-технический прогресс; описание различных преобразований планеты; попытка вообразить покорение космоса. В некоторых произведениях наравне с изображением коммунистического будущего встречаются негативные образы прошлого или нежелательного будущего.

Данные доминанты соотносятся с советской действительностью, отражают основные тенденции развития советской эпохи и свидетельствуют об идеологической специфике советского социального воображения. Заслуга писателей-фантастов состояла в том, что они привносили много нового в советское социальное воображение и расширяли тем самым его рамки.

Анализ динамики советской фантастики позволил нам выявить следующий путь воображаемого образа коммунистического будущего: зарождение как мечты о лучшей жизни – наполнение идеологическим содержанием – сведение будущего к достижениям науки – сосредоточенность на ближайшем будущем – резкая актуализация дальнего будущего и развитие проектной деятельности – внимание к нежелательным вариантам будущего – смещение образа будущего в область внимания

детской и подростковой литературы – идеологическая деактуализация будущего – исчезновение.

Таким образом, научная фантастика послужила нам источником одного из основных образов советского социального воображения – образа воображаемого коммунистического будущего, и позволила выявить, как изменялись и на чем основывались общие социальные ожидания советского общества в целом и картина мира советского человека в частности.

ГЛАВА 3. ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ В СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

3.1. Трансформация жанра путевого очерка в научно-фантастической литературе

3.1.1. Приключенческая версия путевого очерка: жюльверновская традиция в творчестве А. Беляева, И. Ефремова, А. и Б. Стругацких

Путешествие – ведущий мотив в научно-фантастической литературе. Довольно большое количество произведений зарубежной и советской научной фантастики посвящено непосредственно теме космических путешествий. Очевидно, что принципы художественного описания фантастических странствий основывались на принципах создания травелогов. Следовательно, в качестве жанра-основы такого рода произведений мы можем рассматривать путевой очерк.

Данная методологическая перспектива позволяет поставить научно-фантастические произведения в контекст литературы путешествий. Однако статус фантастических экспедиций по отношению к данной традиции еще не определен окончательно. Связано это с отсутствием четкого представления о границах литературы путешествий в научных исследованиях. Поэтому одни ученые относят описания фантастических поездок к литературе путешествий (или травелогу) [Терновая, 2011:95; Русаков, 2013: 304; Майга, 2014: 255], другие – отказывают им в этом статусе и причисляют к обычной беллетристике [Пономарев, 2014: 4]. Данное расхождение иллюстрирует двойственную жанровую природу научно-фантастической литературы: с одной стороны, изображение путешествия, восходящее к документально-публицистическому жанру путевого очерка, с другой – беллетризованность. Таким образом, в случае с научной фантастикой мы будем иметь дело с традицией беллетризованной версии путевого очерка.

Именно к этой традиции восходит творчество основоположника научной фантастики Ж. Верна. Основной жанровой формой произведений

писателя, по определению Е.Ю. Козьминой, является «географический роман приключений» [Козьмина, 2017: 89]. Данный термин введен Н.Д. Тамарченко. Ученый описал инвариант географического романа приключений и выделил четыре его разновидности: «Строительство дома в “чужой” стране» (робинзонада), «Открытие неизвестного мира», «Поиски клада или пропавшего человека», «Европейцы и туземцы в экзотической стране» («колониальный» роман) [Тамарченко].

Географический роман приключений, по словам Е.Ю. Козьминой, начался с робинзонады: именно «ее “порождающая модель” становится основой для всех последующих модификаций и вариантов» [Козьмина, 2017: 89]. Первым образцом робинзонады является роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1719). «Робинзон Крузо» развивался из жанра путевого очерка, о чем свидетельствует большое количество фактографических и документальных источников данного романа, среди которых – путевые записки путешественников и мореплавателей Уильяма Дампира, Френсиса Дрейка, Вальтера Ролея и Ричарда Гаклюита [Романчук]. Документальные источники повлияли на жанровую форму романа Дефо, что выразилось прежде всего в наличии системы «географических описаний» – местности, климата, флоры и фауны [Козьмина; 2016: 137]. Благодаря сочетанию форм документального повествования и «сюжетных авантюр» [Там же: 138] сложился инвариант географического романа приключений.

В жанровом плане, таким образом, данный тип романа является приключенческой версией путевого очерка. Он лежит в русле двух традиций: документальная путевая проза и авантюрная беллетристическая литература, восходящая к трем типам античного романа, выделенных М.М. Бахтиным, – «авантюрному роману испытания», «авантурно-бытовому роману», «биографическому роману» [Бахтин, 1975]. Тем самым для канонического географического романа приключений, по мнению Е. Ю. Козьминой, характерно следующее: «сочетание авантюрного сюжета, мотива путешествия и особенного внимания к пространству, выраженному в

композиционно-речевых формах описания местности (флоры, фауны, природы и пр.), а также ориентация на “документальность” повествования» [Козьмина; 2017: 134].

Данную жанровую форму приспосабливает к своим личным целям и условиям времени Ж. Верна. В его творчестве формируется фантастический вариант географического романа приключений. Творческая деятельность писателя приходится на период стремительного научно-технического развития, который был ознаменован «невиданным до тех пор подъемом научных и технических знаний, великими открытиями в биологии, физике, химии, астрономии, изобретениями, которые привели к существенным сдвигам в области материальной культуры» [Брандис, 1955: 7]. В данную эпоху появляется необходимость не только в осмыслении новых знаний в области науки и техники, но и в их популяризации. Именно популяризация науки становится главной задачей творчества Ж. Верна.

Повествовательная форма путешествия, которое «всегда было связано с познанием, освоением пространства» [Аксенова, 2018: 170], как нельзя лучше подходила для реализации жюльверновской задачи – позволяла с помощью описания пространственного перемещения изложить знания не только по общей географии (что работало на документальность повествования), но и по физике, геологии, биологии, медицине и т.д. Кроме того, обращение к географическому роману приключений было обусловлено личными предпочтениями Ж. Верна, с детства грезившего путешествиями («Я, должно быть, родился моряком и теперь каждый день сожалею, что морская карьера не выпала на мою долю с детства», – говорил он [Верн; цит. по: Давыдова], а также популярностью литературы о путешествиях в эпоху колонизации и освоения «белых пятен» на географической карте. Так, по словам А.А. Майги, именно XIX век стал «золотым веком травелога», когда широкое распространение получили путевые очерки [Майга, 2014: 255]. Отсюда, вероятно, и вытекает отмеченный Е.Ю. Козьминой публицистический характер произведений Ж. Верна, который ощущается в

«репортажных» заглавиях некоторых романов – «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут», «Пять недель на воздушном шаре», «Вокруг света в восемьдесят дней» и др. [Козьмина, 2017: 89].

Ж. Верн создаёт свой вариант географического романа приключений, который починяется задаче популяризации научных знаний. Данная жанровая форма оказывается продуктивной для описания не только вымышленных географических путешествий, но и воображаемых космических – романы «С Земли на Луну», «Вокруг Луны», «Гектор Сервадок».

Появление космических путешествий в творчестве Ж. Верна, а также их популярность в научной фантастике в целом была обусловлена, по словам К. Иванова, процессом завершения эпохи великих географических открытий и европейской колониальной экспансии [Иванов: 2018: 173]. Неизведанных территорий почти не осталось, воображение перестало быть востребованным и приобрело «отрицательную рентабельность», поэтому фантазия писателей устремилась «за пределы уже практически полностью подчиненного, поделенного и нанесённого на карту мира земной поверхности» – в космическое пространство [Там же: 173]. Возможность воображаемых космических путешествий создавала «практически неограниченные возможности для писательского воображения, но потребность в его успешной реализации с точки зрения читательского спроса вынуждала искать более надежные, уже зарекомендовавшие себя и востребованные сюжетные ходы» [Там же: 181]. Поэтому, на наш взгляд, Ж. Верн и использует уже проверенную им жанровую форму географического романа приключений для описания космического путешествия.

Подобно Ж. Верну, опирающемуся на привычную для себя и востребованную читателями жанровую форму, другие авторы, писавшие о космических путешествиях и путешествиях в другие (не географические) пространства, также работали в уже проверенном жанре, следуя, собственно, именно Ж. Верну, чей читательский успех был очевиден. Так, творчество

Ж. Верна, по словам Е.С. Манченко, оказало большое влияние на Г. Уэллса [Манченко, 2012: 161], с именем которого связывается не научно-техническая (жюльверновская) линия в научной фантастике, а линия социально-философской фантастики. Основным жанром его творчества был также географический роман приключений. Даже «Машина времени» Г. Уэллса, как отмечает Е.Ю. Козьмина, является романом, использующим традиции географического путешествия, несмотря на временные перемещения героя [Козьмина, 2017: 89].

Творчество Ж. Верна повлияло и на советских писателей-фантастов. Как и французский писатель, А. Беляев считал, что научно-фантастическая литература должна быть подчинена задаче популяризации научных и технических знаний [Беляев, 1938: 2]. Однако в качестве второй задачи советский писатель отмечал необходимость изображения «социального будущего» страны [Там же: 5], что имело отношение уже не к Ж. Верну, а к идеологической ситуации в стране. Поэтому в творчестве советских писателей-фантастов заимствования, а также трансформация элементов жюльверновского географического романа приключений имели идеологический характер.

Для того чтобы обосновать данный тезис, обратимся к конкретным примерам. В центре нашего внимания будут советские научно-фантастические произведения о будущем, строящиеся как описание космических путешествий. Сосредоточимся мы при этом на творчестве наиболее крупных писателей-фантастов – А. Беляева, И. Ефремова, А. и Б. Стругацких.

В романах Ж. Верна можно выделить следующие структурно-жанровые компоненты: герой-путешественник, путешествие как научная экспедиция, событие испытания, научный прогноз, авантюрный сюжет, географические описания. Все эти элементы, так или иначе, присутствуют в произведениях советской фантастики.

1. Герой-путешественник. В романах Ж. Верна фигурирует, по словам Н. Черняховской, путешествующий герой, ориентированный на преобразование мира и воплощающий собой «этический идеал ученого как человека будущего» [Черняховская, 2020: 261]. Таковым, например, является капитан Немо, герой романов «Двадцать тысяч лье под водой» (1869), «Таинственный остров» (1974), – инженер, изобретатель, ученый-океанолог, путешествующий на подводном корабле «Наутилус». Типичным героем советской фантастики становится также ученый-путешественник: интеллектуально развитый, изобретающий, открывающий, исследующий – «творец», «созидатель» [Ростоцкая, 2015: 85]. Выбор героя такого типа при художественной реализации темы покорения космоса был вполне закономерен. Более того, именно такой герой становился воплощением образа человека будущего. В романе Беляева «Звезда КЭЦ» героем является биолог Артемьев, который вначале отправляется на космическую лабораторию, а затем посещает Луну. В произведениях Ефремова и Стругацких в центр ставится не один герой-путешественник, а целая экспедиционная группа. Это, например, «экипаж из лучших учёных» звездолета «Тантра», который возвращается из межзвездной экспедиции («Туманность Андромеды») [Ефремов, 2018: 9]. Изображение деятельности целого коллектива путешествующих ученых – это трансформация, обусловленная, безусловно, идеологической идеей колlettivизма.

2. Путешествие как научная экспедиция. Ж. Верн не раз обращался к такому варианту географического романа приключений, как «Открытие неизвестного мира», где целью путешествия ставится научная экспедиция [Козьмина, 2017: 321]. В романе «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» (1866) Ж. Верном описывается экспедиция на Северный полюс, романы «Из пушки на Луну» (1865), «Вокруг Луны» (1869) посвящены экспедиции на Луну. Данный тип путешествия становится доминирующим в советской научной фантастике. Герои произведений посещают и исследуют Луну, планеты Солнечной системы и другие Галактики (Ефремов). Строятся

данные путешествия по модели романа «Открытие неизведанного мира». С точки зрения Е. Ю. Козьминой, в данном типе романе мотивировкой путешествия становится гипотеза о существовании некого места, поводом для которой «обычно становятся документальные источники, различные легенды, предания и т.п.» [Там же: 321]. Так, в «Часе Быка» Ефремова такой гипотезой становится «миф о планете Торманс»: «Для нас планета Торманс была лишь одной из многих тысяч сказок, канувших в небытие. Но всем известно, что семьдесят два года назад мы получили по Великому Кольцу первое известие о странной планете красного солнца в созвездии Рыси. Историк Кин Рух, извлечший из-под спуда времен первоисточник мифа, назвал новую планету Тормансом – символом тяжкой жизни людей в неустроенном обществе» [Ефремов, 1917: 31].

3. Испытание. Данный сюжетный элемент является неотъемлемым слагаемым любого авантюрного произведения. Герои Ж. Верна сталкиваются с опасностями и препятствиями, обусловленными «особенностями природы, местного колорита и нравами населения». При этом жюльверновских героев выручает «не бог из машины, а собственная воля и твердость» [Черняховская, 2020: 263]. В советской фантастике препятствия и испытания имеют очевидный идеологический характер. Так, в совершенно соцреалистической манере в «Звезде КЭЦ» Беляева показывается преодоление героем собственного индивидуализма – признание значимости научного труда над своими личными интересами: «Хочу [лететь на Землю], Тоня. Но я накануне величайшего открытия в биологии. И закончить эту работу можно только здесь. А дело прежде всего» [Беляев, 2017: 162]. Некого рода «наставником» [Кларк, 2002: 148] для героя выступила его возлюбленная Тоня. В произведениях Ефремова и Стругацких проверяются не индивидуальные качества героя (или героев), а признаки, характеризующие человечество будущего в целом. Проверка осуществляется в условиях абсолютно неведомого мира. Таково пространство космоса и чужие планеты. Например, в рассказе «Ночь на Марсе» Стругацких герои

сталкиваются с опасным существом, которого называют просто «она»: «И каждую секунду она могла броситься на нас» [Стругацкие, 1963: 9]. В таких условиях, как отмечает Е. Ю. Козьмина, зачастую если персонажи ведут себя в соответствии с привычными нормами, то они погибают [Козьмина, 2016: 87]. Наиболее показателен здесь эпизод из романа «Час Быка» Ефремова. Трое землян, отправившись изучать обитаемую планету, сталкиваются с деклассированным слоем населения. Против них земляне, согласно своим этическим принципам, не могут применить какую-либо силу даже для самозащиты: «Дикую толпу можно было бы уничтожить, но такая мысль даже в голову не могла прийти землянам» [Там же: 264]. В итоге земляне погибают под обломками башни, в которой они пытались укрыться, более того, вместе с ними под обломки попадают и нападавшие.

4. Научный прогноз. По словам Е. Брандиса, Ж. Верн изображал желаемое как уже осуществленное – «открытия и изобретения, которые в его время еще не вышли из стадии лабораторного эксперимента или едва только намечались в отдаленной перспективе, он рисовал как уже существующие и действующие» [Брандис, 1955: 17]. К примеру, в романе «Пять недель на воздушном шаре» герои совершают воздушное путешествие на аэростате «Виктория», который представлял собой управляемый воздушный шар, еще не сконструированный в реальности, но уже действующий в воображении автора. Советские писатели-фантасты следуют Ж. Верну. Так, основная цель Беляева в романе «Звезда КЭЦ» – популяризация научных идей К. Э. Циолковского, памяти которого посвящено данное произведение. Путешествие к городу на Памире позволяет Беляеву описать реактивный стратоплан, сверхскоростной поезд и другие технические проекты Циолковского. Звезда КЭЦ – проект этого же ученого. И даже полет на Луну отсылает нас к научно-фантастическому рассказу Циолковского «На Луне» (1893). Ефремов и Стругацкие не ставят перед собой целей непосредственного изложения научных идей и изображения технических достижений. Тем не менее, ряд интересных научных прогнозов имел место в

их творчестве. Например, Стругацкие, в фантастической повести «Стажеры» предсказали существование колец у всех планет-гигантов, а не только у Сатурна, как считалось ранее.

5. Авантурный сюжет. В романах Ж. Верна научный прогноз и научные сведения вплетаются в занимательный и легкий для восприятия приключенческий сюжет. Ориентация на него была связана с тем, что произведения писателя задумывались как научно-познавательные книги для юношества и являлись частью просветительской и педагогической программы П.-Ж. Этцеля, издававшего «Журнал воспитания и развлечения», в котором и печатались романы Ж. Верна [Елисеев]. В аналогичной ситуации находились и советские фантасты. Их произведения выходили в журналах, основной читательской аудиторией которых были дети и молодежь («Вокруг света», «Всемирный следопыт», «Техника – молодежи», «Детгиз», «Молодая гвардия», «Искатель» и др.). Следовательно, писатели должны были создавать свои произведения с оглядкой на юных читателей и разрабатывать авантюрные сюжеты. Так, в «Звезде КЭЦ» Беляевым используется приключенческий мотив поиска, отсылающий нас к жюльверновскому роману «Дети капитана Гранта» (1868). В романе Беляева герой отправляется в увлекательное путешествие лишь потому, что хочет помочь своей возлюбленной Тоне найти некого Палея – конструктора ракет. Приключенческий мотив тайны использует Ефремов в «Туманности Андромеды». Земляне-ученые находят на Темной планете пропавший много лет назад космический корабль «Парус», экипаж которого загадочным образом исчез: «Кислородные резервуары не были исчерпаны, запасов воды и пищи могло хватить еще на несколько лет, но нигде не было ни следов, ни останков экипажа “Паруса”» [Ефремов, 2018: 105]. В попытках разгадать тайну «Паруса» земляне исследуют планету.

6. Географические описания (флоры, фауны, природы и др.). В романах Ж. Верна речевые фрагменты данного типа служат в основном для описания мира путешественников, так как произведения посвящены

географическим перемещениям. В советской научной фантастике географические описания создают образ инопланетного мира. Так, в «Звезде КЭЦ» Беляева изображается поверхность Луны, причем данные сведения носят научно-исследовательский характер: «На лунных равнинах, словно на поле сражения, были воронки разной величины. <...> Неужто это следы от упавших на Луну метеоритов? Это возможно. Атмосферы на Луне нет, следовательно, нет защитного покрова, который предохранял бы Луну, как Землю, от небесных бомб» [Беляев, 2017: 95]. Ефремов посредством описания флоры и фауны создает образ Темной планеты, «планеты мрака», где люди бесследно исчезают: «На почве около подъёмника и под кораблём торчали, несомненно, растения. Толстые стебли поднимали на высоту почти метра чёрные, параболически углублённые чаши, зазубренные по краю, точно шестерни, – не то листья, не то цветы. Скопище чёрных неподвижных шестерней выглядело зловеще»; «Там, в воротах мрака, в клубах тумана возникло движение формы, неизъяснимой для человеческого представления и тем более устрашавшей. Это не была уже знакомая медузообразная тварь; в серой полути темноте двигался чёрный крест с широкими лопастями и выпуклым эллипсом посередине» [Ефремов, 2018: 103; 120]. В «Стране багровых туч» Стругацких создается образ красно-чёрной Венеры («Красное и чёрное» – название главы): «Справа и слева медленно ползут отвесные чёрные скалы, гладкие, блестящие, как антрацит. Впереди все тонет в красноватом сумраке кажется, что стены бесконечного коридора смыкаются там. Дно расселины, изрытое и перекошенное, покрыто толстым слоем темной тяжелой пыли. <...> А наверху тянется узкая иззубренная полоса оранжево-красного неба, и по ней с бешеною скоростью скользят пятнистые багровые тучи» [Стругацкие, 2016: 154].

Итак, мы видим, что жанровая модель жюльверновского романа оказалась довольно продуктивной для описания космических путешествий в советской научной фантастике. Ориентацию советских писателей на данную жанровую форму, на наш взгляд, определили два фактора. Во-первых, имело

место сознательное подражание Ж. Верну, романы которого рассматривались в качестве образца для советской научной фантастики (следовать Ж. Верну призывал Беляев в статье «Создадим советскую научную фантастику»). Отметим, что в целом для советской литературы было характерно следование каноническим образцам [Кларк, 2002: 9]. Во-вторых, для успешной реализации задач научной фантастики писатели должны были учитывать интересы и предпочтения своего читателя – прежде всего юного читателя.

Важно отметить, что читательские интересы юного советского читателя были сформированы, в том числе, непосредственно романами Ж. Верна, которые были чрезвычайно популярны в СССР. Французский писатель с его верой во всемогущество науки был созвучен идеям советской эпохи, нацеленной на научно-технический прогресс и «светлое будущее». Неслучайно Ж. Верн был пятым зарубежным писателем по количеству изданий в СССР в 1918–1986 годах [Немировский, Платова, 1987: 311].

Согласно монографии Е. Добренко «Формовка советского читателя», тема приключений и путешествий доминировала у читателей 14–15 лет [Добренко, 1997: 70]. Несмотря на то, что приключенческую литературу не вводили в обязательную школьную программу, она имела в условиях СССР большое воспитательное значение – становилась «стартовой площадкой», с которой начинался интерес к взрослой литературе [Там же: 71]. Предполагался следующий путь читателя по мере взросления: «от путешествий и приключений через географическую беллетристику к научно-популярным и научным книгам по географии» [Там же: 229]. Надо сказать, это работало. Так, известный советский географ В.А. Обручев вспоминал: «В качестве примера я могу сказать, что сделался путешественником и исследователем Азии благодаря чтению романов Жюль Верна, которые пробудили во мне интерес к естествознанию, к изучению природы далеких, малоизвестных стран» [Обручев, 1939: 40].

Аналогичный механизм мы имеем в случае с научной фантастикой, обращенной прежде всего к молодежи. Так, в статье «Создадим советскую

научную фантастику» Беляев писал: «Надо добиваться того, чтобы заинтересовавшись ярко изображенной научной проблемой, читатель научно-фантастического произведения сам взялся бы изучать относящуюся к данному вопросу литературу, а быть может и сам занялся научной, технической разработкой этой проблемы» [Беляев, 1938: 3]. И для того, чтобы заинтересовать читателя той или иной научной проблемой, писатель должен был опираться на читательские вкусы своей аудитории.

Жанровая модель фантастического географического романа приключений модель оказалась эффективной для реализации идеологически необходимых для советской фантастики задач: увлечение детей и юношей «романтикой неизведанного» [Ляпунов] (т.е. формирование интереса к науке и космосу) и презентация «светлого будущего», в котором возможны космические путешествия. Если говорить об идеологических трансформациях, то они, как мы видели, касались в основном выбора коллектива в качестве героя произведения и идеологизации смысла события-испытания. В общем и целом, жанровая форма жюльверновского географического романа приключений позволяла вкладывать в нее идеологические смыслы без изменения структуры.

Опора на традицию географического романа приключений являлась одним из факторов, обеспечивших успех произведений у советских читателей. Дабы подтвердить данные слова обратимся к произведению Беляева «Под небом Арктики», написанного в форме путевого и одновременно научно-фантастического очерка. Это произведение, где главным героем является негр Джим, приехавший из Америки в СССР и волей случая оказавшийся в осваивающейся советскими людьми Арктике, оказывается неким антиподом распространенных «путешествий на Запад», описанных Е.Р. Пономаревым [Пономарев, 2014]. Путешествие в данном тексте работает преимущественно на государственно-пропагандистские смыслы – на противопоставление нацеленного на коммунизм СССР капиталистическому Западу. О тяготении к географическому роману

приключений здесь говорить не приходится. Таким образом, выбор небелетристической формы в качестве доминирующей и почти полный отказ от приключенческих элементов, на наш взгляд, обеспечили неуспех данного произведения у читателей, не смотря на его актуальные в условиях советского времени смыслы.

В качестве заключения отметим, что использование элементов фантастического варианты географического романа приключений при описании путешествий имело системный характер. Чертвы данной жанровой формы можно найти в творчестве А.Н. Толстого, Г. Гуревича, К. Булычева и др., причем, не только в описаниях географических и космических путешествий. Так, путешествие во времени в повести «Сто лет тому вперед» К. Булычева также опирается на жанровую модель географического романа приключений, где географические описания используются для создания образа Москвы XXI века.

Таким образом, модель географического путешествия становится универсальной для реализации невозможных в реальности сюжетов о тревелогах. Показательно в данном случае сравнение космического пространства с географическим в повести К. Булычева: «Галактику можно сравнить с океаном, только она в миллионы раз больше. Как острова, по ней разбросаны планеты, как архипелаги – созвездия. А все остальное – пустыня, по которой плывут космические корабли» [Булычев, 2014: 207].

3.1.2. «Космическая робинзонада»: «Обитаемый остров» А. и Б. Стругацких

«Космическая робинзонада» является модификацией классической робинзонады – весьма продуктивной жанровой формы в мировой литературе. Нередко такой тип произведений рассматривают как самостоятельный литературный жанр в связи с наличием устойчивой структуры и большого количества подражаний. Однако Е. Ю. Козьмина, опираясь на концепцию

Н. Д. Тамарченко, доказывает, что робинзонада – это один из четырех вариантов географического романа приключений [Козьмина, 2016].

Термин «робинзонада» возник в 1798 году; порождающей и одновременно образцовой моделью классической робинзонады признан роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» [Волков, Попов, 1987: 113]. Примерами варьирования жанровой модели романа Д. Дефо являются такие произведения, как «Коралловый остров» Р. Баллантайна, «Таинственный остров» Ж. Верна, «Повелитель мух» У. Голдинга, «Остров накануне» У. Эко и др. Сюжет данных романов строится по следующей схеме «катастрофа – изоляция – освоение острова (или иного замкнутого пространства) – возвращение в свой мир» [Козьмина, 2017: 170].

Наряду с классическим вариантом, согласно Е. Ю. Козьминой, существует фантастический вариант робинзонады [Там же: 170]. Фантастическая робинзонада использует элементы классической жанровой структуры и «трансформирует их в соответствии с задачами авантюрно-философской фантастики XX века» [Там же: 170]. К данному варианту робинзонады относится «космическая робинзонада», в которой эквивалентом острова становится чужая планета или иной космический объект. В качестве примера можно назвать следующие зарубежные научно-фантастические произведения: «Робинзоны космоса» Ф. Карсака, «Туннель в небе» Р. Хайнлайна, «День триффидов» Дж. Уиндема и многие другие.

В форме фантастической робинзонады написан и ряд произведений советской научной фантастики – «Обитаемый остров» А. и Б. Стругацких, «Поселок» К. Булычева, «Пленники астероида» Г. Гуревича и др. Использование жанровой формы робинзонады в советской научно-фантастической литературе, на наш взгляд, обусловлено тремя факторами. Во-первых, мы снова имеем дело с фактом перенесения существующего сюжета о географическом путешествии в космическое пространство. Во-вторых, большую роль играла установка на воспитательный и образовательный потенциал научно-фантастической литературы, который

успешно мог быть реализован с использованием структуры романа-робинзонады. Здесь нельзя не отметить ориентацию писателей-фантастов непосредственно на роман Дефо «Робинзон Крузо», который был любимой книгой у советских детей и подростков [Добренко, 1997: 70]. В связи с этим сюжет робинзонады можно рассматривать как традиционный советский сюжет. В-третьих, робинзонада сама по себе является «архетипичной для тех произведений, герои которых оказываются в экстремальной ситуации выживания и приспособления к чужим и чуждым обстоятельствам» [Харламов, 2019: 139], иными словами, ориентация на такого типа приключенческий сюжет подсказывает жанровую форму робинзонады.

Очевидно, что писатели-фантасты изменяли существующую модель в соответствии с авторским замыслом. Это касается и братьев Стругацких, чьи опасения по поводу будущего советской системы воплотились в фантастическом романе «Обитаемый остров». Данный роман будет проанализирован нами подробно в аспекте трансформации жанровой структуры классической робинзонады.

Для начала обратимся к истории создания романа. «Обитаемый остров» был задуман как «оптимистическая повесть о контакте» в 1967 года [Стругацкий, 2018: 162]. Это было сложное для писателей время, когда редакции из цензурных соображений отказывались от публикации их произведений – «Сказки о Тройке» и «Гадких лебедей» [Там же: 163]. В «Комментариях к пройденному» Б. Стругацкий пишет: «Очень хорошо помню, как обескураженные и злые, мы говорили друг другу “Ах, вы не хотите сатиры? Вам более не нужны Салтыковы-Щедрины? Современные проблемы вас больше не волнуют? Оч-чень хорошо! Вы получите бездумный, безмозглый, абсолютно беззубый, развлеченный, без единой идеи роман о приключениях мальчика, комсомольца ХХII века...”» [Там же: 162–163]. Установка на развлекательность и приключения, а также ориентация на детскую и подростковую аудиторию (роман после написания был отдан в московский Детгиз, специализировавшийся исключительно на

литературе для детей), на наш взгляд, определили сознательный выбор Стругацкими романа-робинзонады как жанровой формы «Обитаемого острова». Связь романа с жанровой структурой робинзонады отражена уже на уровне заглавия, где заявлен топос острова. Метафорическое название обитаемой планеты Саракш вызывает ассоциацию с необитаемым островом из романа «Робинзон Крузо» Дефо. Кроме того, здесь мы видим очевидное противопоставление, которое затем проявится на других уровнях жанровой структуры.

Героем «Обитаемого острова» является наивный двадцатилетний Максим Каммерер – тот самый «мальчик, комсомолец XXII века» [Там же: 162]. Выбор Стругацкими молодого героя, по словам Т. В. Шоломовой, связан с тенденцией на «ювенилизацию» войны в художественном сознании: «герой Стругацких естественным образом молodeет в тот момент, когда молodeет воюющий (и победивший) герой в советской культуре вообще» [Шоломова, 2011: 162]. Писатели отходят от типичного для советской фантастики героя-ученого: Максим – неопределенчившийся с профессией молодой человек, не имеющий «особенных талантов» [Стругацкие, 2019: 9]. В образе Максима представлен человек коммунистического «светлого будущего» в интерпретации Стругацких, так как роман относится к циклу произведений о «Мире Полудня». Тем самым чужая планета представлена в «Обитаемом острове» с идеологической точки зрения героя – но в кругозоре не «исследователя-профессионала, моряка, еествоиспытателя, натуралиста» как в классическом романе-робинзонаде [Козьмина, 2016: 137], а человека, воспитанного в условиях социальной справедливости и коммунистической морали.

Начало романа Стругацкие строят как робинзонаду, трансформированные элементы которой полностью соответствуют ее фантастическому варианту. В фантастической робинзонаде «способы и причины изоляции, как правило, представляют собой результат космической катастрофы» [Козьмина, 2017: 171]. Аналогичны обстоятельства появления

Максима на планете Саракш: его космический корабль был поврежден из-за «метеоритной атаки в стратосфере» [Стругацкие, 2019: 8]. Кроме того, для «Обитаемого острова» характерны присущие «космическим робинзонадам» отсылки к роману Дефо [Козьмина, 2017: 175]. Так, в романе первая глава названа «Робинзон». Более того, сам герой отождествляет себя с Робинзоном Крузо: «Робинзон, – подумал он с некоторым даже интересом. – Максим Крузое. Надо же, ничего у меня нет. <...> Но зато остров у меня – обитаемый» [Стругацкие, 2019: 14].

Робинзонада, являясь географическим романом приключений, содержит в своей структуре такие композиционно-речевые формы как географические описания – местности, климата, флоры и фауны [Козьмина, 2016: 139]. Характерны такого типа описания и для романа Стругацких. По данным описаниям ясно, что писатели не создают образа принципиально «чужого» (экзотического) мира: «Трава была по пояс; неподалеку темнели заросли кустарника, торчали кое-как унылые кривоватые деревья» [Там же: 8]. Или: «Высокая ломкая трава шуршала и хрустела под ногами, колючие семена впивались в шорты. С зудящим звоном налетела туча какой-то мошкеры, потолклась перед лицом и отстала» [Там же: 8–9]. В данных описания видна опора Стругацких на классический вариант робинзонады, а не на фантастический, где герой обычно сталкивается с принципиально «неизвестными человечеству флорой и фауной» [Козьмина, 2017: 172].

Сюжетным стержнем робинзонады является борьба обособленного человека с противостоящей ему природой, однако в романе Стругацких герой, оказываясь на «обитаемом острове», имеет дело с социумом. Забавную трансформацию получает мотив именования географических объектов «чужого» мира, характерный для фантастической робинзонады [Там же: 171]. Герой Стругацких, Максим, по-своему именует людей, например: «Рыба, – сказал Максим на линкосе. Собственно, ее звали Нолу, но Максим с самого начала окрестил ее Рыбой за общее выражение лица и невозмутимость» [Стругацкие, 2019: 52]. Данный трансформированный

мотив реализуется и в обратном направлении: героя жители планеты зовут «Мак Сим».

Стругацкие уделяют особое внимание общественному устройству «вряд ли благополучной» планеты Саракш [Стругацкие, 2019: 11]. Это привносит в структуру робинзонады мотивы и жанровые черты романа-антиутопии. Наличие черт антиутопии в робинзонаде не является новаторским ходом – вспомним, к примеру, «Повелителя мух» У. Голдинга. Однако у Стругацких антиутопические черты связаны с иной действующей стороной: антиутопическое общество не создается, а уже существует – и герой попадает в него.

С появлением антиутопических элементов «сугубо развлекательский» роман Стругацких перерастает в глубокий анализ советской действительности: «Оказалось, что это дьявольски увлекательное занятие – писать беззубый, бездумный, сугубо развлекательный роман! Тем более что довольно скоро он перестал видеться нам таким уж беззубым. И башни-излучатели, и выродки, и Боевая Гвардия – все вставало на свои места, как патроны в обойму, все находило своего прототипа в нашей обожаемой реальности, все оказывалось носителем подтекста – причем даже как бы помимо нашей воли <...>. Это было прекрасно – придумывать новый, небывалый мир, и еще прекраснее было наделять его хорошо знакомыми атрибутами и реалиями» [Стругацкие, 2018: 163]. Писатели моделируют общество, в котором власть принадлежит неким Неизвестным Отцам (можно увидеть аллюзию на «отца народов» И. В. Сталина). Средством манипулирования и подчинения масс становится система излучения, заставляющая население слепо верить управляющей анонимной группе и бездумно исполнять ее приказы. В советских реалиях такая роль отводилась средствам государственной пропаганды – радио, телевидение, литература и др. Такого рода аллюзий в «Обитаемом острове» достаточно много.

Таким образом, романа «без единой идеи» у Стругацких не получилось. Текст писался в качестве протеста против отказа в публикации

двух предшествующих произведений, и писатели, вероятно, не смогли удержаться от более острой критики советской системы. Кроме того, Стругацкие в период «идеологической усталости и разочарования конца десятилетия [60-х]» [Шоломова, 2011: 160] переживают мировоззренческий кризис, когда будущее перестает видеться «светлым» и возникает ряд опасений, связанных с судьбой Советского Союза. Ю. Н. Черняховская характеризует этот период следующий образом: «В стране зарождаются новые тенденции и появляются новые проблемы: конфликт в руководстве СССР, поражение группы Шелепина, приход Андропова в КГБ, кризис в Чехословакии. Проблема власти, с ее целями и средствами, снова актуализируется» [Черняховская, 2010: 80]. Стругацкие, как бы ни хотели, не смогли абстрагироваться от политических и социальных проблем – они снова написали о том, что их волновало.

Мир Страны Отцов, куда попадает Максим, – это «мир наизнанку» (так переводится распространенное у местного населения бранное слово «массаракш») [Стругацкие, 2019: 116]. Таковой Стругацким, по-видимому, начала казаться сама советская действительность, реалии которой писатели утируют и усиливают при моделировании тоталитарного общества Страны Отцов. Установка на изображение «мира наизнанку» влияет на жанровую структуру романа. Как только Стругацкие доходят до непосредственного контакта Максима с жителями планеты, робинзонада начинает превращаться в антиробинзонаду. Иными словами, чтобы изобразить «мир наизнанку», писатели, образно говоря, выворачивают наизнанку структуру робинзонады – она предстает в новом, переиначенном виде, но с сохранением прежних элементов.

Обычно самой главной задачей героя романа-робинзонады является не столько выживание, понимание «чужого» мира и приспособление к нему, сколько сохранение «своих человеческих качеств» [Козьмина, 2017: 172]. Герой же Стругацких нравственно деградирует, но не так стремительно, как герои «Повелителя мух» У. Голдинга – романа, который также

рассматривается как антиробинзонада. О первом изменении Максима свидетельствует эпизод драки, когда он защищает понравившуюся ему местную девушку Раду от нападающих: «Он огляделся. На грязном цементном полу мешками лежали тела. Он машинально сосчитал их – шестеро, включая вожака, – и подумал, что двое успели убежать. <...> А те, кто не успел уйти, – те лежат, и некоторые из них умрут, а некоторые уже мертвы, и он понимал теперь, что это все-таки люди, а не обезьяны и не панцирные волки, хотя дыхание их было зловонно, прикосновения – грязны, а намерения – хищны и отвратительны. И все-таки он испытывал какое-то сожаление и ощущал потерю, словно потерял некую чистоту, словно потерял неотъемлемый кусочек души прежнего Максима, и знал, что прежний Максим исчез навсегда, и от этого ему было немножко горько, и это будило в нем какую-то незнакомую гордость...» [Стругацкие, 2019: 90].

Герой не способен остаться прежним в условиях «мира наизнанку». Уже в финале Максим, имея благие намерения по изменению общественного устройства, взрывает Центр, откуда управляются башни-излучатели и где находится множество людей. Он воспринимает это как подвиг: «То, что я сейчас сделал, здесь называется подвигом. <...> И все-таки мне нехорошо. И если я хочу, чтобы в дальнейшем мне доверяли и шли за мной, я никогда и никому не должен рассказывать, что главный мой подвиг я совершил не тогда, когда скакал и бегал под пулями, а вот сейчас, когда еще есть время пойти и разрядить бомбу, а я гоню и гоню машину прочь от проклятого места...» [Там же: 392]. Но тем самым он нисколько не спасает Страну Отцов, а наоборот, обрекает на голод, войну, экономические проблемы и лучевое голодание, которое «в двадцати процентах случаев приводит к сумасшествию» [Там же: 401].

Отметим также, что новым для структуры робинзонады становится введение романтического мотива – любви к чужеземке (Максим-Рада). Данный мотив мы рассмотрим подробнее в параграфе, посвященном традиции романтического путешествия в советской фантастике.

Большое значение для нашего исследования имеет образ Гая Гаала, который становится другом и помощником Максима. Прототипом его является Пятница из романа Дефо. И если герой Дефо воплощал собой тип «естественного человека», то Гай – это человек, чье сознание искажено цивилизацией. Для него Максим становится некого рода наставником, открывающим ему глаза на происходящее. Гаю кардинальное переосмысление окружающего мира дается тяжело: «Трудно поверить, массаракш, ведь всю жизнь в строю, всегда знали, что к чему, все было просто, все были вместе, и хорошо было быть таким, как все. Нет, пришел, влюбил в себя, карьеру испортил, а потом буквально за шиворот вырвал из строя и утащил в другую жизнь, где и цель непонятна, и средства непонятны, где нужно – массаракш и массаракш! – обо всем думать самому, решать самому, все самому...» [Там же: 279]. В отличие от Робинзона герой Стругацких не уберегает своего «Пятницу» – Гай погибает, выполняя приказ Максима.

Еще одно противоречие мы видим в finale. Робинзонада обычно заканчивается возвращением или намеком на возвращение героя (или героев) в свой мир [Козьмина, 2017: 170]. Герой же Стругацких решает остаться на чужой планете в надежде помочь «прогрессору» Страннику исправить все то, что натворил взрывом Центра: «Я буду делать то, что мне прикажут знающие люди. Если понадобится, я займусь инфляцией. Если придется, буду топить субмарины...» [Стругацкие, 2019: 415]. «Я дома», – считает Максим [Там же: 414].

Итак, суммируем. «Обитаемый остров» Стругацких, задумывающийся как исключительно развлекательный и приключенческий роман, писался как «космическая робинзонада» – об этом свидетельствуют отсылки к роману «Робинзон Крузо» Дефо, наличие эпизода космической катастрофы, а также описания местности, флоры и фауны чужой планеты. Однако трансформация авторского замысла и появление антиутопического описания «мира наизнанку» (аллегорического изображения советской действительности)

подрывают структуру «космической робинзонады». Обитаемый остров (планета) вместо необитаемого, нравственная деградация главного героя в условиях «чужого» мира, смерть «Пятницы» и отказ героя от возвращения в «свой» мир свидетельствуют о том, что изначальная робинзонада трансформировалась в анти-робинзонаду. А по более точному определению – в «космическую антиробинзонаду». Об идеологической трансформации, которой мы уделили внимание в прошлом разделе, в случае с «Обитаемым островом» говорить почти не приходиться, так как роман отражает перелом в мировоззрении писателей-фантастов и их отход от марксистско-ленинской идеологии. Единственное – героем все также является человек коммунистического будущего, со своей идеологической позиции воспринимающий «чужой» мир. Но при этом Максим – не эталонный герой, что нетипично для советской научной фантастики. Таким образом, в «Обитаемом острове» нужно говорить об антиидеологических смыслах и соответствующей трансформации «космической робинзонады».

3.2. Реконструкция мотивов и сюжетных элементов романтического путешествия в советской фантастике

Явление романтизма выходит за пределы хронологических рамок советской фантастики. Черты романтической поэтики обнаруживаются в произведениях XX и XXI века. Не является исключением и научно-фантастическая литература, которая, к тому же, имеет генетическое родство с романтической фантастикой [Тодоров, 1999: 38; Козьмина, 2017: 94]. Данный вопрос ученые-литературоведы рассматривают в аспекте эволюции категории фантастического. Мы оставим указанную проблему за рамками нашего исследования. Наша цель – проанализировать произведения советской фантастики в традиции романтического путешествия, выявить основные мотивы и сюжеты, реконструированные писателями-фантастами. Некоторые произведения представляется продуктивным рассмотреть через

призму ведущего жанра романтизма – романтической поэмы, героем которой часто становится путешественник, скиталец.

Наиболее близким романтической поэтике, по нашим наблюдениям, является научно-фантастический роман о «светлом будущем» «Страна Гонгури» В. Итина. Данное произведение было написано до Октябрьской революции, затем переделано и издано в 1922 году.

Обратим внимание на следующие моменты: во-первых, роман писался в тот исторический период, когда еще не существовало нормативных положений о том, как писать советскую литературу, в частности научную фантастику; во-вторых, как отмечает А.Ф. Бритиков, фантасты в то время не располагали для создания картин будущего «ни достаточным жизненным материалом, ни глубоким знанием теории коммунизма, ни соответствующей художественной традицией» [Бритиков, 2005: 91]. Таким образом, писателям приходилось самостоятельно искать пути художественного воплощения образа коммунистического будущего и решать проблему его сюжетно-жанровой презентации.

Данные факторы определили обращение Итина, «поэта до мозга костей», «поэта по мироощущению, по мировосприятию, по любви к поэзии и по знанию ее», человека, «цитировавшего Байрона по-английски» [Высоцкий; цит. по: Мостков, 1981: 52], к романтической поэтике в романе «Страна Гонгури». Начав свой литературный путь как поэт-романтик, Итин не смог отойти от романтической образности в прозаических произведениях. Строки одного из романтических стихотворений писателя – «Я был искателем чудес, невероятных и прекрасных», – определяют, по словам А. Горшенина, характерную особенность всего творчества Итина [Горшенин].

Обратимся непосредственно к поэтике романа «Страна Гонгури». Герой произведения, молодой поэт и революционер Гелий, представляет собой, на наш взгляд, тип романтического героя. Об этом, во-первых, свидетельствует описание внешности Гелия, в котором подчеркивается исключительность, приковывающая внимание к герою в толпе других людей.

Врач Митч, находящийся в одной тюремной камере с Гелием, вспоминает об их знакомстве следующее: «Воздух внутри был похож на туман в бане; грязные сильные люди всех рас пили, кричали и бралились. И в центре всего этого он сразу заметил напряженное от потока мысли лицо, красивое и странное, с легкой улыбкой тайной радости! На первый взгляд оно принадлежало обыкновенному чернорабочему, допивавшему свое пиво за дальним столиком» [Итин, 2015: 14]. Во-вторых, важным в образе Гелия являются мотивы отчуждения и бесцельного скитальчества, которые отчетливо звучат в стихотворениях героя, например: «В снегах певучих жестокой столицы / Всегда один блуждал я без цели / С душой перелетной пойманной птицы, / Когда другие на юг улетели» [Там же: 5].

В приведенных строках отражается ключевая в романе ситуация узничества, заточения («С душой перелетной пойманной птицы»). Гелий попадает в плен к чехам-белогвардейцам и впоследствии приговаривается к смерти. В тюрьме он ждет исполнение приговора. Отметим, что ситуация узничества активно разрабатывалась в русской литературе периода романтизма – это «Шильонский узник» в переводе В. Жуковского, «Кавказский пленник» и «Узник» А. Пушкина, «Певец в темнице» В. Раевского, «Кавказский пленник» и «Мцыри» М. Лермонтова и т.д.

В романтических произведениях данная ситуация тесно связана с идеей свободы. Так, в «Кавказском пленнике» Пушкина понятие свободы совмещает два смысла: «свобода как освобождение героя из черкесского плена и возвращение на родину; свобода как то идеальное состояние, к которому герой стремился еще на родине и к которой стремится каждый романтический персонаж» [Манн, 1995: 44]. «Первое неуловимо сливаются со вторым, конкретное значение – с идеальным», – отмечает Ю. Манн [Там же: 44]. Аналогичное раскрытие темы свободы мы видим в романе Итина: свобода как освобождение из заточения («Как бы вырваться отсюда! – невольно пробормотал он, сжав кулаки» [Итин, 2015: 6]) и свобода как побег из мира действительности с «ужасами и безумствами» [Там же: 21]

Гражданской войны в мир грез – совершенный мир будущего Страны Гонгuri.

«Побег» от действительности находит отражение в мотиве путешествия – физического или метафизического. Уход в вымышленный и причудливый мир, в романтическое далеко, по словам М. Н. Лошаниной, присутствует в произведениях практически всех романтиков [Лошанина, 2017: 71]. В контексте рассматриваемого нами романа мы имеем дело с метафизическими путешествием в мир идеального будущего.

Этот «побег» становится для героя Итина возможным благодаря сновидениям. Так в роман входят онейрические мотивы, характерные для поэтики романтизма (начиная с Новалиса). Гелий видит Страну Гонгuri во снах: «Словом, Страна Гонгuri – навязчивые сны с необыкновенным тоном реальности», – заключает герой [Итин, 2015: 7]. Находящийся в одной камере с Гелием врач-американец Митч пытается помочь юноше. Он погружает Гелия в гипнотический сон, в котором герой переносится почти на две тысячи лет в будущее. Там он существует как гениальный ученый Риэль и проживает целую жизнь в мире, который ранее обрывочно видел во снах. Использованный в романе прием «перенесения современника в состоянии сомнамбулизма в далекое будущее, перевоплощения его в человека будущего общества, а затем возвращения назад, в реальное для него время и действительность» заимствуется Итиным из незаконченной русской утопии В.Ф. Одоевского «4338-й год. Петербургские письма» (1835), возникшей «на почве русского романтизма» [Черная, 1972: 44]. Сон становится способом преодоления границы между реальностью и мечтой.

Романтический герой, ситуация узничества, онейрический мотив, метафизическое путешествие – все это, таким образом, подтверждает близость романа «Страна Гонгuri» поэтике романтизма. Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: для художественного осмысления тяжелого периода Гражданской войны и идеологической мечты

о «светлом будущем» Итин использует привычную для его стихотворного творчества поэтику – поэтику романтизма.

Иные романтические элементы, встречающиеся в советской научно-фантастической литературе, имеют уже не самобытный, а системный характер. Таковы два романтических мотива: мотив любви к иноземке и мотив двойничества. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Любовь к иноземке – это один из любовных сюжетов, который возник внутри лиро-эпической поэмы романтизма. В романтическом сюжете, по наблюдениям О. А. Хвостовой, в противоположность классическому канону, любовные коллизии стали преобладающими [Хвостова, 2003: 10]. Мотив любви к иноземке является частотным мотивом в описаниях романтических путешествий – перемещениях, скитаниях романтических героев («восточные поэмы» Байрона, «Кавказский пленник» и «Цыганы» Пушкина, «Кавказский пленник» и «Мцыри» Лермонтова и др.).

В советской научной фантастике, описывающей космические путешествия, указанный романтический мотив трансформируется: путешествующий герой влюбляется в девушку с другой планеты. Любовный сюжет такого типа реализуется в следующих произведениях научной фантастики: «Туманность Андромеды» и «Час Быка» Ефремова, «Обитаемый остров» Стругацких. Стилистически главным в любовном сюжете становится экзотика (как и в романтических поэмах). Во-первых, геройни имеют необычные имена – Сю-Те («Час Быка»), Рада («Обитаемый остров»); во-вторых, в произведениях подчеркивается иноземная красота девушек. Так, неизвестная жительница планеты Эpsilon Тукана в «Туманности Андромеды» Ефремова описывается эпитетами «краснокожая», «красно-бронзовая» (о цвете кожи), «прекрасная», «изящная», отмечаются ее «блистающая красота», «густые волнистые черные волосы», «широко расставленные синие глаза», «отточенная гибкость движений» [Ефремов, 2018: 78–79].

Рассмотрим также женский образ в романе «Обитаемый остров» Стругацких. Образ Рады не создается как образ девушки-инопланетянки, но тем нее менее подчеркивается ее красота: героиня описывается как «милая девушка», «тоненькая», «легкая» с «красивыми серыми глазами» и «легким пушком на верхней губе» [Стругацкие, 2019: 59–60]. Обусловлено это, на наш взгляд, тем, что Стругацкие максимально приближают мир планеты Саракш к земному, не создают принципиально «чужого» мира (о чем мы говорили в предыдущем параграфе). В связи с эти писатели не изображают жителей планеты принципиально отличными от землян.

Мотив любви к инопланетянке в указанных произведениях заимствуется из ранней фантастики – «Красной звезды» (1908) А. Богданова и «Аэлиты» (1922) А. Толстого. Героини также имеют необычные имена – Нэтти и Аэлита соответственно. Их роль в художественном мире произведений различна. Так, в романе-утопии «Красной звезде» Богданова героиня-инопланетянка Нэтти становится проводником главного героя, землянина Леонида, по коммунистическому миру Марса – она рассказывает о социальном устройстве, о достижениях науки, посещает вместе с героям различные города, учреждения и предприятия Марса. Любовный сюжет в романе имеет второстепенное значение. Более того, герой вначале принимает Нэтти за мужчину, так как на Марсе нет различия между полами ни в одежде, ни в обращении, ни в именах. О внешности Нэтти в романе ничего не говорится, она не выделяется на фоне других марсиан.

Совершенно иную ситуацию мы имеем в случае с «Аэлитой» Толстого. В образе марсианки Аэлита воплощается образ прекрасной чужеземки. Героиня описывается как «бело-голубоватая» (о цвете кожи), «пепельноволосая», «чудесная», «странная», с «огромными зрачками пепельных глаз» [Толстой, 1982: 54–56] и др. Любовный сюжет (Аэлита-Лось) получает здесь более подробную разработку, нежели в романе Богданова. Толстой, таким образом, соединяет в «Аэлите» два типа

литературы, на которую был огромный читательский спрос в 1920-е гг. – фантастика и роман «о любви» [Добренко, 1997: 52].

Именно с читательскими предпочтениями, на наш взгляд, было связано использование романтического мотива любви к иноземке писателями-фантастами. Ориентированная на подростковую аудиторию научно-фантастическая литература должна была учитывать интересы и мальчиков, и девочек. И если описание путешествий и героических испытаний интересовало мальчиков, то любовные сюжеты – девочек. Так, Е. Добренко, указывает на то, что девочки любят книги о любви и приводит цитату из статьи Е. Нелидовой: «им нужен быт приукрашенный, нужна любовь семейная и личная в красивой обстановке и с красивыми аксессуарами, и чем ярче все это описано, тем больше затрагивает чувства и воображение, тем, конечно, больше привлекает» [Нелидова; цит. по Добренко, 1997: 176]. Научная фантастика при этом предлагала не столько «красивую обстановку», сколько необычную и экзотическую, отчего, на наш взгляд, нисколько не проигрывала.

Более того, обычно трагическая трактовка любви к иноземке в романтизме приобрела в условиях советской литературы иную окраску. У данных сюжетов в научной фантастике в основном счастливый конец: так, в «Часе Быка» землянин Вир Норин остается вместе с возлюбленной – тормансианкой Сю-Те, в то время как остальные земляне покидают чужую планету.

Еще один романтический мотив, появляющийся в советской научной фантастике – мотив двойничества. Он не является неотъемлемым элементом романтического путешествия. Но при разговоре о советской фантастике его нельзя обойти стороной. Указанный мотив наиболее подробно изучен в контексте советской детской литературы – это работы И. Кукулина [Острова утопии, 2015: 152–189] и Н. Урванцевой [Урванцева, 2015].

И. Кукулин отмечает основное отличие мотива двойничества в романтизме и в советской культуре. В литературе романтизма двойник, с

точки зрения исследователя, «воплощает теневую сторону “оригинала” и наносит ему существенный ущерб или пытается убить, сжить со света, вытеснить с занимаемой социальной позиции», в официальной советской культуре существует другая трактовка мотива двойника, «при которой “оригинал” и “двойник” – дети или молодые люди, воспитывающие друг друга и научающиеся помогать друг другу в трудной ситуации» [Острова утопии, 2015: 178].

Именно такую смысловую реализацию получает мотив двойничества в фантастической повести В. Губарева «Королевство кривых зеркал» (1951), где девочка Оля попадает в зазеркалье и встречает своего зеркального двойника – девочку Яло, воплощающую все Олины недостатки. Использование мотива двойничества, по мнению И. Кукулина, подчинено реализации идеи самовоспитания, утверждающейся в рамках советской педагогики [Там же: 185]. Двойники, таким образом, выступают проводниками советской педагогической идеи. Так, результатом Олиных приключений в зазеркалье, прежде всего, становится «самопознание, благодаря которому Оля начинает с большим вниманием и сочувствием относиться к людям, окружающим ее по эту сторону зеркала» [Там же: 173].

Аналогичная идея лежит в основе повести «Электроник – мальчик из чемодана» (1964) Е. Велтистова. Здесь на первый план выходит тема науки – «кибернетики и искусственного интеллекта» [Хеллман, 2016: 487], но произведение продолжает нести воспитательные смыслы.

Мотив двойничества, по словам Н. Урванцевой, в советских литературных произведениях может получать разнообразное раскрытие. Это могут быть зеркальные двойники, близнецы, двойники-копии, двойники-«жители других миров» и др. [Урванцева, 2015: 8]. Тема двойничества как двойников-копий реализуется в научно-фантастическом романе «Мы – из Солнечной системы» Г. Гуревича. Основной сюжет в романе строится вокруг темы клонирования. Великий изобретатель Гхор создает аппарат («ратомайзер»), способный с абсолютной точностью воспроизводить на

атомном уровне любой объект, заложенный в него как образец: и предмет, и животное, а затем – и человека. Клонирование помогает решить проблему бессмертия и старости: аппарат позволяет героям воскрешать предварительно «записанных» мертвых, одновременно омолаживая их.

Мотив двойничества теряет в данном произведении ориентацию на идею самовоспитания и работает на реализацию темы героизма, в том числе в сфере науки. Так, центральная героиня романа, Лада, ставит на себя медицинский эксперимент, чтобы спасти мужа, но перед экспериментом записывает себя в ратомайзере, чтобы прийти к излеченному мужу живой и здоровой. Лада умирает в результате эксперимента, и ей на замену приходит ее двойник-копия. Поступок иного рода совершает главный герой романа, молодой врач Ким, от лица которого ведется повествование. В конце романа он решается на создание двойника-копии: первый Ким («Ким улетающий» [Гуревич, 1965: 380]) должен полететь в космос с целью поиска инопланетных цивилизаций (и с большой вероятностью не вернуться), второй Ким («Ким остающийся» [Там же: 380]) – остаться на Земле и жениться. Так усложняется мотив двойничества в научно-фантастической литературе.

Таким образом, использование романтических мотивов и сюжетов в советском фантастическом тексте оказывается продуктивным, а функции многообразными – это и способ художественного воплощения концепции «светлого будущего» (романтические элементы в романе Итина), и учет читательских интересов (мотив любви к инопланетянке), и прием совмещения определенных научных тем (роботы, искусственный интеллект, клонирование) с воспитательно-идеологическими смыслами (мотив двойничества).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Итак, советская научная фантастика была проанализирована нами в контексте литературы путешествий. В качестве жанра-основы мы рассмотрели путевой очерк. Синтез документального повествования о путешествии и элементов авантюрной литературы произошел в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо», в котором сформировался инвариант географического романа приключений. Модификацией данного жанра становится романы Ж. Верна. Именно жюльверновский вариант географического романа приключений ложиться в основу многих произведений советской научной фантастики, повествующей о космических путешествиях. Выбор данной жанровой формы был продиктован ориентацией на жюльверновские романы как на образец и предпочтениями юного советского читателя, интересовавшегося темами путешествий и приключений.

Частотным в советской научной фантастике было обращение непосредственно к жанровой форме классической робинзонады. В творчестве писателей-фантастов формируется «космическая робинзонада». На данную жанровую форму ориентируются Стругацкие в романе «Обитаемый остров». Однако в связи с изменением авторского замысла и введением элементов романа-антиутопии робинзонада превращается в анти-робинзонаду. Трансформация отражает перелом в мировоззрении писателей и обусловлена введением антиидеологических смыслов.

Характерно для советской научной фантастики обращение к романтическим сюжетам и мотивам. Как романтическое произведение написан роман-утопия В. Итина «Страна Гонгuri», где мы находим тип романтического героя, онейрические мотивы, ситуацию узничества и вариант метафизического путешествия. Будучи поэтом-романтиком, Итин использует ту же поэтику в своем прозаическом произведении о «светлом будущем». Наиболее частотный характер использования в советской научной

фантастике имеют мотив любви к иноземке и мотив двойничества. Введение первого обусловлено интересами читательской аудитории к любовным сюжетам (прежде всего, девочек), второго – удобностью реализации определенных научных тем и воспитательно-идеологических смыслов.

Таким образом, исследование советской научно-фантастической литературы в свете традиции литературы путешествий оказалось довольно продуктивным, но при этом, важно отметить, не исчерпывающим.

ГЛАВА 4. ТРАДИЦИИ ИДЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ЖАНРОВ В СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

4.1. Аллегорические версии социально-утопического и сатирико-фантастического романа в творчестве В. Итина, И. Ефремова, А. и Б. Стругацких

Говоря о научной фантастике в целом, канадский ученый-филолог Д. Сувин соотносил данный тип литературы с творчеством, в частности, Т. Мора и Дж. Свифта [Сувин; цит. по Козьмина, 2017: 127]. Следовательно, научно-фантастические произведения можно рассмотреть через призму, с одной стороны, социально-утопического романа, с другой – сатирико-фантастического. Данные жанры, безусловно, ориентированы на передачу политических взглядов автора – будь то представления об идеальном обществе или критика современной реальности. Жанровые традиции социально-утопического и сатирико-фантастического романа не могли не актуализироваться в советской научной фантастике – литературе, транслирующей преимущественно идеологические и нередко антиидеологические (в скрытой форме) смыслы.

Большинство произведений советской фантастики, имеющих футурологическую направленность, являются коммунистическим утопиями. Они вбираются в себя весь предыдущий опыт утопической литературы. «Моделью жанра», по словам М. Роуза, стало сочинение Т. Мора, известное под сокращенным названием «Утопия» (1516) [Rose; цит. по Козьмина, 2017: 157]. Все социальные утопии, в том числе русские утопические романы, восходят, с точки зрения А.П. Шишкина, к этому первоисточнику [Шишкин, 2016: 157].

Среди первых опытов социально-утопического романа в России называют произведение князя М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» (1784). Утопические элементы встречаются в еще одном широко известном произведении XVIII века – «Путешествии из Петербурга в

Москву» (1790) А. Радищева. В XIX веке появляются ключевые романы-утопии эпохи – «4338-й год: Петербургские письма» (1835) В. Одоевского и «Что делать?» (1863) Н. Чернышевского. Именно роман Чернышевского, как отмечает И.А. Николаев, был объявлен В. Лениным своей настольной книгой, а в послереволюционные годы «стал таковой среди миллионов читателей» [Николаев].

С начала XX века начинают появляться коммунистические литературные утопии. Наиболее известен роман «Красная звезда» (1908) А. Богданова. В романе писатель оперирует иносказательностью: коммунистическое общество Марса – это не только модель идеального общества, но и «воплощение будущего Земли, каким ему надлежит стать через 300 лет» [Васильев, Ковтун, Проскурина, 2013: 132]. Именно «Красная звезда» становится одним из образцов для произведений советских писателей-фантастов, создающих утопические произведения.

Проекты коммунистического общества будущего были особенно востребованными в послереволюционные годы и в период «оттепели» (по сути, это был «социальный заказ»). Неслучайно Б. Хеллман проводит параллели между двумя указанными эпохами: «В некотором отношении этот период [период «оттепели»] напоминал 1920-е годы: в нем был такой же энтузиазм и оптимизм, такое же чувство ожидания глубокого обновления» [Хеллман, 2016: 437]. Советские научно-фантастические романы о «светлом будущем» впитали как черты европейской утопической традиции (преимущественно через творчество Ж. Верна и Г. Уэллса), так и черты русских вариантов социально-утопического романа. Обратимся непосредственно к текстам.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на мотив сновидений (уже затронутый нами при разговоре об элементах романтической литературы в советской фантастике), который довольно распространен в русской утопической литературе. Первым его использовал Одоевский в романе «4338-й год: Петербургские письма»: герой в состоянии

сомнамбулизма попадает в будущее. Этот же прием имеет место в романе Чернышевского «Что делать?»: вспомним знаменитый четвертый сон Веры Павловны, в котором представлен утопический мир будущего. Таким образом, сон становится распространённым способом изображения утопических картин (можно вспомнить и сон главного героя в романе «Обломов»).

Данную линию продолжает и первый советский научно-фантастический роман-утопия «Страна Гонгури» (1922) В. Итина, где мы имеем дело непосредственно с гипнотическим сном, в который погружается герой и попадает в «светлое будущее» – то самое, которое пропагандировалось в рамках новой идеологии. Вольное или невольное возрождение сюжетов о «пассивных» мечтателях и «сновидцах» в 1920-е годы, по словам К. Богданова, было связано с множающимися в эти годы «революционно-романтическими декларациями о сказочных метаморфозах социальной реальности» [Богданов, 2009: 228].

Отметим, что далее советская фантастика сильно эволюционирует в плане изображения будущего. В романах И. Ефремова и А. и Б. Стругацких уже отсутствует прием перенесения героя во времени – действие изначально разворачивается в будущем.

Интересно, что если авторам предыдущих исторических эпох, например, Чернышевскому, приходилось, по наблюдениям Г.В. Гриненко, задаваться вопросами о причинах, по которым общество станет совершенным, и отвечать на них [Гриненко, 2018: 22], то у советских писателей-фантастов необходимости в этом не было. Эта задача была уже решена в учении о коммунизме, ставшем идеологией Советского Союза. При этом, если Чернышевскому пришлось маскировать свой роман под семейно-бытовой и вводить любовную коллизию, чтобы обмануть цензоров, то советские писатели вводили данные элементы для того, чтобы сделать свои произведения о будущем интересными.

Отметим важные для нашего исследования особенности, характеризующие советские романы-утопии. Во-первых, в своих произведениях советские фантасты сознательно конструировали социальный идеал. Они пытались представить то общество, которое должно возникнуть в результате его развития с опорой на теоретические принципы марксизма-ленинизма. В моделях будущего Итина, Ефремова и Стругацких изображено общество социальной справедливости, обращается внимание на отсутствие частной собственности и всеобщее благополучие.

Во-вторых, писатели были нацелены на всеохватность изображения действительности. В романах описываются разные области утопического мира – общественное и государственное устройство, система образования, трудовая деятельность, наука и техника и т.д. Например, если в утопическом мире Итина отказались от органов власти («От права и власти – этого подобия кнута и других воспитательных атрибутов — почти ничего не осталось» [Итин, 2015: 20]), то Ефремов и Стругацкие прописывают систему властных структур. Так, в мире будущего Ефремова власть принадлежит системе Советов (Совет Экономики, Совет Здоровья, Совет Чести и Права, Совет Звездоплаванья) и является средством управления и поддержания стабильности всех общественных сфер: в определенных ситуациях «власть берет по своей компетенции один из Советов» [Ефремов, 2017: 94]. А в мире Полудня Стругацких глобальными и галактическими вопросами занимается Мировой Совет.

В-третьих, в романах-утопиях Итина, Ефремова и Стругацких изображение общества будущего носит преимущественно описательный характер. Данные описания имеют место как в авторской речи, так и в диалогах героев. Так, по сути, трансформируется нарративная организация утопического произведения по жанровой модели «Утопии» Мора, в которой предполагаются нарратор, выступающий в роли проводника (экскурсовода) и наррататор – слушатель [Файзрахманова, 2010: 138]. В романе Итина описание будущего – это целиком рассказ героя своему товарищу по

несчастью – сокамернику Митчу, врачу, погрузившему его в гипнотический сон. В произведениях Ефремова и Стругацких диалог об устройстве мира будущего ведут уже сами люди будущего, что, по замечаниям некоторых критиков, выглядело странным.

Рассмотренные нами черты – сознательное конструирование автором идеала, всеохватность изображения действительности, описательный характер изображения утопического мира – основные признаки романа-утопии, которые заложены произведением Мора [Осьмухина, Майорова, 2021: 32]. Отметим также, что в рамках коммунистической литературной утопии была возможность отразить индивидуалистскую концепцию будущего. Так, Ефремову, по словам В.А. Ковалева, «удалось легально и более или менее полно выразить свои взгляды, выходящие за пределы существовавших тогда идеологических рамок» [Ковалев, 2020: 96]. Идя в разрез с требованиями соцреалистического канона, Ефремов не упоминает в своем произведении о будущем ни революции, ни В. Ленина, ни И. Сталина, ни еще каких-либо лиц, имеющих отношение к развитию идей коммунизма в России.

Обратим внимание на то, что в рассматриваемых нами романах-утопиях присутствует иносказательность в форме отсылок к современной авторам действительности: «изображается не только настоящее героя, но и настоящее автора; сквозь вымыщенное пространство, сквозь образы персонажей просвечивает реальная действительность, которая окружала автора в момент создания произведения» [Козьмина, 2017: 78]. Однако это не отсылки к конкретным событиям, личностям, проектам и др.: авторы художественно развивают то, что на данный момент в обществе находится в зачаточном состоянии. Наиболее подробно мы этот аспект рассмотрели в параграфе, посвященном доминантам в советской фантастике.

Иную форму иносказательности имеют такие произведения Ефремова и Стругацких, как «Час Быка» (1968) и «Обитаемый остров» (1969) соответственно. Данные романы характеризуются философской и

сатирической условностью. Именно эти произведения будет продуктивным проанализировать в аспекте традиции сатирико-фантастического романа, представленного, прежде всего, в творчестве Свифта.

Ключевое произведение Свифта – «Путешествия Гулливера» (1726) – было написано как пародия на утопический роман «Новая Атлантида» (1627) Ф. Бэкона [Демидова, 2020: 98]. В произведении Свифт моделирует собственный мир, существующий по свои законам, при этом «Путешествия Гулливера» пронизаны скрытыми и явными аллюзиями. Так, страна Лилипутия – это сатира на современную Свифту Англию. Не имея возможности писать напрямую, Свифт разоблачал современную ему английскую монархию путем аллегорического изображения злободневной действительности.

Кроме того, по словам О.Р. Демидовой, сатирико-фантастическому роману Свифта присущи все типические черты метажанра антиутопии [Там же: 98]. Особенno очевидно это, по мнению исследовательницы в последней четвертой части произведения: «высоко разумные и высоко нравственные лошади оказываются на высшей ступени социальной иерархии, низшую ступень которой занимают вновь впавшие в состояние дикости (а, возможно, никогда не выходившие из него) люди-йеху» [Там же: 98]. Предложенный Свифтом вариант развития событий можно рассматривать как попытку предостеречь человечество.

К произведению Свифта восходит, по наблюдениям Е. Ю. Козьминой, творчество одного из основоположников научно-фантастической литературы – Г. Уэллса, романы которого не только авантюрны, но, кроме того, «еще сатиричны» [Козьмина, 2017: 89]. Отметим, что исследовательница опирается на одну из трех формулировок понятия сатиры, предложенных М.М. Бахтиным: сатира – «определенное (в основном – отрицательное) отношение творящего к предмету своего изображения (т. е. к изображаемой действительности), определяющее выбор средств художественного изображения и общий характер образов» [Бахтин; цит. по Козьмина, 2017:

72–73]. Однако сатира у Уэллса, отмечает Е. Ю. Козьмина, иного рода: для писателя важны не сиюминутные, злободневные социальные явления, которые уже сформировались и приобрели законченный вид, а те, которые еще зреют («тревожные сигналы времени»), которые еще только возникают или могут возникнуть [Там же: 259]. Таким образом, произведения Уэллса ориентированы на изображение обобщенных закономерностей, а не на указание на конкретное реальное событие.

В уэлловской традиции социально-философской фантастики работают Ефремов и Стругацкие в своих антиутопических романах, написанных в период кризиса идеологии. Писатели в художественной форме выражают свои опасения по поводу будущего. Как и в случае с Уэллсом, нельзя отрицать влияние иносказательной философской сатиры на «Час Быка» и «Обитаемый остров». Как и Свифт, советские писатели-фантасты художественно моделируют общества определенного типа.

Так, Ефремов в романе «Час Быка» изображает общество, которое возникло как результат дальнейшего развития «монополистического государственного капитализма» США и «муравьиного лжесоциализма» Китая [Ефремов, 2017: 137]. В развитии США и Китая 1960-х годов Ефремов видит тенденции, ведущие к установлению олигархического строя, что отмечается в романе: «В том и другом случае конечным результатом была бесчеловечная олигархия с многоступенчатой иерархической лестницей» [Там же: 137]. Именно олигархия царствует на планете Ян-Ях, представленной как одно государство, где власть принадлежит Совету Четырех – правящей элите, установивших тотальный контроль над всеми сферами жизни общества.

Планета имеет и второе название – Торманс, что означает «мучение». Так планету называют земляне, поскольку для них она является «символом тяжкой жизни людей в неустроенном обществе» [Там же: 26]. Эта планета населена потомками людей с Земли, «не захотевших покориться неизбежному ходу истории» [Там же: 27]. В связи с этим в романе

проводится мысль о том, что все процессы развития на Тормансе аналогичным земным, что позволяет Ефремову рассматривать Торманс как один из путей развития человечества в целом.

Главенствующую роль в Совете Четырех занимает Чойо Чагас. В обществе Торманса установлен его культ личности, обеспечивающий легитимность его власти: «Чаще всего упоминалось имя Чойо Чагаса, соображения которого на разные темы общественной жизни, прежде всего экономики, вызывали неумеренные восторги и восхвалялись как высшая государственная мудрость» [Там же: 81]. При этом власть в лице Совета Четырех держит жителей планеты в постоянном страхе. Так, люди бояться высказываться по поводу посадки звездолета землян на их планету: «Довольно! У Четырех везде глаза и уши, – прервал первый говоривший, – молчим» [Там же: 91].

Чтобы обеспечить как можно меньше отклонений от системы, а также укрепить легитимность своей власти, Совет Четырех активно борется с инакомыслием, усиливая идеологический контроль: наказывается любая критика власти, изымаются книги и произведения искусства, несоответствующие идеям власти. Борьба с инакомыслием осуществляется даже на уровне психологических внушений. В каждом районе города два-три раза в год проводятся «Встречи со Змеем», которые предполагают гипнотическое воздействие на психику людей: «... люди в гипнотическом трансе, помимо воли, прочно закрепляют в своем подсознании смысл песни, который будет вступать в борьбу со всяkim инакомыслием, как внутренним, так и привнесенным извне от других людей или через книги» [Там же: 334].

Детально описывая устройство общественной системы на Тормансе, Ефремов показывает, какими психологическими особенностями будет обладать в таких условиях сам человек. В связи с этим он вводит концепцию «инфернальности». Ефремов пишет: «Инферно – от латинского слова ‘нижний, подземный’, оно означало ад» [Там же: 114]. Писатель, пытаясь объяснить суть этой теории, ссылается на «Божественную комедию» Данте,

который, по его мнению, создал «мрачную картину многоступенчатого инферно»: «Он же объяснил понятную прежде лишь оккультистам страшную суть наименования «инферино», его безвыходность. Надпись: “Оставь надежду всяк сюда входящий” – на вратах ада отражала главное свойство придуманной людьми обители мучений. Это интуитивное предчувствие истинной подоплеки исторического развития человеческого общества...» [Там же: 114]. Условия «инферино» по Ефремову губительны для человека. Писатель изображает абсолютно равнодушных к развитию людей, аморальных, невежественных, движимых только инстинктами. На Торманса в отличие от Земли совершенно иное отношение людей друг к другу: «Бесцеремонная толкотня на улице, неумение уступать дорогу или помочь споткнувшемуся путнику изумляли звездолетчиков. Более того, мелкие несчастья вроде падения на улице вызывали смех у случайных свидетелей. Стоило человеку разбить хрупкий предмет, рассыпать какую-нибудь ножу, как люди улыбались, радуясь маленькой беде» [Там же: 78].

Является ли Торманс исключительно собирательным образом с продленными в будущее чертами США и Китая 60-х годов, или же в «Часе Быка» зашифрована критика советской действительности – это вопрос, которым продолжают задаваться исследователи [Ковалев, 2020: 97–98]. Однако сам Ефремов настаивал на том, что Торманс нельзя сравнивать с современной ему реальностью, поскольку он представил «весыма отдаленное будущее» [Савченко, 1969: 312]. В то же время писатель все же отразил некоторые черты современного ему СССР, о чем свидетельствует реакция власти на роман и последующий его запрет.

Таким образом, исторические аллюзии и социальное моделирование, основанное на обобщенных закономерностях и критике, вводят роман Ефремова в регистр философской сатиры. Однако если «Час Быка» больше тяготеет именно к философской условности, то «Обитаемый остров» – непосредственно к сатирической.

Стругацкие в «Обитаемом острове» утируют реалии советской действительности при моделировании тоталитарного общества Страны Отцов. В романе очень много скрытых намеков (что мы уже ранее отмечали): Неизвестные отцы, которым принадлежит власть – это аллюзия на «отца народов» Сталина; система излучения, корректирующая сознание масс и направленная на искоренение инакомыслия – это отсылка к средствам государственной пропаганды – радио, телевидение, литература и др.; «выродки» (умеющие критически мыслить люди) – это намек на диссидентов и т.д.

Приведем также повторно слова Б. Стругацкого об истории создания романа: «И башни-излучатели, и выродки, и Боевая Гвардия – все вставало на свои места, как патроны в обойму, все находило своего прототипа в нашей обожаемой реальности, все оказывалось носителем подтекста – причем даже как бы помимо нашей воли. Это было прекрасно – придумывать новый, небывалый мир, и еще прекраснее было наделять его хорошо знакомыми атрибутами и реалиями» [Стругацкие, 2018: 163].

Отметим, что «Обитаемый остров» относится к тому этапу творчеству Стругацких, когда писатели уже отошли от молодежной литературы к философскому жанру и «с помощью аллегорий стали обсуждать общественное развитие и важные идеологические проблемы» [Хеллман, 2016: 495]. Важно и то, что к моменту написания романа писатели уже успели поработать в сказочно-сатирической манере – повести «Понедельник начинается в субботу» (1964) и «Сказка о Тройке» (1968). Сатирическая направленность наложила отпечаток на роман «Обитаемый остров», в котором изначально намеки на злободневную действительность не предполагались.

Таким образом, в научно-фантастических произведениях, в которых представлены проекты «светлого будущего», актуализируется традиция социально-утопического романа, а в тех, где отражаются тревоги писателей за грядущее – сатирико-фантастического. Кроме того, выбранный нами

аспект исследования позволил нам отчасти рассмотреть научно-фантастическую литературу в контексте утопического и антиутопического дискурса.

4.2. Соцреалистический канон и советская научная фантастика

4.2.1. Черты соцреалистического романа как модификации романа воспитания в повести «Мы – из Солнечной системы» Г. Гуревича

Обращение к роману воспитания становится магистральным в советской литературе. Изучением особенностей функционирования данного жанра в литературном процессе указанного периода занималась Т.Н. Токарева [Токарева, 2011; 2012]. Исследовательница отмечает, что «проблемы формирования личности, воспринятые советской литературой от жанра романа воспитания, оставались в центре внимания советской романистики в разные периоды ее развития» [Токарева, 2012: 241]. На тесную связь между романом воспитания и главным жанром сталинской эпохи – советским соцреалистическим романом – указывает в своей работе К. Кларк [Кларк, 2002: 24]. Роман воспитания, таким образом, можно рассматривать как одну из доминирующих жанровых стратегий советской литературы.

К жанровой структуре романа воспитания обращались и советские писатели-фантасты. В соответствующем ракурсе мы рассмотрим научно-фантастическую повесть (в некоторых исследованиях определяется как роман-утопия) Г. Гуревича «Мы – из Солнечной системы» (1965). Предметом изображения в романе становится процесс взросления и становления

главного героя, молодого врача-профилактика Кима, в условиях мира далекого будущего. Данное произведение было написано в период «оттепели», когда, как пишет Б. Хеллман, «появилась возможность уйти от узкого определения соцреалистического реализма, господствовавшего в сталинскую эпоху» [Хеллман, 2016: 437]. Однако следы соцреализма все равно оставались у советских авторов. На наш взгляд, Гуревич во многом следует эстетики соцреализма. При этом повесть «Мы – из Солнечной системы» высвечивает черты соцреалистического романа как варианта романа воспитания.

Обратимся непосредственно к тексту произведения. В основе повести «Мы – из Солнечной системы» лежит ретроспективное повествование. Ким готовится отправиться в космическое путешествие на заселенную планету – в гости к инопланетянам. Вся повесть представляет собой воспоминания Кима. Отметим, что метод ретроспекции был характерен для классического романа воспитания [Фомина, 2015: 75].

Каждая глава повести начинается с характерной фразы – «Кадры из памяти Кима». Герой перебирает в уме свою жизнь, готовясь к тому, как будет рассказывать все жителям другой планеты:

«А если вселенцы уже изобрели пси-трансляторы, читающие мысли, конечно, они попросят:

– Разрешите посмотреть ваш мозг?

Увидят впечатления последнего дня: травы, стены, глаза... и всех предыдущих дней Кима, всей его жизни, с первых лет.

А что у Кима в мозгу, что он помнит, что покажет?» [Гуревич, 1965: 7]

Отсюда название произведения – «Мы – из Солнечной системы». Вынесенное в заглавие «мы», во-первых, подчёркивает монолитность коммунистического общества будущего, отсылая при этом к доминирующему в сталинское время образу государства как единой сплочённой семьи (культурный миф о «великой семье» [Кларк, 2002: 102]), во-вторых, указывает на отсутствие персональности в образе главного героя.

Кроме того, название повести свидетельствует о невыделенности «я» из «мы». Данная черта характерна для эпического модуса (родовое начало важнее индивидуального) [Тамарченко, 2004: 56]. Данный модус был присущ соцреалистическому роману, сформировавшемуся в сталинское время.

Обращение к эпосу – важная черта советской эпохи. Герои советской литературы, как пишет К. Богданов, приобретают «характерные признаки эпических героев» [Богданов, 2009: 130]. Исследователь отмечает: «Это новое развертывание элементов эпоса в романе не является просто художественным обновлением формы и содержания старого эпоса (хотя бы мифологии и т.п.), оно возникает с необходимостью из рождающегося бесклассового общества» [Там же: 130]. Писатели, по словам Д.Д. Земковой, «предлагают своим героям эпические обстоятельства, выстраивают такую систему координат, в которой есть место подвигу, они дают возможность положительному герою победить» [Земкова, 2016: 225–226]. Повесть «Мы – из Солнечной системы» свидетельствует о том, что эпическая героизация была применима не только к изображению революционного прошлого и постреволюционного настоящего, но и к художественному воплощению образа «светлого будущего».

Тема взросления и становления героя в повести переплетается с темой коммунистического самосознания человека. При этом Гуревич не создает своих героев безукоризненно совершенным (каковыми являются герои И. Ефремова). Это было принципиальной установкой автора. Анализируя роман Ефремова «Туманность Андромеды», Гуревич отмечал: «В будущем мы хотим видеть безукоризненно совершенных людей. Нас, естественно, удивит, если человек будущего будет болеть, страдать, сердиться, если он будет разочарован, будет делать глупости и т. д. Поэтому писатель и создал своих героев непохожими на нас: безукоризненно правильными, безупречно выдержаными и от правильности холодноватыми. Но законы восприятия таковы, что больше всего мы сочувствуем таким, как мы, на нас похожим» [Гуревич, 1983: 66]. Поэтому своим героям Гуревич позволят болеть,

страдать, сердиться, разочаровываться, делать глупости. В то же время герои оказываются способными на подвиг и самоотречение. Писатель, таким образом, изображает идеал человека, доступный для современников.

Таковым является и Ким – он учится, заводит друзей, безнадежно влюбляется, выбирает профессию, поступает в институт, работает и, как многие, мечтает о подвиге на благо человечества. Ким является собой тип «положительного героя», имеющего отношение к тому, «что должно быть» [Кларк, 2002: 48]. Общим свойством «положительных героев», по словам Д. Д. Земской, является их богатырское телосложение [Земская, 2016: 79]. Образ Кима соответствует данной характеристике: в повести отмечается, что он был «крупным», «тяжелее и много сильнее» ровесников [Гуревич, 1983: 9].

В качестве общей черты всех советских романов К. Кларк называет ритуальность: произведения повторяют основополагающий сюжет, в котором закодированы важнейшие категории культуры [Кларк, 2002: 17]. Традиционным для соцреалистического романа является движение «от относительной стихийности к высшей форме сознательности» [Там же: 24]. Под «стихийностью» и «сознательностью» в узком смысле в работе К. Кларк понимается следующее: «сознательность подразумевает политическую продвинутость и полный самоконтроль, что означает подчинение человеком всех его действий передовому учению, тогда как стихийность относится к своимравным, анархическим, эгоцентричным поступкам. Величайшая историческая драма борьбы между силами стихийности и сознательности воплощается в истории о том, как человек подчинил свое своеволие, стал дисциплинированным и достиг единения с общественным идеалом» [Там же: 24]. В «оттепельной» утопии о коммунистическом мире будущего такого типа внутренний конфликт не получает реализацию. Процесс становления героя в повести «Мы – из Солнечной системы» можно обозначить как путь от зависимости к самостоятельности. В каком-то смысле путь к

самостоятельности можно рассматривать как вариацию пути к сознательности.

Рассмотрим путь становления героя в повести подробнее. На протяжении произведения Ким ищет свою великую цель, свой смысл жизни. Вначале Ким хочет стать таким, каким следует быть всем в его мире – «пятиконечным»: «На планете пять заселенных материков, у красной звезды пять лучей. У человека – так считали современники Кима – тоже должно быть пять лучей – пять направлений в жизни, пять интересов. <...> Еще в школе говорили воспитатели Киму, что только многосторонний, пятилучевой человек может быть по-настоящему счастлив» [Гуревич, 1965: 49]. Ким следует усвоенной со школы заповеди, но со временем понимает, что быть «пятиконечным» – это быть «не хуже других» [Там же: 241]. И это не то, что нужно Киму.

Этому осознанию способствует знакомство с Германом Шориным – человеком, который имеет свою «функцию» и прикладывает все усилия для ее выполнения. Ким рассуждает о своем новом знакомом следующим образом: «Вот у Шорина есть характер. И есть цель. Не расплывчатое, для всех единое “благо человечества”, а конкретный шоринский вклад – функция. Шорин обязался найти в космосе братьев по разуму, положить начало вселенскому товариществу. Величественная задача! По плечу ли она Шорину, обыкновенному человеку, не без недостатков, не многолучевому, явно не великому? Но может быть, он станет великим, когда выполнит свою функцию?» [Там же: 248].

Пример Шорина заставляет героя задуматься о своей «функции»: «Киму казалось, что раньше он жил как слепой. К чему он стремился? Быть многолучевым, быть стоборцем, быть ловким, быть эрудированным, быть полезным, быть врачом, быть путешественником. Но быть – это еще не функция, это только умение. Ким лепил себя как человека, мечтал занять место в рядах. А куда он пойдет в рядах? Куда поведут? Куда движется шеренга? Вот Шорин выбрал направление самостоятельно» [Там же: 249].

Шорин таким образом, выполняет роль наставника Кима. Как соцреалистическому герою помогает в его поиске сознательности наиболее сознательный герой, так и Кима на его пути к самостоятельности поддерживает пример Шорина. Именно Шорин в конечном итоге определяет «функцию» Кима: «Может, и это функция: брать на себя самое неприятное» [Там же: 330].

На пути к самостоятельности Кима тормозят трудности – прежде всего, любовь, ведь в мире будущего «прививки от любви еще не были изобретены» [Там же: 54]. Испытание любовь традиционно для романа воспитания [Камардина, 2015: 16]. В то же время любовь имеет символическое значение и в соцреалистическом романе – это чувство представляет для героя «столкновение с хаосом», то есть со стихийностью [Кларк, 2002: 155]. К. Кларк рассматривает три варианта реализации любовного сюжета в рамках соцреалистического романа [Там же: 160–161]. Повесть «Мы – из Солнечной системы», на наш взгляд, тяготеет к третьему, в котором женщина предстает как ведьма и искушительница.

Ким безответно влюблен в свою соученицу Ладу – «девушку особенную» [Гуревич, 1965: 53]. Вслед за Ладой он идет в Институт ратомики в группу добровольных помощников недавно возникшей науки – ратонауки. Однако здесь герой не может реализоваться: «Профилактика – его главное дело, там он растет, совершенствуется. А среди ратомистов кто он? Не биолог и не врач, лаборант какой-то» [Там же: 197]. Убедившись в бесплодности своих надежд на взаимную любовь, Ким решает лететь на Луну, где требуется его помощь как профилактика. Но ни долгая разлука, ни замужество Лады все же не помогают герою преодолеть своего чувства.

Из-за Лады герой откладывает свое принятое ранее решение лететь в космос: «Мне-то легче было бы улететь в космос, я так и собирался. Но сейчас я очень нужен Ладе. <...> Ничего не поделаешь, Герман, сворачиваю я в жизни, трачу время на временное. Нет у меня твоей прямоты. Знаю, что мне не нужно оставаться и трудней оставаться и все же остаюсь» [Там же:

329]. Лишь смерть Лады, пожертвовавшей свое жизнью ради спасения мужа, освобождают героя от любовной зависимости. Копию девушки, оставшуюся жить вместо умершей, Ким уже не воспринимает как прежнюю Ладу, задаваясь вопросом: «Что же это такое рядом с ним, ставшее Ладой?» [Там же: 345]. Только после преодоления любовного чувства для героя становится возможной инициация. В этом Ким следует пути героя соцреалистического романа.

В финале повести читатель узнает, что герой решился на удвоение – создание копии, которая полетит в далекий космос для установления контакта с инопланетянами. Это становится собственным выбором Кима, всегда готового «взвалить на свои плечи самое трудное» [Там же: 399]. Так он реализовывает свою «функцию». Точкой перехода – своеобразной символической смертью – становится «запись» героя в ратоматор.

С этого момента герою предстоит жить с осознанием наличия в мире другого Кима – его двойника-копии:

«И тут же он подумал: “Через сто с лишним лет где-то в космическом пространстве автоматика распахнет ратоматор, и Ким другой, но такой же, выйдет со словами:

– Ух ты, здорово! Словно в горном озере искупался. У тебя тоже так было, Лада?”

А Лады не будет рядом. И тот Ким прикусит язык. Поймет, что он Ким улетевший, отсеченный от друзей и современников» [Там же: 407].

Ким становясь символом перехода в следующую эпоху: решаясь на удвоение, герой делает шаг не только в эпоху вечной жизни, но и в эпоху покорения космоса (еще не исследованного в мире будущего Гуревича). В этом Ким также следует пути соцреалистического героя, о котором Д.Д. Земскова писала следующее: «Сталкиваясь с изменяющейся, постоянно находящейся в движении действительностью, он берет на себя смелость участвовать в исторических изменениях и ответственность за ход исторических событий. Этот герой не боится того, что его жизнь

превращается в нескончаемую череду конфликтов, трудностей, его жизнь становится “битвой в пути”, но он сознательно выбирает этот путь» [Земскова, 2016: 225]. Так, в finale повести, когда сестра Лады, Елка, говорит Киму, что именно его дорога – «самая правильная дорога» и что она хочет идти по этой дороге вместе с ним, Ким предупреждает: «Правильные дороги – это трудные» [Гуревич, 1965: 409].

Отметим, что «изменяющаяся, постоянно находящейся в движении действительность» также представлена в повести. В мире будущего Гуревича стремительно развиваются разные области науки, решаются проблемы старения и смерти, появляется клонирование. Динамический характер мира, создаваемого автора, соответствует советской эпохе, и прежде всего – периоду «оттепели» с характерным для нее чувством «ожидания глубокого обновления» [Хеллман, 2016: 437]. По сути, в общем и целом, перед нами история становления человека в динамично развивающемся мире. Тем самым повесть «Мы – из Солнечной системы» тяготеет к пятому типу романа воспитания в классификации М. Бахтина. В данном типе романа герой «становится вместе с миром, отражает в себе историческое становление самого мира» [Бахтин]. «Он уже не внутри эпохи, а на рубеже двух эпох, в точке перехода от одной к другой. Этот переход совершается в нем и через него. Он принужден становиться новым, небывалым еще типом человека», – отмечает ученый [Там же].

Актуализация соцреалистического романа как модификации романа воспитания в советской научной фантастике, на наш взгляд, связана с изначальными социальными функциями указанного жанра-основы. Исследователь немецкого варианта романа воспитания В.Н. Пашигорев, принимая во внимание тот факт, что функции романа воспитания различны для каждой страны, тем не менее, отмечает, что всякий роман воспитания занимается производством социокультурной идентичности [Пашигорев, 2005: 14]. Рассматривая роман воспитания как социальную институцию культуры, А.Н. Садриева указывает на следующие функции данного жанра:

«трансляция культурных ценностей», «репрезентация социальных норм», «реализация культурного контроля», «обеспечение интеграции читателей в воображаемое сообщество» [Садриева, 2019: 95–96]. Объединяющей функцией всех вышеперечисленных, по словам исследовательницы, является функция социализации. Таким образом, роман воспитания является идеологическим жанром, направленным на формирование определенного типа личности.

Неудивительно, что данный жанр становится востребованным в советский период, когда появляется идеологический вопрос о создании «нового человека». Е. Добренко отмечал в своей работе, что советский читатель, зритель, слушатель – не просто реципиент, но и «объект преобразования, формовки» [Добренко, 1997: 11–12]. «Он сам – существенная часть проекта и, в конечном счете, функции советской литературы (как и всей советской культуры) состоят именно в этой “перековке человеческого материала”. В классическом сталинском определении советских писателей как “инженеров человеческих душ” подчеркивается именно эта обращенность эстетической деятельности на читателя», – пишет исследователь [Там же: 11–12].

Романы воспитания обычно входили в круг чтения определенного читательского сегмента – молодого поколения, то есть той аудитории, которая «одновременно подвергалась процессу социализации через другие институции – школы, колледжи, университеты и т. д» [Садриева, 2019: 91]. По наблюдениям Т.Н. Токаревой, именно в советской детской литературе роман воспитания обрел новую жизнь [Токарева, 2011: 95]. При этом многие постулаты развития детской литературы, по словам исследовательницы, совпали с теми, которые характеризовали метод соцреалистического реализма [Там же: 95]. Очевидно, что авторы научной фантастики, которая относилась к разряду подростковой и детской литературы, воспринимали и усваивали существующую интенцию.

Таким образом, выбор способа изображения «светлого будущего» через описание процесса становления героя (человека мира будущего) актуализировал в творчестве писателей жанр соцреалистического романа как модификации романа воспитания. В данном аспекте мы проанализировали «оттепельную» утопию Гуревича «Мы – из Солнечной системы», изображающую социализацию героя в динамично развивающемся мире будущего. В соответствующем ракурсе, на наш взгляд, можно рассмотреть цикл произведений об Алисе Селезневой К. Булычева, а также ряд других научно-фантастических повестей и романов советского периода.

4.2.2. Элементы производственного романа в произведениях И. Ефремова и братьев Стругацких

Соцреалистический канон был положительным примером для писателей-фантастов. Чертвы соцреализма характерны, в том числе, для произведений ведущих авторов научной фантастики – И. Ефремова и А. и Б. Стругацких. Данный факт отмечается учеными-филологами. Например, исследователь советской детской литературы Б. Хеллман указывал на то, что Ефремов был автором, «пишущим в рамках социалистического реализма», а в раннем творчестве Стругацких фигурировали «типичные “положительные герои”, преданные партии и своей работе» [Хеллман, 2016: 494–495]. Другой исследователь, А.А. Фокин, отмечал, что в «оттепельных» утопиях происходила постепенная «трансформация “основополагающей фабулы” соцреалистического романа» [Фокин, 2015: 330]. Проведенный нами анализ «оттепельной» утопии Г. Гуревича «Мы – из Солнечной системы» в предыдущем разделе подтверждает данный тезис.

Центральным и наиболее значимым жанром соцреалистической литературы был производственный роман. Именно этот тип романа лег в основу многих научно-фантастических произведений. Чертвы жанра производственного романа, по наблюдениям И.Н. Нероновой, заметны во

всех ранних повестях Стругацких [Неронова, 2016: 225]. Элементы данного жанра, на наш взгляд, характерны и для романов Ефремова.

Представляется продуктивным рассмотреть произведения Ефремова и Стругацких через призму указанного жанра. При этом мы будем опираться на схему элементов фабулы производственного романа, которую выявила и описала К. Кларк. Прибегнув к методологии В.Я. Проппа, исследовательница показала, что советские романы укладываются в конкретный перечень сюжетных функций, и проиллюстрировала их на примере романа «Цемент» Ф. Гладкова [Кларк, 2002: 219–222]. Производственный роман, таким образом, с точки зрения К. Кларк, представляет переработку волшебной сказки, в которой герой преодолевает препятствия и достигает успеха.

Но прежде, чем перейти к анализу произведений, отметим ряд общих моментов. Во-первых, действия произведений Ефремова и Стругацких разворачиваются в космосе, а не на заводе. И если Ефремов, по сути, предvosхитил своим романом «Туманность Андromеды» «космическую эру», начало которой знаменовал запуск первого спутника, то Стругацкие творили непосредственно в эпоху, прочно ассоциирующуюся с космическими успехами. Тематическим вектором научно-фантастических произведений стало, таким образом, покорение космоса.

Во-вторых, героями произведений указанных авторов становятся профессионалы, выполняющие свою работу – прежде всего, ученые. Тем самым научная фантастика воплощала образ «нового социального лидера» – интеллигента, ученого [Неронова, 2016: 226]. Безусловно, герой-ученый появлялся в научной фантастике и ранее (например, в произведениях А. Беляева), но именно в эпоху «оттепели» он становится доминирующим и социально значимым.

В-третьих, конфликты в творчестве Ефремова и в ранних произведениях Стругацких касаются рабочего / производственного процесса – покорение другой планеты («Страна багровых туч»), установление контакта с внеземной цивилизацией (вторая сюжетная линия «Туманности

«Андромеды», «Час Быка»), выполнение производственного задания (первая сюжетная линия «Туманности Андромеды», «Путь на Амальтею», «Стажеры»). Таким образом, уже по общим характеристикам становится очевидным, что писатели-фантасты пишут в традиции производственного романа.

Более подробный анализ произведений начнем с романов Ефремова. Первая сюжетная линия «Туманности Андромеды», на наш взгляд, строится на чисто формальном следовании основополагающей фабуле соцреалистического романа. Произведение начинается с выполнения задания – экипаж звездолета «Тантра» выясняет причины потери связи с жителями планеты Зирда, с которой «более семидесяти лет не поступало ни одного сообщения» [Ефремов, 2018: 13]. Далее писатель отходит от канона производственного романа. Так, с препятствиями герои сталкиваются только на обратном пути к Земле. Тем самым акцент с задания переносится на приключения героев, которые вынуждены под воздействием неожиданно возникшего на их пути гравитационного поля приземлиться на неизвестную планету. Данная трансформация основополагающей фабулы, с нашей точки зрения, обусловлена введением приключенческих элементов в сюжет, связанных с обнаружением героями пропавшего много лет назад космического корабля «Парус».

В то же время вторая сюжетная линия включает все основные элементы фабулы производственного романа. Точной отсчета становится прибытие героя, Мвена Маса, на новую работу. Ему предстоит руководить системой радиообмена информацией между цивилизациями, расположенными на других планетах по всей Вселенной. Как и герой производственного романа, Мвен Мас обнаруживает своего рода, по формулировке К. Кларк, «недостатки микрокосма» [Кларк, 2002: 219]. Таким недостатком для Мвена Маса становится невозможность установить контакт с далекой планетой Эpsilon Тукана, записи с которой дошли до землян через систему межпланетной связи только шестьсот лет спустя. Видение

«краснокожей девушки» [Ефремов, 2018: 79], жительницы этой планеты, впечатляет героя, вызывает в нем чувство, похожее на любовь. Так, проблемы в любви и контроле над своими чувствами (элементы фабулы производственного романа по К. Кларк) у Ефремова неразрывно связаны с реализацией проекта.

Именно личное чувство заставляет героя искать путь исправления существующей ситуации – он обращается к ученому Рен Бозу, работающему над теорией «нуль-пространства» [Там же: 182], которое должно позволить путешествовать быстрее скорости света и свободно достичь далеких планет, но для проверки теории ученому необходимо провести рискованный эксперимент. Данную необходимость можно рассматривать как препятствие, преодоление которого необходимо для достижения цели. Мвен Мас идет по пути героя производственного романа – предпринимает «путешествие в поисках поддержки у более авторитетных лиц» [Кларк, 2002: 221]. Мвен Мас отправляется к Дар Ветру, преемником которого он выступил по должности, однако одобрения не получает и одновременно убеждается в аналогичном решении главного органа управления планеты: «Совет уже решил – вашими мыслями и словами. Нам нечего ждать от него», – резюмирует герой [Ефремов, 2018: 186].

Герой принимает решение действовать без разрешения – так начинается деятельность по проведению эксперимента. В сюжет входит второй герой – ученый Рен Боз. Некоторые функции производственного романа начинают делиться между двумя героями. Рен Боз занимается сбором необходимой установки, Мвен Мас отвечает за «вынесение опыта в космос» [Там же: 365]. Кроме того, разыскиваются молодые люди, готовые принять участие в эксперименте.

Трагический финал эксперимента влечет за собой «действительную или близкую смерти» [Кларк, 2002: 221]: погибают молодые люди, участвовавшие в опыте; оказывается тяжело раненным Рен Боз. Мвен Мас, подобно герою производственного романа, испытывает сомнения в своей

правоте. Не имея доказательств, что опыт удался, Мвен Мас освобождает должность и осуждает себя на изгнание: «Прошу разрешить мне немедленно сдать станции Юнию Анту. Я более недостоин заведовать. Потом – я буду с Рен Бозом до конца... – Мвен Мас запнулся и поправился: – До конца операции. Затем... затем я удаюсь на остров Забвения до суда... Я сам уже осудил себя!» [Ефремов, 2018: 310].

На острове Забвения Мвен Мас встречает осужденного на многие годы изгнания ученого-математика, подобно ему рискувшего на опасный эксперимент. Этот ученый-математик выполняет для героя функцию наставника. Герой принимает решение продолжать свое дело: «Каково бы ни было решение Совета, я буду продолжать дело космоса» [Там же: 351].

Финал романа – обсуждение поступка Мвена Маса и Рен Боза Советом Звездоплавания. На заседании частично оправдывается эксперимент. В речах выступающих героев создается «контрапункт тем жертв и смерти» [Кларк, 2002: 222]. Так, выздоравливающий Рен Боз провозглашает: «Ежегодно, – говорил он, – ставятся менее важные опыты, иногда кончающиеся трагически. Наука – борьба за счастье человечества – так же требует жертв, как и всякая другая борьба. Трусам, очень берегущим себя, не даются полнота и радость жизни, а учёным – крупные шаги вперёд...» [Ефремов, 2018: 367]. В итоге Рен Боз полностью оправдывают, а Мвена Маса лишают права занимать ответственные должности. Кроме того, в finale разрешается любовная история героя: Мвен Мас делает выбор в пользу реально существующей девушки. При этом отмечается, что героиня очень похожа на неизвестную жительницу планеты Эпсилон Тукана.

Непосредственная реализация проекта выходит за рамки романа. В следующем романе Ефремова «Час Быка», действие которого разворачивается несколько сотен лет спустя после событий «Туманности Андромеды», читатель узнает, что герои предпринимают путешествия в далекие космические пространства, используя доработанный и усовершенствованный метод Рен Боза.

Итак, проведенный анализ показал, что схема основополагающей фабулы производственного романа полностью применима ко второй сюжетной линии романа Ефремова. Более того, в соответствии с соцреалистическим каноном написан роман «Час Быка».

Обозначим основные моменты, подтверждающие нашу точку зрения. В «Часе Быка» соответствующим «недостатком микрокосма» [Кларк, 2002: 219] становится отсутствие контакта с планетой Торманс, на которой живут земляне, потомки улетевших около тысячи лет назад «беглецов с Земли, фанатиков, не захотевших покориться неизбежному ходу истории» [Ефремов, 2017: 27], то есть не принявших мировой переход к коммунизму. Исследованием этого вопроса занимается историк Фай Родис – центральная героиня романа. Именно ее гипотеза о планете Торманс рассматривается на Совете Звездоплавания, где принимается решение отправить экспедицию.

Цель землян – попытаться изменить построенное на принципах несправедливости общество Торманса, внушить им «светлую мечту о Земле» [Там же: 495]. Герои традиционно сталкиваются с препятствиями: отказ властей Торманса, Совета Четырех, на посадку; опасное исследование планеты и испытание землян главным владыкой планеты Чойо Чагасом (трое героев погибают); неудавшаяся революция (начальница экспедиции Фай Родис осознает, что люди, которых она готовила к революции, способны только к террору, о чем говорит командиру звездолета Грифу Рифту: «Не помогайте тем, кто пришел убить, изображая бога, наказующего без разбора правого и виноватого, – самое худшее изобретение человека» [Там же: 495]) и др.

Есть в романе момент «действительной смерти» [Кларк, 2002: 221] – это смерть Фай Родис. Понимая невозможность изменить что-либо на Тормансе, окруженная врагами, она отдает приказ: «Улетайте! Домой! Слышите, Рифт? Кораблю – взлет!» [Ефремов, 2017: 495]. После этого героиня фактически кончает жизнь самоубийством, а звездолет «Темное Пламя» покидает Торманс и возвращается на Землю.

Задание, таким образом, на первый взгляд оказывается невыполненным. Однако затем читатель узнает, что попытки землян напрасными не остались. В романе значится, что «прибытие нашего звездолета и действия землян послужили толчком. Родис и ее спутники восстановили в тормансианах две гигантские общественные силы: веру в себя и доверие к другим» [Там же: 504]. В итоге «тормансиане поняли, что нельзя быть свободными и невежественными, что необходимо серьезное психологическое воспитание, что надо уметь различать людей по их душевным качествам и пересекать в корне все причиняющие зло действия» [Там же: 509]. «Тогда, и не раньше совершился поворот в судьбе планеты», – отмечается в романе [Там же: 509].

Итак, подтверждаются наблюдения ученых о следовании Ефремова соцреалистического канону. Данный ориентир, на наш взгляд, обусловлен, прежде всего, коммунистическими (утопическими) взглядами писателя. Нельзя исключать и влияние основной профессии Ефремова: писатель был ученым-палеонтологом и много времени проводил в экспедициях. Описание научной деятельности героев и экспедиций отчасти продиктовано профессиональным опытом автора. На трансформацию основополагающей фабулы производственного романа в произведениях Ефремова тем самым повлияла, главным образом, параллельная реализация дискурса научной деятельности советского ученого.

Что касается ранних братьев Стругацких, то их следование соцреалистическому канону было продиктовано больше требованиями цензуры, чем идеологическими взглядами (хотя и это, безусловно, влияло). Так, первое совместное произведение писателей «Страна багровых туч» (1959) прежде, чем было напечатано, прошло длительный путь редактирования. В «Комментариях к пройденному» Б. Стругацкий отмечает, что «Страна багровых туч» в процессе редакционной подготовки «переписывалась весьма основательно по крайней мере дважды» [Стругацкий, 2018: 21]. Требование издателей «Детгиза» сделать повесть

«светлее» [Там же: 21] привело к тому, что Стругацкие заменили трагический финал на счастливый. Повесть в исследованиях традиционно рассматривается как произведение, написанное в традиции производственного романа [Неронова, 2016: 225].

Отметим также, что за «Страну багровых туч» Стругацкие были удостоены государственной премией – третьей премией на конкурсе лучшей книги о науке и технике для детей школьного возраста Министерства образования РСФСР. К слову, первой премии тогда удостоился Ефремов за роман «Туманность Андromеды». Данный факт показывает, что следование писателями-фантастами традиции соцреалистического романа поощрялось.

Пожалуй, особенно показательной в вопросе эксплуатации Стругацкими канона производственного романа является история создания повести «Путь на Амальтею» (1960). Изначально писатели работали над приключенческим произведением «Страшно большая планета» о космических пиратах и сражениях, но затем поняли, что произведение не пройдет цензуру. В письме к брату А. Стругацкий писал следующее: «...наша идея СБП [«Страшно большая планета»] горит синим огнем. НИКАКИХ боев в межпланетном пространстве. Даже смотреть не будут. Надо придумать что-то другое» [Стругацкий, 2018: 44]. Писателям пришлось полностью изменить сюжет, в окончательную редакцию вошли лишь незначительные детали. В итоге произведение было написано в соответствии с каноном советского производственного романа, что подтверждает рабочее название повести – «С грузом прибыл», а также слова Б. Стругацкого, отметившего, что повесть «и придумана, и исполнена была как “производственная”» [Там же: 43].

Разберем данное произведение более подробно. Центральной темой произведения становится выполнение задание: экипажу космического корабля «Тахмасиб» необходимо доставить продовольствие на научную станцию, находящуюся на Амальтеи – спутнике Юпитера. Традиционно для соцреалистического произведения герои сталкиваются с двумя типами препятствий. Это, во-первых, обстоятельства прозаического характера –

ограниченный запас горючего («”Тахмасиб” падает, и горючего, чтобы вырваться, нам не хватит» [Стругацкие, 2019: 50]), во-вторых, драматического / героического – метеоритная атака, которая настигает героев в пути («По-видимому, по курсу корабля появлялось все больше крупных метеоритов, и суматошные команды противометеоритных локаторов на киберштурман все чаще бросали корабль из стороны в сторону» [Там же: 29]). Последнее влечет за собой все остальные проблемы экипажа – поврежденное оборудование и падение на Юпитер, в атмосфере которого есть вероятность сгореть.

Как и герой производственного романа, главный герой Стругацких, капитан космического корабля «Тахмасиб», Алексей Быков, начинает сомневаться в себе и в своей возможности преодолеть все трудности: «Ну, меня вы не обманете, – подумал Быков. – Вы все-таки еще не поняли. Вы все-таки еще не верите. Вы думаете: Алексей вытащил нас из Черных Песков Голконды, Алексей вытащил нас из гнилых болот, он вытащит нас из водородной могилы. Дауге – тот наверняка так думает. А Алексей вытащит? А может быть, Алексей все-таки вытащит?» [Там же: 52].

Повесть, однако, имеет оптимистичный конец, соответствующий финалу советских производственных романов. Экипаж успешно справляется с трудностями и выполняет задание: «Тахмасиб» с продовольствием успешно опускается на Амальтею. Повесть заканчивается отчетом капитана корабля: «Товарищ Кангрен, планетолет “Тахмасиб” с грузом прибыл» [Там же: 95]. Отметим, что в изначальном варианте был иной конец. Варианты «Страшно большой планеты» заканчивались гибелью героев.

В рамках традиции производственного романа написана также повесть «Стажеры» (1962). Следы производственного романа можно найти и в других произведениях писателей – в том числе, в повести ««Полдень, XXII век». Однако в середине 60-х годов начинается стремительное разочарование Стругацких в идеологии, перелом в мировоззрении приводит к отказу

писателей от эстетики соцреализма – соцреалистический канон перестает быть положительным примером для авторов-фантастов.

Таким образом, Ефремов и Стругацкие при написании своих произведений ориентировались на конкретную модель – канон советского производственного романа. Произведения тем самым становились классическими по форме в контексте советской литературы. Однако, как отмечает А.А. Фокин, братья Стругацкие и Ефремов, находясь в рамках коммунистического дискурса, «не шли бездумно у него на поводу, а пытались дополнить его сообразно своим идеям» [Фокин, 2015: 331]. Так, перенося основополагающую фабулу в пространственно-временное измерение «светлого будущего» писатели излагали свои взгляды на грядущее и осмысливали настоящее. Прежде всего, это касается Ефремова, чьи произведения напоминают философские трактаты.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4

В советских научно-фантастических произведениях отражались политические взгляды авторов, в связи с чем в произведениях получали актуализацию традиции идеологизированных жанров. Установка на изображение идеального общества (в рамках идеологии – непосредственно коммунистического) приводила к возрождению черт европейских утопических произведений и русских социально-утопических романов. Скрытая критика советской действительности осуществлялась в регистре философской сатиры с использованием приемов сатирико-фантастического романа. Писатели-фантасты оперировали иносказательностью, художественно развивая тенденции, которые в современной действительности находилось в зачаточном состоянии, и выходили на уровень обобщенных закономерностей.

Идеологическая задача формирования «нового человека» обуславливала обращение советских писателей к жанру романа воспитания. Модификацией данной жанровой структуры стал соцреалистический роман, черты которого появлялись в детских произведениях о взрослении и становлении героя. Соответствующая тенденция наблюдается в советской научной фантастике. Так, в «оттепельной» утопии Г. Гуревича «Мы – из Солнечной системы» история социализации героя в динамично развивающемся мире будущего изложена в традициях соцреалистического романа.

Центральным в соцреалистической литературе был жанр производственного романа. Ориентация на данную жанровую структуру наблюдается в произведениях ведущих авторов научной фантастики – Ефремова и Стругацких. Указанный момент был обусловлен коммунистическими взглядами авторов, а также требованиями советской цензуры, пропускавшей в печать только идеологически правильные произведения. Произведения указанных авторов отражали основные

производственные задачи эпохи, связанной с покорением космоса, а также ее социального лидера – ученого.

Таким образом, нами был проанализирован идеологический компонент в советских научно-фантастических произведениях, которые, так или иначе, становились политически нагруженными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что социальное воображение в существенной степени определяет картину мира общества, человека, культуры. Исторические и культурные изменения, которым подвергается общество, влекут за собой трансформацию социального воображения.

Проанализировав исследовательские работы по теме, мы дали определение категории социального воображения, выделили ее особенности и основные составляющие. Под социальным воображением мы понимаем способность общественного сознания создавать общие для всех членов коллектива образы. Такие образы, во-первых, не могут рассматриваться в отрыве от господствующей идеологии, установленной в определенном обществе и в определенное время; во-вторых, служат фактором формирования идентичности как общества в целом, так и конкретного человека в отдельности; в-третьих, опираются на представления об идеальном; в-четвертых, фиксируются различными устными и письменными текстами. Центральным элементом социального воображения является гештальт, т.е. идеальное воображаемое. Кроме того, категория социального воображения также включает в себя образы настоящего, прошлого и будущего.

Советское социальное воображение характеризовалось прежде всего идеологической детерминированностью и оперировало теми социокультурными образами, которые целенаправленно создавались властью и транслировались в массы средствами пропаганды. Среди таких образов, порожденных культурными мифами, мы назвали заграницу и коммунистическое будущее. Эти воображаемые пространства существовали непосредственно в рамках советской системы: они утратились тогда, когда исчез СССР.

Репрезентативной в плане советского социального воображения является научная фантастика. Мы рассмотрели научную фантастику как

форму социальной и политической мысли, и отметили, что научная фантастика не только отражала основные тенденции советского социального воображения, демонстрируя границы мышления и воображения писателя-фантаста, но и благодаря индивидуальному авторскому осмыслению настоящего, прошлого и прежде всего будущего значительно расширяла и обогащала коллективные образы.

Далее на материале научно-фантастических произведений о будущем нами были проанализированы основные особенности советского социального воображения. Для анализа нами были взяты наиболее репрезентативные тексты научной фантастики о будущем таких авторов, как В. Итин, А. Беляев, И. Ефремов, Г. Гуревич, К. Булычев, Д. Биленкин. Мы выделили основные доминанты образа будущего в данных произведениях, а также проанализировали трансформацию этого образа в творчестве каждого автора.

В качестве основных доминант советской научной фантастики нами были выделены следующие: изображение коммунистического общества как единственного возможного варианта идеального будущего, в связи с этим – утопический пафос; представление о человеке будущего как о духовно и физически развитой личности; вера в научно-технический прогресс; описание различных преобразований планеты; попытка вообразить покорение космоса. В некоторых произведениях встречаются и негативные образы – это образы прошлого или нежелательного будущего. Мы соотнесли данные доминанты с хроникой советской жизни и сделали вывод о том, что представления о будущем в советской фантастике отражали основные векторы социального, экономического и культурного развития советской эпохи.

Исследовав динамику советской фантастики, мы определили, как менялся образ «светлого будущего» в общественном сознании на протяжении советской истории. Нами была обозначена следующая схема пути зарождения, развития и утраты образа коммунистического будущего: зарождение как мечты о лучшей жизни – наполнение идеологическим

содержанием – сведение будущего к достижениям науки – сосредоточенность на ближайшем будущем – резкая актуализация дальнего будущего и развитие проектной деятельности – внимание к нежелательным вариантам будущего – смещение образа будущего в область внимания детской и подростковой литературы – идеологическая деактуализация будущего – исчезновение. Трансформация воображаемого образа «светлого будущего» происходила под влиянием культурно-исторических факторов. В свою очередь художественно воплощённые в научной фантастике представления о будущем демонстрировали особенности каждого этапа советской истории.

В сюжетном и жанровом плане советская фантастика, адресованная юному читателю и, в связи с этим, ориентированная на занимательность, активно эксплуатирует давно существующие литературные формы, переосмысливая и адаптируя их к новым целям: во-первых, для выражения и передачи идеологически-детерминированных взглядов; во-вторых, для скрытой критики советской системы.

Прежде всего, научно-фантастическая литература восходит к традиции литературы путешествий. Географический роман приключений, сформировавшийся в результате синтеза документального повествования о путешествии, то есть структуры жанра путевого очерка, и элементов авантюрной литературы становится доминирующим жанром в творчестве основоположника научной фантастики – Ж. Верна. Жюльверновский вариант географического романа приключений становится жанровым образцом для советской научной фантастики, учитывающей предпочтения юного советского читателя, его интерес к теме приключений и путешествий.

Один из вариантов географического романа приключений – робинзонада – ложится в основу романа «Обитаемый остров» Стругацких. Однако в связи с изменением авторского замысла и введением элементов романа-антиутопии робинзонада превращается в анти-робинзонаду.

Трансформация отражает перелом в мировоззрении писателей и обусловлена введением антиидеологической семантики.

Встречаются в научной фантастике элементы романтические мотивы и сюжеты. В соответствии с поэтикой романтизма написан роман-утопия В. Итина «Страна Гонгури»: в произведении представлены тип романтического героя, онейрические мотивы, ситуация узничества и вариант метафизического путешествия. Наиболее характерны для научной фантастики романтические мотивы любви к иноземке и двойничества, что обусловлено в первом случае учетом интереса читательской аудитории к любовным сюжетам (прежде всего, девочек), во втором – удобностью реализации определенных научных идей и воспитательно-идеологических смыслов.

Кроме того, в научной фантастике, литературе, несущей важную воспитательную и идеологическую нагрузку, актуализировались традиции идеологизированных жанров. Попытка вообразить социально-значимый образ «светлого будущего» ставила коммунистические утопии в контекст европейских утопических произведений и русских социально-утопических романов. Установка на аллегорическое (скрытое) изображение советской действительности актуализировала художественные приемы философской сатиры, а именно – сатирико-фантастического романа. В своем творчестве писатели-фантасты выходили на уровень обобщенных закономерностей.

Идеологическая задача формирования «нового человека» обуславливала обращение советских писателей к жанру романа воспитания. Своего рода модификацией романа воспитания стал соцреалистический роман, черты которого переходили в детские произведения на тему взросления и становления героя. Данный процесс наблюдается и в советской научной фантастике, являющейся частью подростковой и детской литературы. В традиции соцреалистического романа написана повесть Г. Гуревича «Мы – из Солнечной системы», где рассказывается история социализации героя в динамично развивающемся мире будущего.

Значимый в контексте советской соцреалистической литературы жанр производственного романа также ложиться в основу некоторых «оттепельных» научно-фантастических произведений, отражая основные задачи эпохи, связанной с покорением космоса, а также ее социального лидера – ученого. Произведения Ефремова и ранних Стругацких следуют основополагающей фабуле производственного, что было обусловлено идеологическими воззрениями авторов, а также требованиями советской цензуры, пропускавшей в печать только идеологически правильные произведения.

Таким образом, полученные результаты и сделанные выводы позволяют считать, что на данном этапе задачи исследования достигнуты. Перспектива настоящего исследования видится в следующем: во-первых, представляется продуктивным обратить внимание на другие социокультурные образы советской эпохи, которые нашли отражение в советской литературе в целом и в советской научной фантастике в частности; во-вторых, в прочтении с точки зрения социального воображения и жанровых традиций нуждается большее количество произведений из массива советской научной фантастики (нами были рассмотрены лишь наиболее репрезентативные); в-третьих, для более глубокого осмыслиения поэтики советской научной фантастики необходимо выявление иных жанровых традиций; в-четвёртых, отнюдь не исчерпан в нашей работе анализ советской фантастики через призму литературы путешествий и идеологизированных жанров, особенно, соцреалистического романа; в-пятых, советская научная фантастика нуждается в подробном анализе с точки зрения читательской рецепции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова М.В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31). С. 170–176.
2. Александрова Л.И. Утопия: мечта или реальность? // АНТРО. 2012. № 2. С. 114–122.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН–пресс–Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.
4. Антипкина Е.Н. Проблема взаимообусловленности утопии и научной фантастики // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 4 (4). С. 116–121.
5. Бараш Д.Э. О воображении и месте коллективной памяти в общественной сфере // Философские науки. 2011. № 2. С. 83–96.
6. Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Собрание сочинений. Т. 3.: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 180–218.
7. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит, 1975. С. 234–407.
8. Беляев А. Звезда КЭЦ. Прыжок в ничто. Небесный гость. М.: Эксмо, 2017. 576 с.
9. Беляев А. Золушка: о научной фантастике в нашей литературе [Электронный ресурс]. 1938. URL: <https://goo-g1.ru/N1kuH> (дата обращения: 12.03.2020)
10. Беляев А. Лаборатория Дубльвэ. М.: АСТ, 2017. 352 с.
11. Беляев А. Под небом Арктики [Электронный ресурс]. 1938. URL: <https://goo.su/1fCr> (дата обращения 30.01.2020)

12. Беляев А. Создадим советскую научную фантастику // Детская литература. 1938. № 15–16. С. 1–8.
13. Биленкин Д. Сила сильных [Электронный ресурс]. 2000. URL: <https://goo.su/1fcw> (дата обращения: 24.01.2020)
14. Богданов К. Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 560 с.
15. Брандис Е. Жюль Верн и вопросы развития научно-фантастического романа. Л.: Знание, 1955. 47 с.
16. Брандис Е.П., Дмитриевский В.И. Мир будущего в научной фантастике. М.: Знание, 1965. 47 с.
17. Бритиков А.Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы). Кн. 1. Научная фантастика – особый род искусства. СПб.: Творч. центр «Борей-Арт», 2005. 308 с.
18. Бритиков А.Ф. Что скрывается за кризисом современной фантастики // Соврем. лит.-художеств. критика. Л.: Наука, 1975. С. 221–243.
19. Булычев К. Сто лет тому вперед. М.: Издательский дом Мещерякова, 2014. 395 с.
20. Васильев И.Е., Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (Богданов и Платонов) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 129–140.
21. Васинский А. Ноль по поведению // Юность. 1965. № 8. С. 72–79.
22. Верещагина Н.В. Работы, искусственный интеллект, восстание машин: мифология НТР и научная фантастика // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 3. С. 65–74.
23. Волков А.Р., Попов Ю.И. Русские робинзонады XIX века // Вопросы русской литературы. Львов: Вища школа, 1987. Вып. 2 (50). С. 112–119.
24. Воронцов А.Е. Влияние утопической мысли на формирование коллективных и индивидуальных представлений о будущем // Вестник

Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1 (117). С. 200–204.

25. Гаврилюк Т.В. Понятие «Образ будущего» в категориальном поле феноменологической психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 5. С. 57–59.
26. Горшенин А. Итин Вивиан Азарьевич: Он был искателем чудес (Романтик Вивиан Итин) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbsmakarenko.ru/articles/article2.html> (дата обращения: 15.02.2021)
27. Гриненко Г.В. Утопии как социальные модели // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1 (81). С. 18–24.
28. Гришин В.В., Колобова М.Д. Марксистский проект человека и его советская реализация // Вестник Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2014. № 1. С. 19–24.
29. Гуревич Г. Беседы о научной фантастике: кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1983. 72 с.
30. Гуревич Г. Мы – из Солнечной системы. М.: Издательство «Мысль», 1965. 411 с.
31. Деменцева А.И. Образ будущего в философских течениях конца XIX и XX века // Вестник науки Сибири. 2012. № 1 (2). С. 214–217.
32. Демидова О.Р. Зеркало (анти)утопии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 3. С. 94–104.
33. Джеймисон Ф. Прогресс versus утопия, или Можем ли мы вообразить будущее? // Фантастическое кино. Эпизод первый. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 32–49.
34. Джеймисон Ф., Макаров В. Барьер времени // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 1 (99). С. 151–172.
35. Дмитриева Л.М., Лалуев В.Я. Будущее в утопических пророчествах // Омский научный вестник. 2006. № 9 (47). С. 76–82.

36. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: «Академический проект», 1997. 321 с.
37. Дорошина Г.В. Воображение как способ творческого конструирования образной реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Саратов, 2005. 20 с.
38. Дубин Б.В., Рейтблат А.И. Социальное воображение в советской научной фантастике 20-х гг. // Социокультурные утопии XX века. Вып. 6. М.: ИНИОН, 1988. С. 14–48
39. Дыдров А.А. Утопия и антиутопия как специфические формы отношения к модусу будущего // Вестник Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова. 2010. № 20 (201). С. 11–14.
40. Ефремов И.А. Туманность Андromеды. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 448 с.
41. Ефремов И.А. Час Быка. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 512 с.
42. Желтикова И.В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. № 3 (23). 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-buduscheogo-v-interpretatsii-f-polaka> (дата обращения: 31.10.2019)
43. Желтикова И.В. К вопросу о месте образа будущего в социальном настоящем // Булгаковские чтения. 2008. № 2. С. 67–76.
44. Желтикова И.В., Гусев Д. В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. Орел: Издательство ОГУ, 2011. 172 с.
45. Желтикова, И.В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 5 (55). С. 75–80.
46. Заладина М.В. Специфика утопии как феномена сознания и культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 167–174.

47. Захарченко В. К разговору о научной фантастике // Октябрь. 1953. № 2. С.166–170.
48. Земскова Д.Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2016. 247 с.
49. Иванов С. Фантастика и действительность // Октябрь. 1950. № 1. С. 155–164.
50. Иванов К. Воображаемые космические путешествия в ранней советской научной фантастике // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. Т. 28. № 2 (123). С. 159–224.
51. Итин В. Страна Гонгури. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. 105 с.
52. Кабанова Д.С. Будущее в прошедшем: постсоветская дистопия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. № 2. С. 88–93.
53. Камардина Ю.С. Английский роман воспитания XIX века. Балашов: Николаев, 2015. 60 с.
54. Каптиева О.Е. Утопия и антиутопия как отражение изменений в общественном сознании // Новые идеи в философии. Т. 1. № 1 (22). 2014. С. 204–210.
55. Карпачевский Л.О. Советская цивилизация и утопия: мысли естественника // История и современность. 2010. № 1 (11). С. 132–147.
56. Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 432 с.
57. Каспэ И. Куда делось будущее: утопическое зрение, утопическое чтение и восприятие литературы Стругацких // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, презентации, сценарии. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 339–361.
58. Каспэ И. Тайна Темной планеты, или Как уверовать в будущее: о «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова [Электронный ресурс] //

Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 1 (99). URL: <http://www.zh-zal.ru/nz/2015/99/14k.html> (дата обращения: 22.02.2019).

59. Кириллов Г.М., Елистратова А.А. Социальный идеал и философский образ будущего // Человек, общество и государство в современном мире: сборник научных трудов международной научно-практической конференции (Пенза, 1–30 апреля 2016 года): в 2 т. Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2016. Т.1. С. 246–248.

60. Киселева С. Л. Воображение как универсальная способность человека // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2015. № 4 (39). С. 108–117.

61. Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.

62. Ковалев В.А. Две стороны инферно. Утопия и антиутопия в творчестве Ивана Ефремова // История и современность. 2020. № 1 (35). С. 94–115.

63. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высш. шк., 2008. 408 с.

64. Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Философский взгляд на научную фантастику и фантазийные жанры // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 4 (08). С. 129–137.

65. Козлова С.М. Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 73–81.

66. Козьмина Е.Ю. Жанровые трансформации в авантюрно-философской фантастике XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2017. 430 с.

67. Козьмина Е.Ю. Инвариант фантастической робинзонады // Научный диалог. № 8. 2017. С. 169–178.

68. Козьмина Е.Ю. Робинзонада как разновидность географического романа приключений // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 136–140.
69. Комиссаров В.В. Перспективы человечества через призму научной фантастики XX века // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 1681–1685.
70. Конева А.В. Понятие и структура социального воображения // Вопросы философии. № 5. 2016. С. 51–59.
71. Конева А.В. Социальное воображение в динамике современного исторического процесса // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 4 (41). С. 78–89.
72. Коул М. Воображение в перцепции и в социальной проприоцепции // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции (Москва, 29 сентября – 1 октября 2015 года): в 5 т. / Под ред. Д. Б. Богоявленской. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Когито-Центр», 2015. Т. 1. С. 453–455.
73. Кудрявцев В.Т., Коул М. «Третий глаз» культуры. Феномен воображения в культурно-исторической психологии // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции (Москва, 29 сентября – 1 октября 2015 года): в 5 т. / Под ред. Д. Б. Богоявленской. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Когито-Центр», 2015. Т. 1. С. 465–467.
74. Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2007. № 6. URL: <https://goo.gl/6d8s> (дата обращения: 07.03.2020)

75. Кукулин И. Советские послевоенные антиутопии // Филологический класс. 2017. № 4 (50). С. 14–24.
76. Лазаренко О. В. Категория будущего в литературе и философии начала XX века // Время Дягилева. Универсалии Серебряного века. Третий Дягилевские чтения: материалы / Пермский гос. ун-т, Пермская худож. галерея, Общ-во любителей балета «Арабеск». Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 1993. С. 78–88.
77. Лем С. Фантастика и футурология. М.: АСТ: Хранитель, 2008. 591 с.
78. Лошанина М.Н. Мотив путешествия в романе Т. Эспедаля «Идём! или Искусство ходить пешком»: романтические традиции и новаторство // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2. С. 66–75.
79. Лукьянова Н.А., Фелл Е.В., Сиберс Й.И. Динамика конструирования образов будущего: исследование проблемы // Вестник науки Сибири. 2015. № 2 (17). С. 37–46.
80. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 254–259.
81. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.
82. Манченко Е.С. К вопросу о традиции Г. Уэллса в творчестве А. Беляева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 3. С. 161–165.
83. Михайлова М.В. О возможности социального воображения // Серия “Symposium”. Виртуальное пространство культуры. Вып. 3: Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 11–13 апреля 2000 г.). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.79–81.
84. Найдыш О.В. Обыденное сознание и современная футурология // Вестник РУДН, серия философия. 2017. № 2 (21). С. 240–249.

85. Неронова И.В. Раннее творчество братьев Стругацких: поиск индивидуального стиля // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 4. С. 222–235.
86. Николаев И.А. Утопический роман [Электронный ресурс] // Словарь по литературоведению И.А. Николаева. URL: <http://nature.web.ru/litera/12.13.html> (дата обращения: 21.02.2021)
87. Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940 – 1980-е): коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
88. Осьмухина О.Ю., Майорова Д.А. Специфика конструирования фантастического мира в романе И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. № 1 (34). С. 29–40.
89. Пасев М.К. Понимание понятия воображение [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 6. URL: <http://human.snauka.ru/2015/06/11774> (дата обращения: 26.03.2019).
90. Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Генезис и эволюция: автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. М., 2005. 32 с.
91. Петровский П.С. Социальное воображение: свойства и особенности трансформации // Весці Беларускага гарадзянскага педагогічнага ўніверсітета. Серыя 2. Паліталогія. Эканоміка. Сацыялогія. 2014. № 4 (82). С. 95–99.
92. Плеханов С. В пучине оптимизма // Литературная газета. 1985. № 33 (5047). С. 3.
93. Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920-1930-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. СПб., 2014. 51 с.
94. Преображенский С. Видеть завтрашний день // Юность. 1963. № 9. С. 62–69.

95. Пыжиков А.В. Реформирование системы образования СССР в период оттепели (1953–1964 гг.) // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 95–104
96. Разумов А.Е. Ценности, воображение, личность (социальное и индивидуальное) // Философские науки. 2016. № 11. С. 122–135.
97. Романчук Л. Особенности повествовательной структуры в «Робинзоне Крузо» Дефо [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.ru/1OirM> (дата обращения: 12.12.2020).
98. Ростоцкая М.А. Моральный человек кинематографа сталинской эпохи // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2015. № 4. С. 79–98.
99. Русаков В. М. Многообразие видов и жанров трапезолога // Дискурс-Пи. 2013. № 1–2 (11–12). С. 304–306.
100. Садриева А.Н. Роман воспитания как социальная институция культуры // Мировая литература в контексте культуры. 2019. № 8 (14). С. 91–96.
101. Сайд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2016. 670 с.
102. Саморукова И.В. Фантастика как генератор событийности: творчество братьев Стругацких и повествовательные модели российской прозы 1960 – 2000-х годов // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8–1 (99). С. 170–177.
103. Сергеев В.М., Смирнов С.С. Сюжет и проблема каузации в литературе и кино: тезисы к постановке проблемы // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2016. № 6. С. 270–276.
104. Солопова О. А. Врата грядущего: утопия и реальность // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21). С. 49–61.
105. Стегний В.Н. Социальное прогнозирование и проектирование. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. 219 с.
106. Стругацкие А. и Б. Обитаемый остров. М.: Издательство АСТ, 2019. 416 с.

107. Стругацкие А. и Б. Полдень, ХХII век. М.: Детская литература, 1963. 256 с.
108. Стругацкие А. и Б. Предисловие к переработанному изданию повести «Полдень, ХХII век» [Электронный ресурс]. URL: https://strugacki.ru/book_11/390.htmlm (дата обращения: 03.06.2020)
109. Стругацкий А., Стругацкий Б. Путь на Амальтею. Стажеры. М.: Издательство АСТ, 2019. 384 с.
110. Стругацкий Б. Комментарии к фантастической повести «Улитка на склоне» [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/1C4C> (дата обращения: 25.05.2020)
111. Стругацкий Б. Комментарии к пройденному. М.: Издательство АСТ, 2018. 318 с.
112. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
113. Тамарченко Н.Д., Стрельцова Л.Е. Путешествие в «чужую» страну. Литература путешествий и приключений: учеб. пособие по литературе для 5 кл. школ гуманитарного типа. М.: Аспект-Пресс, 1995. 239 с.
114. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 1. URL: <https://goo.su/1fCN> (дата обращения: 03.12.2019)
115. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 1.: Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.
116. Терновая Л.О. Травелог: мир глазами путешественника // Государственная служба. 2011. № 5 (73). С. 95–98.
117. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.

118. Токарева Т.Н. Традиции романа воспитания в советской литературе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. №1. С. 93–97.
119. Токарева Т.Н. Элементы поэтики романа воспитания в производственном романе 1930-х годов («Люди из захолустья» А. Малышкина) // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2–1. С. 241–245.
120. Толстой А. Аэлита. М.: Дет. Лит., 1982. 144 с.
121. Тузовский И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2009. 312 с.
122. Турчин А.В., Батин М.А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М.: Бином. Лаборатория знаний, 2013. 263 с.
123. Урванцева Н. Зеркало как принцип поэтики в русской детской литературе XX века. Казань: «Бук», 2015. 150 с.
124. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. 405 с.
125. Файзрахманова А.А. Типология жанра литературной утопии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). С. 136–145.
126. Филатов В.И. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего // Вестник Омского университета. 2014. № 4. С. 84–86.
127. Фишман Л.Г. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 168 с.
128. Фокин А.А. В ожидании «светлого будущего»: советская литература периода «оттепели» // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. С. 323–334.
129. Фомина Е.М. Черты романа воспитания в «Трилогии желания» Теодора Драйзера // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 7–5 (16). С. 74–76.

130. Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 240 с.
131. Фурсов А.И. Под видом «Игры престолов» нам демонстрируют версию будущего [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://izborsk-club.ru/16937> (дата обращения: 24.08.2019)
132. Харламов А.В. Влияние «Робинзона Крузо» Дефо на творчество Стругацких («Обитаемый остров», «Малыш», «парень из преисподней») // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. Материалы VIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 4–6 декабря 2019 г.). Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2019. С. 138–139.
133. Хвостова О.А. Любовный сюжет в составе сюжета пушкинских поэм: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саратов, 2003. 209 с.
134. Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 560 с.
135. Цветков Е.В. Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности: социально-философские аспекты: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Архангельск, 2009. 24 с.
136. Черная Н.И. В мире мечты и предвидения: Научная фантастика, ее проблемы и художественные возможности. Киев: Наукова думка, 1972. 228 с.
137. Черняк М.А. Страхи будущего в современных антиутопиях // Universum: Вестник Герценовского университета. 2006. № 8 (34). С. 54–55.
138. Черняховская Ю.Н. Власть и история в политической философии братьев Стругацких // Власть. 2010. № 2. С. 80–83.
139. Черняховская Ю.С. Ж. Верн и Г. Уэллс: две модели развития западного научно-технического романтизма // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 258–269.

140. Черняховская Ю.С. Футурология и философская фантастика как формы исследования будущего общества и его политического мира // Власть. 2016. Т. 24. № 4. С. 164–168.

141. Шалимова Н.С. Жанровая динамика англоязычного романа воспитания второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Красноярск, 2018. 174 с.

142. Шишкин А.П. Русский берег утопии (к вопросу об эволюции русской литературной утопии) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 158–179.

143. Шоломова Т.В. Коммунистическая мораль в отступлении (проблема нравственного прогресса в советской фантастике 1960-х годов. А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом», «Обитаемый остров») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2011. Т. 24. № 1 (63). С. 160–169.

144. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

145. Яровой А.В. Предвидение будущего // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 2. С. 89–94.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Доминанты советской научной фантастики: сравнительная таблица

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин	
Статус и репрезентативность писателя	– популяризатор научно-фантастической литературы; – автор огромного количества научно-фантастических произведений (целиком посвятил себя данному типу литературы); – активно обсуждался в критике (были как положительные, так и отрицательные оценки); – автор статей о проблемах научно-фантастической литературы; – предвосхитил в своих произведениях много научных открытий и технических изобретений.	– член Союза писателей СССР; – активно обсуждался в критике, особенно после выхода «Туманности Андромеды»; – есть награда за заслуги в развитии советской литературы; – после публикации «Часа Быка» в течение 18 лет считался опальным писателем.	– ведущие представители советской научной фантастики; – члены Союза писателей СССР; – произведения активно обсуждались в критике; – лауреаты премии в области фантастики «Аэлита» (также много других наград и премий).	– член Союза писателей СССР; – критик и исследователь фантастики; автор книг об истории научной фантастики, ее темах и перспективах; – лауреат премии имени И. Ефремова (1987).	– был востребован в кинематографе (много экранизированных произведений, в большинстве – он сам сценарист); – лауреат премии имени И. Ефремова (1987).	– член Союза писателей СССР; – лауреат премии имени И. Ефремова; – автор многих критических статей, обзоров, рецензий по произведениям научной фантастики.	– член Союза писателей СССР; – лауреат премии имени И. Ефремова; – автор многих критических статей, обзоров, рецензий по произведениям научной фантастики.	
Произведение	«Страна Гонгури» (1922)	«Звезда КЭЦ» (1936), «Лаборатория Дубльвэ» (1938)	«Под небом Арктики» (1938)	«Туманность Андромеды» (1957), «Час Быка» (1970)	«Полдень, XXII век» (1961), «Обитаемый	«Мы – из Солнечной системы» (1958-1965)	«Сто лет тому вперед» (1978)	«Сила сильных» (1985)

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев		И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
		(1938)			остров» (1968)			
Время изображаемого будущего	Далекое будущее: «1920 г. после революции» [Итин, 2015: 20] (конец третьего тысячелетия)	Неопределенное будущее. Известно, что произошла мировая революция: «Но какая же может, быть война, когда с капитализмом покончено во всём мире?» [Беляев, 2017: 38]; «Вот только теперь я почувствовал, как изменилась жизнь во всём мире со времени мировой революции: какие работы, какие масштабы!» [Беляев, 2017: 47].	Недалекое будущее. Известно, что произошла мировая революция: «Но какая же может, быть война, когда с капитализмом покончено во всём мире?» [Беляев, 2017: 38]; «Вот только теперь я почувствовал, как изменилась жизнь во всём мире со времени мировой революции: какие работы, какие масштабы!» [Беляев, 2017: 47].	Далекое будущее: третье тысячелетие.	XXII век	Третье тысячелетие: «Как и в героическом двадцатом веке, молодежь третьего тысячелетия жаждала подвигов, искала земли подвигов» [Гуревич, 1965: 125].	Будущее через сто лет (2082 год).	Пять столетий спустя после установления коммунизма: «И пять веков третьего мегахрана, столетия осуществленного коммунизма» [Биленкин].

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев		И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
Люди будущего	Просты и предсказуемы: «Мне было скучно <...> от безжалости знакомых поступков людей» [Итин, 2015: 48]. Новый человек многосторонен по своим увлечениям: «Разве современный человек не многогранен по своей	Решена проблема долголетия человека: «— Теперь нам дано все не только для счастливой, но и для долгой жизни, — продолжал Сугубов. Проблема долголетия, нормальной, здоровой старости решена Октябрьской революцией» [Беляев, 2017: 59].	Люди добрые, веселые, приветливые: «Он начал тосковать о Челюскине . И не только о людях, о добрых, веселых, приветливых, внимательных товарищах » [Беляев].	Воспитание ума и воли, подчинение личного общественному: «Перед человеком нового общества встало неизбежная необходимость дисциплины желаний, воли и мысли. Этот путь воспитания ума и воли теперь так же обязателен для каждого из нас, как и воспитание тела. Изучение законов природы и общества, его экономики заменило личное желание на осмысленное знание» [Ефремов, 2018: 288]. Люди, думающие о других: «Прежде всего умение сдерживать себя, не мешать другим людям. В этом единственная возможность сделать совместную жизнь хорошей для всех без	Люди будущего — лучшие из современников: «Мы населили этот воображаемый мир людьми, которые существуют реально, сейчас, которых мы знаем и любим: таких людей еще не так много, как хотелось бы, но они есть, и с каждым годом их становится все больше» [Стругацкие]. Страсть к познанию: «Есть закон: стремление познавать, чтобы жить, неминуемо	Воспитание в коллективе: «Пусть идет в коллектив, пусть будет как все, а потом уж проявляет характер» [Гуревич, 1965: 9]. Уважение ко времени другого человека: «К любому человеку на Земле можешь ты обратиться, но, прежде чем вызвать его, спроси себя, достаточно ли серьезное у тебя дело, не помешаешь ли, не оторвешь ли от работы» [Гуревич, 1965: 12]. Этапы обучения и	Физически развитые люди: «Старик согнул руку в локте и дал Коле пощупать мышцы» [Булычев, 2014: 24]. Долгожительство: «Тогда я открою тебе человеку на тайну. Мне завтра ты обратишься, но, прежде чем вызвать его, спроси себя, достаточно ли серьезное у тебя дело, не помешаешь ли, не оторвешь ли от работы» [Булычев, 2014: 25]. Люди, занятые трудом: «Мы же все страшно занятые люди —	Люди с развитой психикой: «Вы, смертные, владеете пятью состояниями психики. Бодрствование, сон, гипноз, сомыщление, человекома шинное сосознание» [Биленкин]. Важность труда: «киберы могли работать и сами, но не так — хуже, человек вкладывал в их труд свою выдумку и изобретательность, свой

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	культуре, запросам, интересам, занятиям? Вот, например, колхозник Зорин — прекрасный астроном: недавно он открыл новую переменную звезду; Габрилович — математик с мировым именем, одновременно отличный скрипач» [Беляев, 2017: 74]. Человек сам распоряжается своей жизнью: «— Я допускаю право распоряжаться я для блага родины лишь		исключения» [Ефремов, 2017: 157]. Многосторонность людей будущего: «За долголетнюю жизнь человек успевал пройти высшее образование по пяти-шести специальностям, меняя род работы, но от выбора первой и трудной деятельности — Геркулесовых подвигов — зависело многое. Поэтому они выбирались после тщательного обдумывания и обязательно со старшим советчиком» [Ефремов, 2018: 288]. Совершенствование не только техники, но и самого человека: «Наша культура долго оставалась насквозь технической и только с приходом коммунистического	превращается в стремление жить, чтобы познавать. Неминуемо!» [Стругацкие, 1963: 30]. Честность и смелость: «— Трусить, лгать и нападать, — проговорил Атос. — Почему вы спрашиваете, учитель? С нами этого не бывало и не будет» [Стругацкие, 1963: 49].	воспитания: «при переходе из третьего класса в четвертый ребятам надевали на руки часы. Это называлось “дарить время”»; «При переходе в пятый класс школьнику “дарили эфир” — на левую руку надевали радиобраслет»; «При переходе из младшей школы в старшую (в седьмой класс) вручался самый богатый подарок — “ключи от складов”, то есть право получать по потребностям»; Интеллигентные, доброжелательные и занятые люди: «Где мчатся машины без людей и с	столько работы, ты не представляешь» [Булычев, 2014: 201]. Владеют многими языками: «... в будущем языки будут с детства вкалывать специальными уколами, чтобы не тратить время на богатый подарок — “зубрежку” [Булычев, 2014: 227]. Каждый человек — исключителен: «В будущем не станет обычновенными	артистизм, отчего всякая работа преображалась, а для человека она, в свою очередь, была тем, чем для мифического о Антея была земля, — в соприкосновении с ней он черпал силу» [Биленкин]. Живут согласно моральным принципам: «И если бы не их моральные колодки, которые они на себя надели, чтобы

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
		своей жизнью» [Беляев, 2017: 81].	общества окончательно встала на путь совершенствования самого человека, а не только его машин, домов, еды и развлечений» [Ефремов, 2018: 77].	людьми, облаченными в диковинные одежды, спокойными, умными, доброжелательными, всегда очень занятыми и очень этим довольными» [Стругацкие, 1963: 63]. Многосторонность: «Потому что нет биолога, который не знал бы математики и физики, а такой лингвист, как Шейла, например, сразу пропал бы без психофизики и теории исторических последователь	“подводные легкие” – акваланги, а также водяные башмаки с подошвой из аквафобита, усиливающего поверхностное натяжение»; «Небо дарили молодым людям перед последним, десятым классом. В актовый зал торжественно вносили пестрой грудой вингеры – авиаранцы с комбинезоном и крыльями»; «Через год они получали последний и самый важный подарок – голос гражданина: право обсуждать судьбу человечества и право выбирать	ых людей. На земле будут жить пять миллиардов исключительных, знаменитых, одаренных людей» [Булычев, 2014: 390].	уподобить людей ангелам коммунистического рая, нам totчас пришел бы конец» [Биленкин]. Доброжелательные и вежливые: «В юности мне довелось побывать на Земле. Все красиво, не спорю, все умно, всеобщая доброжелательность, а уж мускулы! Но как-то случайно я толкнул одного. И он... извинился! Тогда я стал пробовать

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
				ностей» [Стругацкие, 1963: 80]. Стремление к труду: «Судите сами – чудесные молодые ребята... им мало места! Им нужно взрывать, переделывать, строить... И не дом строить, а по крайней мере мир – сегодня Венера, завтра Марс, послезавтра еще что-нибудь...» [Стругацкие, 1963: 76]. Нацеленность на будущее: «Для будущего мы встаем ото	свою собственную судьбу. Но чтобы выбрать, надо было познакомиться с чужими судьбами, узнать, как и где люди работают. В десятом классе экскурсий было больше, чем уроков» [Гуревич, 1965: 11–15]. «Пятиконечные» люди: «У человека – так считали современники Кима-тоже должно быть пять лучей-пять направлений в жизни, пять интересов» [Гуревич, 1965: 45]. Стремление к познанию и		нарочно, результат оказался том же самым» [Биленкин]. Сила – в самоограничении: «На первый взгляд такое самоограничение пагубно, однако вся наша история доказала, что вне морали победа недолговечна, тлетворна и обратима и что за внешней слабостью добра скрыт источник неодолимой силы» [Биленкин].

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
				сна, — медленно процитировал он. — Для будущего обновляем покровы. Для будущего устремляемся мыслю. Для будущего собираем силы... Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени» [Стругацкие, 1963: 253].	преобразовани ю: «Уже через три тысячи лет нам не хватит материала и пространства, надо будет выходить за пределы Солнечной системы, в Галактику» [Гуревич, 1965: 409].		При этом люди идут против своих принципов, чтобы выведать информацию об оружии противника: «Но раз нет ни одного враждебного поступка, то послать разведчиков — значит, выступить против самих себя, против морально-этических норм <...> А не послать — значит, остаться в неведении. Как же пройти по этому

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев		И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
								«лезвию бритвы»? Я вызвался снять самозапрет, вызвались и другие; потребуют обстоятельства — мы пойдем до конца» [Биленкин].
Позитивное изображение научно-технического прогресса	Продукты питания химического производства: «Правда, мы пили белую жидкость, называющуюся молоком, если молочные продукты, в кухнях я	Технические достижения: сверхскоростной реактивный поезд; межпланетный корабль; лучевые аппараты, убивающие микробы; книги на пленки, читающиеся с помощью проекционного фонаря;	Технические достижения: аэросани, вездеходы, искусственное солнце.	Технические достижения: скоростные поезда, электробусы, кибернетические машины-роботы для помощи людям, звездолеты и т.д.	Технические достижения: воздушный транспорт, самодвижущаяся дорога, «киберы» (киберсадовник, кибердворник, киберкухня, киберразведчик) и др.	Технические достижения: радиотелефоны, ратоприемники (=скатерть-самобранка), авиааранцы и др.	Технические достижения: уборочная машина, мягкие скамейки, деревья с бубликами, дома из кораллов, управление погодой, летательные аппараты (воздушный транспорт), автобусы-	Технические достижения: «кибера»; которые обладают интеллектом, «нечки» — роботы, не отличимые от людей.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев		И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	видел желтоватый порошок, сохранивший название «яйца», но всё это было делом химических заводов, а не скотных дворов...» [Итин, 2015: 20]. Смерть во имя науки – героическая: «Стора – девушка, отдавшая свою жизнь ради крупицы знания.	бесшумные двухэтажные автобусы; кресла-самоходы, авторолики; электромобили и др. Опыты над животными, попытки создать высокоразвитое животное: «Но ничего нет проще создать здесь тип высокоразвитой собаки, годной для земных условий. Нужно только выращивать этих собак при искусственной тяжести» [Беляев, 2017: 146].	ство подземного курорта, ставшего вечнозелёным раем: «На его глазах неровный, бугристый свод пещеры превращается в правильную, гладкую полусферу. Это будет свод неба подземного курорта, предназначенному для отдыха самого Джима и других строителей Челюскина» [Беляев].	недосмотр или нежелание разъяснить сложные формулировки. Только так мне показалось возможным придать колорит будущего разговорам и действиям людей времени, в которое наука должна глубоко внедриться во все понятия, представления и языки» [Ефремов, 2018: 6].		ущерб. Потому что каждый из нас должник перед обществом» [Гуревич, 1965: 325]. Победа над смертью с помощью клонирования: «Киму уезжающему так жалко, что без него начнется всеобщее омоложение» [Гуревич, 1965: 408].	телепорты и др. Отмечается значимость истории: «Для того история и существует, чтобы объяснять, почему мы сегодня живем так, а не иначе» [Булычев, 2014: 53].	

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев		И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	<...> Стора согласила сь на этот опыт и не перенесла его. С тех пор её имя стало торжестве нным символом и почитани е её превратил ось в культ...» [Итин, 2015: 76].			исторической правды, без которой нельзя ни понять настоящего, ни предвидеть будущего» [Ефремов, 2018: 6].				
Модел ирован ие комму нистич еского общест ва	«Высокий социаль ный строй» [Итин, 2015: 40] Наличие коммун: «Это был ряд коммун, спокойны х, и в этом	Коммунисти ческий принцип распределени я труда «каждому – по способности м»: «Каждый дает обществу по способностям ,		Победа коммунизма, отсутствует разделение на государства, классовые различия и частная собственность, решены все экономические и социальные проблемы: «Развитие потребности созидания новых	Победа коммунизма. Мысль о неизбежност и коммунизма: «Вы	Победа коммунизма, переход к новому устройству общества начался с России: «В третьем тысячелетии все человечество на планете Земля и в Солнечной		Победа коммунизм а: «Третий мегахрон, повторял Антон как заклинание, третий мегахрон. Первый длился миллионы лет, человек

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	счастливых, если счастье есть сознание совершенной удовлетворенности ее. Там не было ничего лишнего. Точная мысль определяла производство» [Итин, 2015: 22]. Коллективизм: «Коллективное творчество преобладало. Даже художники очень часто	смысле полезность людей различна, но сама жизнь, всякая жизнь бесценна» [Беляев, 2017: 81].	представлений о мире и общественных отношениях, долгие правах и счастье человека, из которых выросло и расцвело на всей планете могучее дерево коммунистического общества» [Ефремов, 2018: 57]. Власть принадлежит системе Советов (Совет Экономики, Совет Здоровья, Совет Чести и Права, Совет Звездоплаванья) и является средством управления и поддержания стабильности всех общественных сфер: в определенных ситуациях «власть берет по своей компетенции один из Советов» [Ефремов, 2017: 94]. «коллективное воспитание детей специально	коммунизму он вернулся, и этим возвращением начинается новая ветвь спирали, ветвь совершенно уже фантастическая...» [Стругацкие, 1963: 253]. Высший орган – Мировой Совет, занимается глобальным и галактическими вопросами: «Группа ученых, работавших на Венере, закончила и предложила на рассмотрение	системе объединял Коммунистический Союз Народов. Но возникал он постепенно: не все люди одновременно встали на путь коммунизма. Первыми были народы, жившие на территории древней Российской империи, за ними пошли народы Восточной Европы и Азии, потом кубинцы, потом африканцы...» [Гуревич, 1965: 55]. Возможности для реализации каждого человека: «Учись, пожалуйста.		и его предки жили охотой и собирательством, не знали расслоения на богатых и бедных. Второй мегахрон: двенадцать тысячелетий земледелия и скотоводства, ручные, на излете мегахrona машины орудия труда, государство и классы. И пять веков третьего мегахrona, столетия осуществленного коммунизма » [Биленкин].

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	вместо подписи ставили знаки своих школ» [Итин, 2015: 22]. Отсутствие власти: «От права и власти – этого подобия кнута и других воспитательных атрибутов – почти ничего не осталось» [Итин, 2015: 20]. Преступлений нет: «Преступление стало невозмож		обученными и отобранными людьми» [Ефремов, 2017: 290]. Отсутствует институт семьи: «Одна из величайших задач человечества – это победа над слепым материнским инстинктом» [Ефремов, 2018: 390]. Мысль о неизбежной победе коммунизма: «...неизбежно и неуклонно новое устройство жизни распространилось на всю Землю, и самые различные народы и расы стали единой, дружной и мудрой семьей» [Ефремов, 2018: 59]. Переход к новому устройству общества начался с России: «Россия – первая страна социализма. Именно она пошла	Мирового Совета практический проект дистилляции атмосферного покрова Венеры с целью ее дальнейшей колонизации. Мировой Совет рассмотрел проект и одобрил его» [Стругацкие, 1963: 48]. Дети воспитываются в интернатах профессионалами (Учителями), которые помогают выявить таланты ребенка. О переходе к	Времени хватает, поступай в любой институт, училище — музыкальное, художественное ... Не хочешь учиться, иди в любительский кружок, играй на сцене, снимай кино для собственного удовольствия. Пиши стихи, неси их в любой самодеятельный журнал» [Гуревич, 1965: 45]. Высший орган власти – Совет Планеты. Принцип «каждому по потребностям»: «Каждому, каждому, не взирая на заслуги и		

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев		И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	ным, как... ну, как съесть горсть пауков!» [Итин, 2015: 20].			великим путем по лезвию бритвы между гангстеризующимся капитализмом, лжесоциализмом и всеми их разновидностями» [Ефремов, 2017: 142].	коммунизму: «На самом деле, мы вовсе не рассматривали проблем перехода от капитализма к коммунизму. Мы довольно быстро поняли, что тот мир, который мы описываем, Мир Полудня, практически недостижим. В наше время он недостижим вообще» [Стругацкие].	погрешности» [Гуревич, 1965: 393].		
Тема космоса и космических путешествий	Освоение космоса, колонизация, сообщение с иностранными цивилизациями:	Звезда КЭЦ – искусственный спутник Земли с лабораторным центром для исследования космоса: «Искусственна		Изучение других планет: «Но ведь цель – не сам полет, а добыча нового знания, открывание новых миров, из которых когда-нибудь мы сделаем такие же прекрасные планеты, как наша Земля»	Колонизация Марса: «За пять лет колонизации Марса мы не встретили здесь животных крупнее мимикрода	Космос не покорен, но люди мечтают об этом: «двести миллионов по крайней мере мечтали о космосе» [Гуревич, 1965: 230].	Ходят рейсы на другие планеты и Луну: «Некоторые рейсы Коле понравились . Например: №23-4	Космос активно заселяется: «Началось быстрое освоение иных планетных систем, человечеств

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	«Существовало постоянное сообщение с планетой Санон, ближайшей к нам из внешних миров. В экваториальном его поясе были наши колонии. На остальных планетах человек не мог жить, там жили странные чудовища. Исследования этих миров	ый спутник Земли. Надземная станция-лаборатория и ракетодром для ракет дальнего межпланетного сообщения» [Беляев, 2017: 14]. Описано покорения героям Луны: «Я прямо стал знаменитостью — один из первых людей, побывавших на Луне!» [Беляев, 2017: 120].	[Ефремов, 2018: 122]. Одной из задач стало изучение общественных систем других планет, освобождение от угнетения населяющих их разумных существ, попытка повернуть их на верный путь общественного развития: «Мы лечим болезни не только отдельных людей, но и целых обществ. И особенное внимание уделяем профилактике социальных бедствий. Вероятно, следовало бы это сделать на планете Ян-Ях несколько столетий назад...» [Ефремов, 2017: 148].	» [Стругацкие, 1963: 11]. Колонизация Венеры: «Группа ученых, работавших на Венере, закончила и предложила на рассмотрение Мирового Совета практический проект дистилляции атмосферного покрова Венеры с целью ее дальнейшей колонизации» [Стругацкие, 1963: 48].		“Меркурий-2”, №45-6 “Ганимед”, №7-67 “Кратер Циолковского”. Коля подошёл к экрану справочной и спросил: – Билеты на ближайший рейс к Луне остались? – Последний к Луне ушёл пятнадцать минут назад, – ответила справочная» [Булычев, 2014: 82].	о действитель но вышло из своей земной колыбели» [Биленкин].

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев		И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	длились века, много экспедиций погибло, на смену им мчались новые» [Итин, 2015: 21].						Марса со сборной внешних без. На кубок Системы» [Булычев, 2014: 34].	
Описания различных преобразований планет	Города построены по принципу слияния с природой :_«Среди садов, на много миль друг от друга, поднималась громадные литые здания из блестящих разноцвет	Превращение планеты в цветущий сад: «Превращение в оазисы пустынь путём использования я энергии солнца; приспособлен ие под жильё и оранжерейное “озеленение” доселе неприступных гор; солнечные двигатели,	Строительство городов: «День за днем, шаг за шагом люди отвоевывают пустынные пространства, проводят каналы, строят дороги, прорубают просеки в лесах... Какое упорство!	Изменение климата: «... мы сильно улучшили облик нашей планеты. Мы сильно уменьшили ледяные шапки, образовавшиеся на полюсах Земли в четвертичную эпоху оледенения, и изменили климат всей планеты. Вода в океанах поднялась на семь метров, в атмосферной циркуляции резко сократились полярные фронты и ослабли кольца пассатных ветров, высушивавшие зоны	Превращение планеты в сад: «Он вышел в незнакомую и в общем-то чужую жизнь, под бескрайнее небо, в зелень бескрайних садов» [Стругацкие, 1963: 63].	Преобразование природы: «Позади столетия борьбы с пустынями, когда все безводные земли мы превратили в увлажненные; историки называют его веком орошения. Позади столетие борьбы с излишней влагой в тропиках, ликвидация ненужных нам болот, озер и морей – Северного,		

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев		И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	ных материал ов, выстроен ные художник ами и потому всегда отличные друг от друга. Эти дворцы строились так, чтобы казаться гармонич еским целым с природой » [Итин, 2015: 23]. Планета — цветущи й сад: «У нас были бананы, персики, розы...	машины, работающие силой приливов, отливов и морских волн; новые виды растений, которые используют больший процент солнечной энергии...» [Беляев, 2017: 39]. Стремление к покорению планеты, освоению Антарктиды: «Мы превратим ледяную Гренландию в цветущий сад с вечным летом. И, наконец, доберёмся до Южного полюса с его	Какое напряжени е! Впереди — первобытн ая природа, глушь, леса; позади — дороги, поселки, заводы, города» [Беляев]. Превраще ние пустынь в сады: «Пустыни в поля, в сады переделыва ем. Доберемся и до других мировых пустынь» [Беляев]. Покорение Арктики: «Арктика	пустынь на границе тропиков. Почти прекратились и ураганные ветры, вообще всякие бурные нарушения погоды. До шестидесятых параллелей дошли тёплые степи, а луга и леса умеренного пояса пересекли семидесятую широту» [Ефремов, 2018: 64]. Покорение Арктики: «Антарктический материк, на три четверти освобождённый ото льда, оказался рудной сокровищницей человечества — там сохранились нетронутыми горные богатства на всех других материках, сильно выработанные после безрассудного распыления металлов в повсеместных и сокрушительных войнах прошлого» [Ефремов, 2018: 65].		Эгейского, Желтого. Век орошения позади, и век осушения позади» [Гуревич, 1965: 138]. Борьба с пустынями: «Последние века — всю сознательную эпоху — мы заняты были борьбой с этими пустынями, старались их потеснить» [Гуревич, 1965: 7]. Покорение Арктики и Антарктиды.		

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	огромные ! Вишни величины с яблоко и персики величины с арбуз. Я начал с яблок, потому что наша планета была прежде всего сад. Мир делился на страны по плодам их растений. Их пояса были нанесены на карту» [Итин, 2015: 22].	неистощимым и природными богатствами. Освободим ото льдов целый материик, который вместит и прокормит миллионы людей. Мы превратим нашу Землю в лучшую из планет...» [Беляев, 2017: 45]. Строительство рабочих городов: «рабочий город завода “Синтез”: жилые дома, магазины, школы, библиотеки, кино, театры, в том числе большой	— это страна будущего, а не страна «погибели и ужаса», какой она была и какой еще кажется многим до сих пор» [Беляев].	Превращение пустынь в цветущие сады: «На севере от северного жилого пояса простирается гигантская зона лугов и степей, где пасутся бесчисленные стада домашних животных. К югу (в северном полушарии) и к северу (в южном) были пояса сухих и жарких пустынь, ныне превращённые в сады. Здесь прежде находились поля термоэлектрических станций, собиравших солнечную энергию» [Ефремов, 2018: 62].			

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
		телевизорный театр, передающий постановки академических театров Москвы и Ленинграда» [Беляев, 2017: 61].					
Негативные образы	Образ прошлого: «Вот предо мной человек, одетый в шкуру барана. В одной руке человек несёт, размахива я, несколько убитых зверьков, другой тянет детёныша »; «Люди жили		Образ планеты Торманс – «символ тяжкой жизни людей в неустроенном обществе» [Ефремов, 2017: 26]. Планета населена потомками людей с Земли, «не захотевших покориться неизбежному ходу истории» [Ефремов, 2017: 27]. Культ личности властителя: «Чаще всего упоминалось имя Чойо Чагаса, соображения которого на разные темы общественной жизни, прежде всего экономики, вызывали	Образ планеты Саракш: «Душный мир. Неблагоприятный, болезненный мир. Весь он какой-то неуютный и тосклиwyй» [Стругацкие, 2019: 38]. Обман народа: «Государственная идеология в Стране Отцов построена на идее угрозы	Дикость людей прошлого столетия: «Неужели ты думаешь, что через сто лет можно будет найти на Земле человека, который будет резать ножом скамейку только для того, чтобы оставить свою подпись?» Обман народа: «Государственная идеология в Стране Отцов построена на идее угрозы	Отмечается , что люди прошлого жили в страхе: «Я человек пятого века третьего мегахрона, – повторил он с облегчением и поспешност ью. – Между мной и Гезом бездна столетий, его прошлое далеко от меня, как крестовые	

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	вместе с животными, как животные»; «То была скорее не война, а коллектив но задуманное самоубийство»; «Я видел поезда, катящиеся по железным рельсам силой перегретого пара. Из красных ящиков вылезали люди и тащили громадные сундуки и узлы, сгинаясь		неумеренные восторги и восхвалялись как высшая государственная мудрость» [Ефремов, 2017: 81] Безразличное отношение власти к своему народу: «Когда ограниченные ресурсы планеты истощены до предела, далеко не каждый человек достоин жить. Людям там много надо, а если они без способностей, то чем они лучше червей?» [Ефремов, 2017: 268]. Власть, воздействуя на психику людей, внушает им приоритет материальных ценностей над духовными: «Здесь, на обедневшей планете, средства духовной ломки были несложны: террор и	извне» [Стругацкие, 2019: 123]. Воздействие на сознание: «Так вот, башни – это излучатели. Они включаются два раза в сутки по всей стране, и нас отлавливают, пока мы валяемся беспомощные от боли. <...> Нам негде укрыться, экранов не существует, мы сходим с ума, стреляемся, делаем глупости от отчаяния, вымираем...» [Стругацкие, 2019: 173].		походы. Я знаю, как управлять всеми пятью состояниями психики, и не знаю, каково это – в страхе просыпаться ночью. Нет, знаю, теперь знаю, но этот страх надо изгнать. Страх, но не память о нем» [Биленкин].	

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	под их тяжестью. «Частная собственность», – сообразил я» [Итин, 2015: 62–63]. Соотнесение прошлог о с адом: «Я услышал напряжённую декламацию, отрывок из той же старинной поэмы «Ад», которая вспоминалась мне, когда я смотрел на Землю» [Итин,		голод плюс полный произвол в образовании и воспитании. Духовные ценности знания и искусства, тысячелетиями накопленные народами, изымались из обращения. Вместо них внушали погоню за мнимыми ценностями, за вещами» [Ефремов, 2017: 303]. Концепция «инфериальности»: «Инферно – от латинского слова ‘нижний, подземный’, оно означало ад. Надпись: “Оставь надежду всяк сюда входящий” – на вратах ада отражала главное свойство придуманной людьми обители мучений. Это интуитивное предчувствие истинной подоплеки исторического	Мир наизнанку: «Максим понял, что находится в гигантской ловушке, что контакт сделается возможным только тогда, когда ему удастся буквально вывернуть наизнанку естественные представления, сложившиеся в течение тысячелетий. По-видимому, это уже пытались здесь проделать, если судить по распространенному проклятию «массаракш»,			

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

	В. Итин	А. Беляев	И. А. Ефремов	А. и Б. Стругацкие	Г. Гуревич	К. Булычев	Д. Биленкин
	2015: 84].		развития человеческого общества...» [Ефремов, 2017: 114]. Образ прошлого – состояние Торманса соотносится с историческим периодом Земли – периодом Эры Расщепленного Мира: «И теперь, через пятнадцать лет, по достижении ею сорокалетней зрелости, оно привело ее к руководству небывалой экспедицией в чудовищно отдаленный мир, похожий на земной период конца ЭРМ» [Ефремов, 2017: 35].	что дословно означало «мир наизнанку» [Стругацкие, 2019: 94].			

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики и литературоведения
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ЖиЛ
Анисимов К.В. Анисимов
«22 » июня 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА: ПОЭТИКА
СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Выпускник *тюнин* К.В. Тюнина

Научный руководитель *анисимова* д-р филол. наук, доц. Е.Е. Анисимова

Нормоконтролер *баженова* Я.В. Баженова

Красноярск 2021